Трофимов

Поход под Казань 1552.

ПОХОДЪ ПОДЪ КАЗАНЬ,

ЕЯ ОСАДА И ВЗЯТІЕ

ВЪ 1552 ГОДУ.

СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ КАЗАНСКОМЪ ОФИЦЕРСКОМЪ СОБРАНІИ
Генеральнаго Штаба Капитаномъ
Вл. Трофимовымъ.

Къ тексту приложены: особое «Добавленіе къ описанію казанской крѣпостной ограды», отчетная карта похода и два плана г. Казани.

КАЗАНЬ.
Типографія Окружнаго Штаба.
1890 г.

ПОХОДЪ ПОДЪ КАЗАНЬ,

ЕЯ ОСАДА И ВЗЯТІЕ

ВЪ 1552 ГОДУ.

СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ КАЗАНСКОМЪ ОФИЦЕРСКОМЪ СОБРАНІИ

Генеральнаго Штаба Капитаномъ

Вл. Трофимовымъ.

Къ тексту приложены: особое «Добавленіе къ описанію казанской крѣпостной ограды», отчетная карта похода и два плана г. Казани.

КАЗАНЬ.

Типографія Окружнаго Штаба

1890 г.

Печатать разрѣшаю. 15 апрѣля 1890 г. Г. Казань.

Начальникъ Штаба Казанскаго военнаго Округа,
Генералъ-Маiоръ *Казанскiй.*

Цензурою дозволено. Казань, 12 Iюня 1890 года.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ:

1) «Царственная книга», изд. 1769 года.

2) «Сказанія князя Курбскаго», изд. профессоромъ Устряловымъ въ 1833 году.

3) «Исторія о Казанскомъ царствѣ» неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія, изд. 1791 года.

4) «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, томъ VIII.

5) «Исторія Россіи въ царствованіе Іоанна IV Васильевича» С. Соловьева, томъ I (VI).

6) «Покореніе Казани» Д. Иловайскаго («Русскій Архивъ» 1888 года № 12).

7) «Русская Исторія» Н. Устрялова, изд. 1855 года, часть I.

8) «Русская военная исторія» Кн. Н. Голицына, часть II.

9) «Русская военная сила» изд. И. Кушнерева, вып. III.

10) «Очерки древней Казани» Пл. Заринскаго, изд. 1877 г.

11) «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 года» (Критическій разборъ кампаніи 1708 года) П. Гудима-Левковича, изд. 1875 г..

12) «Матеріалы для географіи и статистики Россіи» изд. 1861 года. «Казанская губернія», сост. М. Лаптевъ.

13) Военный энциклопедическій лексиконъ, изданный въ 1852—58 годахъ (14 том.).

14) Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, составленная подъ редакціей Генералъ-Лейтенанта Г. Леера (4 тома).

15) Планы гор. Казани: 1) фонъ-Каница, обработанный Устряловымъ, 2) составленный въ 1768 году и 3) современный.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
7	5-ая	снизу	по-неволѣ	поневолѣ
12	14-ая	сверху	покаятся	покаются
15	1-ая	—	продольствіемъ	продовольствіемъ
25	5-ая	снизу	всетаки	всё-таки
26	4-ая	сверху	*«пушки» верховыя*	*«пушки верховыя»*
32	5-ая	снизу	иждевеніи	иждивеніи
35	21-ая	сверху	всюда	всюду
36	11-ая	—	довѣршить	довершить
39	5-ая	—	Щенятьева	Щенятева
43	7-ая	—	войскоми	войсками
43	17-ая	—	искуссныхъ	искусныхъ
43	23-ья	—	Треекурова	Троекурова
44	11-ая	—	перед-винувшись	пере-двинувшись
47	1-ая	—	оп-редѣлить	опре-дѣлить
47	15-ая	—	по прежнему	попрежнему
57	2-ая	—	башень	башенъ
57	6-ая	снизу	башни	башнѣ
66	5-ая	—	но они	но онѣ
70	10-ая	—	катившіе	катившія
72	9-ая	сверху	по близости	поблизости
73	2-ая	снизу	окапались	окопались
109	4-ая	сверху	всѣй	всей
111	17-ая	—	выдаюцую	выдающуюся

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА VI. Осада Казани.

ГЛАВА VII. Взятіе Казани.

Моимъ сообщенiемъ я перенесу Ваше вниманiе на событiе, относящееся къ далекому прошлому нашей отечественной исторiи, къ той славной эпохѣ, когда только что объединившееся Московское государство сдѣлало *первое* завоеванiе чуждаго для него народа и притомъ народа татарскаго, съ именемъ котораго было связано для русскаго человѣка такъ много страданiй и униженiя въ теченiе $2^1/_2$ вѣковъ.

Событiе это—походъ подъ Казань, ея осада и взятiе русскими въ 1552-мъ году и, какъ прямое слѣдствiе всего этого, покоренiе царства Казанскаго.

Помимо необыкновенной политической важности этого событiя, оно не менѣе замѣчательно и въ чисто военномъ отношенiи.

Во первыхъ, осада Казани представляетъ собою первый примѣръ *правильной* осады укрѣпленнаго города русскими войсками во всемъ, начиная отъ обложенiя и кончая штурмомъ. До этого времени, по несовершенству артиллерiи и военно-инженернаго искусства, крѣпостями овладѣвали путемъ тѣснаго обложенiя, принуждая гарнизонъ къ сдачѣ вслѣдствiе голода.

Во вторыхъ, въ перiодъ этой осады было впервые проявлено русскими правильное и вполнѣ осмысленное употребленiе каждаго рода оружiя и особенно артиллерiи, а также умѣлое и широкое примѣненiе всѣхъ средствъ инженернаго искусства.

Въ третьихъ, вполнѣ разумныя и толковыя распоряженiя, правильныя мѣры, искусное и удачное исполненiе ихъ рѣзко отличали эту осаду отъ всѣхъ другихъ русскихъ осадъ, бывшихъ до того времени. Наибольшая честь и заслуга въ этомъ отношенiи принадлежатъ опытнымъ и доблестнымъ воеводамъ, начальствовавшимъ надъ

войсками и руководившимъ своими совѣтами вовсе неопытнаго еще въ военномъ дѣлѣ 22-хъ лѣтняго Іоанна, князьямъ: Воротынскому, Горбатому-Шуйскому, Серебряному-Оболенскому, Курбскому, Мстиславскому и др. и особенно ближайшему совѣтнику его—Алексѣю Адашеву.

Въ четвертыхъ, объединеніе власти надъ осадными войсками въ лицѣ присутствовавшаго государя, устранило на этотъ разъ пагубное мѣстничество между гордыми воеводами, уравняло ихъ и придало всѣмъ дѣйствіямъ русскихъ полковъ должное единство и полнѣйшее согласіе въ достиженіи поставленныхъ цѣлей осады.

Наконецъ, въ пятыхъ, за время этой осады русскими войсками были проявлены въ высшей степени: строгій порядокъ и дисциплина, мужество, твердость и терпѣніе въ преодолѣніи всѣхъ препятствій, неимовѣрныхъ трудовъ, лишеній и невзгодъ, противопоставляемыхъ имъ противникомъ и природой.

Всѣ перечисленные факторы впервые суммировались во всей полнотѣ въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ подъ Казанью въ 1552 году, и потому ходъ осады и взятія этого города, независимо отъ чисто мѣстнаго интереса для насъ—казанскихъ жителей, заслуживаетъ еще особеннаго вниманія и съ военно-исторической точки зрѣнія.

Его Высокопревосходительству, Командующему войсками округа, Генералъ-Адъютанту Мещеринову угодно было поручить мнѣ подробно ознакомиться съ этимъ событіемъ и изложить его здѣсь предъ Вами. Главнѣйшія отправныя точки для моего сообщенія и важнѣйшіе источники были указаны и даны мнѣ Его Высокопревосходительствомъ, но ограниченность матеріала и неполнота описаній этого событія, къ сожалѣнію, не дали мнѣ возможности достигнуть во всемъ положительныхъ результатовъ и многое пришлось опредѣлять приблизительно, прибѣгая для сего къ наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ.

ГЛАВА I.

Причины и происхожденіе борьбы между Москвою и Казанью. Краткій историческій очеркъ взаимныхъ отношеній этихъ государствъ до рѣшительной борьбы между ними въ 1552 году. Приготовленія московскаго правительства къ послѣднему походу подъ Казань.

Хотя вопросъ о причинахъ и происхожденіи борьбы между Москвою и Казанью прямо и не относится къ спеціальной задачѣ моего сообщенія, тѣмъ не менѣе, для полноты картины разсматриваемаго событія, считаю необходимымъ въ самыхъ общихъ чертахъ указать и намѣтить тѣ обстоятельства, которыя вызвали эту борьбу и сдѣлали её исторически-неизбѣжной.

Самой первой и общей причиной постоянной борьбы Московскаго государства съ Казанью была причина чисто *религіозная*,—давнишняя историческая борьба между христіанствомъ и мусульманствомъ вообще. Борьба эта, какъ извѣстно, началась съ самаго появленія и образованія мусульманства и велась непрерывно на всѣхъ пунктахъ историческаго міра, гдѣ только послѣдователи Магомета соприкасались и сталкивались съ вѣрующими во Христа. На протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ главными представителями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыми передовыми борцами въ этой борьбѣ были: на католическомъ Западѣ — римскіе папы съ главнѣйшими западно-европейскими государями, на православномъ Востокѣ—визан-

тійскіе императоры. Но со второй половины XV вѣка, со времени окончательнаго покоренія турками бывшей Греческой имперіи, руководящая роль въ борьбѣ христіанства съ мусульманствомъ на православномъ Востокѣ отъ византійскихъ императоровъ перешла къ единовѣрнымъ имъ русскимъ государямъ, которые къ этому времени успѣли уже достаточно усилиться и создать единое, сравнительно прочно организованное Московское государство. Со вступленіемъ Іоанна III въ близкое родство съ послѣдней византійской династіей, посредствомъ брака съ царевной Софіей Палеологъ, къ русскимъ государямъ вполнѣ законно и естественно перешли всѣ права и обязанности бывшихъ византійскихъ императоровъ въ многовѣковой борьбѣ съ мусульманствомъ на православномъ Востокѣ. Защита христіанства и разныхъ христіанскихъ народностей противъ могущественнаго мусульманства сдѣлалось послѣ этого существенной задачей русской политики на Востокѣ, отличительной чертой всей нашей послѣдующей исторіи. И прежде всего, разумѣется, русскіе государи должны были вести борьбу съ ближайшими мусульманскими народностями, именно съ тѣми изъ нихъ, которые населяли теперешнюю русскую территорію, т. е. съ татарами: казанскими, астраханскими и крымскими.

Такимъ образомъ, параллельно съ первой причиной—*религіозной*, выступала и другая причина—чисто *географическая* или *территоріальная*, дѣлавшая борьбу между Москвою и Казанью исторически-неизбѣжной. Достаточно одного бѣглаго взгляда на историческую карту второй половины XV и первой половины XVI вѣка, чтобы убѣдиться, что географическій раіонъ, занимаемый казанскими татарами (между Волгою, Камою, Самарою и Уральскимъ хребтомъ) есть не что иное, какъ непосредственное продолженіе той территоріи, на которой господствовало великорусское племя, и что этотъ раіонъ не былъ отдѣленъ отъ Московскаго государства никакими

естественными преградами. Вслѣдствіе такого территоріальнаго отношенія между Москвою и Казанью, вооруженное столкновеніе между ними было неизбѣжно и царство казанскихъ татаръ, какъ слабѣйшее, неминуемо должно было войти въ составъ Московскихъ владѣній, точно также какъ и остальныя мусульманскія орды--Астраханская и Крымская, гнѣздившіяся на юго-востокѣ и югѣ Россіи.

Въ непосредственной связи съ предыдущей причиной неизбѣжности вооруженнаго столкновенія Московскаго государства съ Казанью, имѣла значеніе еще и третья причина, которую можно назвать — причиной *экономической.* Владѣя верхнимъ и частью средняго теченія самой большой и судоходной русской рѣки—Волги, Московское государство только тогда могло воспользоваться всѣми экономическими выгодами этого владѣнія, когда оно сдѣлало-бы своимъ и все остальное теченіе этой рѣки, находившееся во власти казанскихъ и астраханскихъ татаръ. Обладаніе Волгой на всемъ ея протяженіи было существенно необходимо для экономическаго развитія Московскаго государства и, слѣдовательно, борьба съ Казанью и Астраханью являлась для Москвы дѣломъ положительно неизбѣжнымъ.

Наконецъ ближайшей причиной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственнымъ поводомъ къ рѣшительной борьбѣ между Москвою и Казанью въ царствованіе Іоанна Грознаго была *хищническая, разбойничья* политика казанскихъ татаръ, свойственная всѣмъ вообще варварскимъ мусульманскимъ ордамъ, господствовавшимъ въ то время на востокѣ и югѣ теперешней русской территоріи. Хищническіе набѣги казанскихъ татаръ на восточную границу Московскаго государства были особенно чувствительны и тяжелы, потому что Московскія владѣнія соприкасались здѣсь непосредственно съ владѣніями казанцевъ и не были защищены отъ этихъ послѣднихъ никакими естественными преградами. Набѣги эти всегда сопро-

вождались страшными опустошеніями русскихъ пограничныхъ земель и уводомъ въ Казань массы русскихъ плѣнниковъ, которые составляли одну изъ доходныхъ статей торговли казанцевъ съ мусульманами Средней Азіи. Обезопасить вполнѣ свою восточную границу московское правительство могло не иначе, какъ только окончательно разоривъ хищническое гнѣздо казанскихъ татаръ и подчинивъ ихъ непосредственной своей власти.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ причины, которыя подготовили и сдѣлали неизбѣжной рѣшительную борьбу между Москвою и Казанью въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Прослѣдимъ теперь въ краткомъ очеркѣ исторію отношеній между Москвою и Казанью, чтобы видѣть, какъ эти отношенія довели ихъ до послѣдней, рѣшительной борьбы другъ съ другомъ.

Основаніе Казанскаго царства относится къ 1438 году. Изгнанникъ Кипчакской орды ханъ Улу-Махметъ искалъ спасенія въ Россіи, но встрѣченный непріязненно Василіемъ Темнымъ, удалился на берега Волги, въ древнюю Болгарію и здѣсь возобновилъ Казань, разрушенную русскими еще въ 1399 году. Онъ выбралъ близъ стараго города (Старое городище) новое, болѣе удобное, мѣсто, построилъ тутъ деревянную крѣпость и далъ въ ней пристанище всѣмъ бѣглецамъ и хищникамъ, страшившимся Москвы; сюда-же начали стекаться со всѣхъ сторонъ: изъ Астрахани, Азова и Крыма— толпы недовольныхъ татаръ. Подчинивъ затѣмъ своей власти всѣхъ обитателей древней Болгаріи, Улу-Махметъ создалъ, такимъ образомъ, новое татарское царство—Казанское.

Съ перваго-же года существованія этого новаго царства начались безпрестанные набѣги и вторженія татаръ въ русскія пограничныя области. Убійства, грабежи, разоренія и уводъ значительнаго числа плѣнныхъ сопровождали эти хищ-

ническія нашествія. Тысячи русскихъ мужчинъ и женщинъ стали томиться постоянно въ казанской неволѣ и пополняли собою рынки рабовъ Средней Азіи. Какъ великъ былъ уводъ русскихъ плѣнныхъ, видно изъ того, что съ воцареніемъ на казанскомъ престолѣ въ 3-й разъ Шигъ-Алея, ихъ было освобождено единовременно изъ неволи 60000 человѣкъ, но это составляло только лишь небольшую часть.

Прекратить эти губительныя вторженія и обезпечить себя со стороны сильной Казани—русскіе долго не могли. Занятое собственнымъ объединеніемъ, юное Московское государство было еще слишкомъ слабо для того, чтобы рѣшиться вести наступательную войну; оно старалось только защищать себя во время этихъ неожиданныхъ нападеній. Однако московскіе государи зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Казани и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы утвердить въ ней свое вліяніе. Случаи эти были довольно часты, благодаря господствовавшимъ въ Казани постояннымъ неурядицамъ изъ-за царскаго престола, на которомъ, за 115 лѣтъ существованія царства, перебывало 15 хановъ въ 20 различныхъ царствованій. Смерть каждаго царя влекла за собою кровавые раздоры между казанскими вельможами, присвоившими себѣ право возводить и свергать царей по собственному усмотрѣнію. Такое безначаліе открывало доступъ къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Казани сосѣднимъ государствамъ: Московскому, Крымскому и Ногайскому, изъ которыхъ каждое прочило и поддерживало на престолѣ своего кандидата. Въ Казани создавались партіи, тяготѣвшія въ ту или другую сторону; начиналась борьба, которая отвлекала казанцевъ отъ внѣшнихъ предпріятій и расшатывала еще болѣе ея государственный строй. Такая внутренняя борьба партій была крайне выгодна для Москвы: она истощала силы Казани и облегчала покореніе ея въ будущемъ.

Въ виду этого русскіе государи постарались исподволь образовать въ ней свою московскую партію, которая и вступила въ постоянную борьбу съ могущественной крымской партіей. Вначалѣ московская партія была сравнительно слаба, но со времен Іоанна III, когда разрозненныя русскія области объединились въ сильное Московское государство, она пріобрѣла первенствующее значеніе и вліяла на внутреннія дѣла Казани сообразно выгодамъ Москвы. Единодержавная Русь теперь имѣла уже достаточно силъ, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать свою партію путемъ рѣшительныхъ дѣйствій. Изъ оборонительнаго положенія она перешла въ наступательное и русскія войска начали довольно часто появляться подъ стѣнами Казани, угрожая ея независимости. Въ одинъ изъ такихъ походовъ, а именно въ 1487 году, русскіе овладѣли самою Казанью и захватили въ плѣнъ царя Алегама. Но Іоаннъ III отлично понималъ, что Московское государство, занятое упроченіемъ только-что присоединенныхъ русскихъ областей, еще не было настолько сильно, чтобы могло удержать за собою отдаленную Казань. Вслѣдствіе этого, онъ оставилъ отдѣльное существованіе Казанскаго царства, возведя на престолъ его хана Мегметъ-Аминя, но обязалъ послѣдняго быть присяжникомъ Москвы, имѣя въ виду этимъ путемъ подчинить себѣ Казань, какъ государю Болгаріи, каковой титулъ онъ принялъ съ тѣхъ поръ.

Преемникъ Іоанна III—Василій III держался той-же мудрой политики, подготовляя постепенно будущее покореніе Казани, въ которой борьба партій продолжалась еще съ большей силой. Вліяніе Москвы уступало мѣсто вліянію Крыма; цари, возведенные на престолъ крымской партіей, смѣнялись царями партіи московской. Утрачивалась зависимость отъ Москвы и русскіе должны были предпринимать походы противъ мятежной Казани. Въ одинъ изъ такихъ походовъ Василій III построилъ въ предѣлахъ Казанскаго царства гор

Васильсурскъ и тѣмъ положилъ начало окончательному покоренію Казани.

Въ малолѣтство Іоанна Грознаго, вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ за время правленія Елены и бояръ, вліяніе Москвы на Казань было совершенно утрачено. Первенствующая крымская партія, во главѣ съ царемъ Сафа-Гиреемъ, не только свергнула зависимость отъ Москвы, но даже приняла наступательный образъ дѣйствія и русскія поволжскія области не видѣли конца разореніямъ и опустошенію. Наконецъ жестокосердіе Сафа-Гирея вооружило противъ него и самихъ казанцевъ; онъ былъ изгнанъ въ 1546 году. Московская партія просила Іоанна прислать имъ на царство Касимовскаго хана Шигъ-Алея, но послѣдній, посаженный вторично на Казанскій престолъ, продержался на немъ не болѣе одного мѣсяца, такъ какъ враждебная крымская партія опять взяла верхъ и снова посадила Сафа-Гирея. Тогда юный Іоаннъ предпринялъ свой первый походъ противъ Казани. Выступивъ зимою 1547 года, онъ миновалъ Нижній-Новгородъ и достигъ уже острова *Работки* (въ 80 вер. отъ Нижняго-Новгорода), но здѣсь, по причинѣ наступившей оттепели, долженъ былъ остановиться. Прождавъ до половины февраля благопріятной погоды и не дождавшись ея, государь вернулся обратно въ Москву, огорченный этой первой неудачей.

Въ 1549 году Сафа-Гирей умеръ, оставивъ своимъ преемникомъ двухлѣтняго сына Утемишъ-Гирея, подъ опекою матери его Суюнбеки. Крымская партія поняла опасное положеніе Казани подъ управленіемъ малолѣтняго царя и просила помощи у Крымскаго хана. Но послы были перехвачены русскими. Тогда казанцы по-неволѣ запросили мира у Московскаго двора.

Между тѣмъ Іоаннъ спѣшилъ воспользоваться наступившимъ въ Казани безначаліемъ и въ февралѣ 1550 года, съ 60000 войскомъ, сталъ подъ стѣнами Казани. Однако и

этотъ второй походъ окончился неудачею. Пошли сильные дожди, наступила оттепель, ледъ на Волгѣ взломало, подвозъ продовольствія прекратился и русскимъ войскамъ грозилъ голодъ. Простоявъ 11 дней, Іоаннъ долженъ былъ ни съ чѣмъ вернуться назадъ. Но этотъ второй походъ оставилъ по себѣ весьма важный слѣдъ. Отступая въ Москву, Іоаннъ выбралъ мѣсто на устьѣ р. Свіяги для новой русской крѣпости—*Свіяжска*, которая еще болѣе должна была стѣснить казанцевъ. Въ маѣ слѣдующаго 1551 года крѣпость была заложена и вооружена; въ ней засѣлъ Шигъ-Алей съ русскимъ гарнизономъ и казанскими выходцами.

Построеніе Свіяжска имѣло весьма важныя послѣдствія.

Во первыхъ, основаніе русской крѣпости въ земляхъ чувашей, мордвы и черемисъ повело къ отпаденію ихъ отъ Казани и къ подчиненію Москвѣ всей Нагорной стороны Волги. Русская граница, такимъ образомъ, придвинулась почти къ самымъ стѣнамъ главнаго центра татаръ—укрѣплённой Казани.

Во вторыхъ, находясь въ 25 верстахъ отъ Казани, крѣпость Свіяжскъ послужила опорною, исходною точкой для всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій русскихъ противъ непокорныхъ казанцевъ. Поэтому всякая неудача нашихъ войскъ не была уже такъ опасна для отступленія, ибо въ ближайшемъ тылу находилась крѣпость, способная укрыть потерпѣвшія войска. Вслѣдствіе этого дѣйствія могли быть рѣшительнѣе и настойчивѣе.

Въ третьихъ, въ стѣнахъ этой крѣпости московское правительство могло постепенно сосредоточить всѣ средства и запасы для веденія рѣшительной и послѣдней борьбы съ Казанью.

Наконецъ, въ четвертыхъ, возникновеніе московской твердыни почти въ виду самой Казани и присутствіе въ ней царя Шигъ-Алея передало главенство въ руки московской

партіи; испуганная крымская сторона бѣжала изъ Казани. Казанцы запросили мира и царя Шигъ-Алея на престолъ. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они выдали всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и царицу Суюнбеку съ сыномъ. Въ Москвѣ, повидимому, разсчитывали, что Шигъ-Алей, занявъ престолъ, приведетъ царство Казанское въ то-же подчиненіе, въ какомъ находилось ханство Касимовское; но онъ не оправдалъ этихъ надеждъ. Поставленный между требованіями Іоанна съ одной стороны и, противоположными имъ, интересами казанцевъ съ другой, Шигъ-Алей силился примирить ихъ насколько возможно, но достигнуть этого не могъ: плѣнныхъ онъ освободилъ не всѣхъ, но и Нагорной черемисы не вернулъ Казани. Нелюбимый казанцами, онъ думалъ жестокостью и коварствомъ держать ихъ въ покорности, но и въ этомъ не успѣлъ. Выведенные изъ терпѣнія, казанцы просили Іоанна убрать Шигъ-Алея и дать имъ своего намѣстника. Узнавъ объ этомъ, Шигъ-Алей распорядился испортить пушки, пищали и порохъ, имѣвшіеся въ Казани, казнилъ многихъ недоброжелателей Москвы и, взявъ съ собою нѣсколько казанскихъ князей и мурзъ и русскихъ стрѣльцовъ, состоявшихъ при немъ, въ мартѣ 1552 года выѣхалъ изъ города подъ предлогомъ ловить рыбу на озерѣ. Но, вмѣсто рыбной ловли, онъ прибылъ въ Свіяжскъ, гдѣ выдалъ воеводамъ всѣхъ захваченныхъ татаръ. [illegible].

Тогда старѣйшій свіяжскій воевода князь Микулинскій далъ знать казанцамъ, что Іоаннъ исполняетъ ихъ просьбу, то есть сводитъ Шигъ-Алея съ престола, а его—Микулинскаго назначаетъ въ Казань русскимъ намѣстникомъ. Казанцы изъявили готовность принять намѣстника и впустить въ городъ русскій гарнизонъ и начали уже присягать на подданство Москвѣ. Но русскіе воеводы имѣли неосторожность отпустить впередъ въ Казань нѣкоторыхъ враждебныхъ Москвѣ

казанскихъ вельможъ, выданныхъ Шигъ-Алеемъ. Послѣдніе, прибывъ въ городъ, объявили жителямъ, что русскіе хотятъ перебить всѣхъ татаръ. Этого было достаточно для того, чтобы пробудить въ казанскихъ мусульманахъ давнишнюю религіозную ненависть къ христіанской Москвѣ. Возстаніе охватило Казань. Казанцы заперли всѣ ворота крѣпости и на отрѣзъ отказались впустить въ неё прибывшія русскія войска. Тщетно Микулинскій простоялъ подъ стѣнами Казани 1 1/2 дня, уговаривая бунтовщиковъ смириться и не вѣрить ложнымъ слухамъ; казанцы упорствовали и рѣшительно отвергли всѣ предложенія и совѣты покориться Москвѣ. Тогда русскія войска возвратились въ Свіяжскъ, дали знать о случившемся Іоанну и ожидали его повелѣній.

Рѣшившись на борьбу, казанцы отправили посла въ Ногайскіе улусы звать на свободный престолъ Астраханскаго царевича Едигера, хорошо знакомаго съ московскими порядками и опытнаго въ ратномъ дѣлѣ; въ то-же время начали дѣятельно подготовлять всѣ средства къ предстоявшей войнѣ.

Получивъ вѣсти объ измѣнѣ казанцевъ, Іоаннъ немедленно отправилъ для подкрѣпленія Свіяжскихъ воеводъ войска подъ начальствомъ боярина Даніила Романовича Юрьева-Захарьина, а Шигъ-Алею приказалъ вернуться въ свой городъ Касимовъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ созвалъ боярскую думу, въ которой объявилъ, что настало время покончить съ Казанью. На совѣщаніи о походѣ мнѣнія раздѣлились: одни совѣтывали Іоанну отправить подъ Казань воеводъ, а самому оставаться въ Москвѣ, ибо легко можетъ случиться, что придется воевать не съ одной только Казанью, но съ ногаями и Крымомъ; другіе, наоборотъ, указывали на необходимость самому государю участвовать въ этомъ походѣ. Іоаннъ (по совѣту Адашева) склонился въ сторону послѣд-

няго мнѣнія и объявилъ, что самъ отправится въ походъ. Подобное рѣшеніе было основано на тѣхъ соображеніяхъ, что всѣ прежніе походы воеводъ подъ Казань отличались крайней нерѣшительностью и безрезультатностью въ своихъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ было приговорено: послать впередъ судовую рать *съ большимъ нарядомъ* и продовольственными запасами для войска и царя, а самому Іоанну въ свое время итти съ остальными войсками сухимъ путемъ. Послѣ этого было сдѣлано распоряженіе о сборѣ войскъ изъ дальнихъ мѣстъ къ *Коломнѣ* и *Каширѣ*, а изъ ближнихъ къ *Мурому*. Для усиленія войскъ свіяжскаго гарнизона были посланы водою черезъ Нижній-Новгородъ князья Шуйскій и Горбатый съ особымъ отрядомъ. Вслѣдъ за ними долженъ былъ слѣдовать, также водою, бояринъ Морозовъ съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ и продовольственными запасами. Затѣмъ, чтобы лишить казанцевъ возможности сообщаться съ Крымомъ и Ногаями и не пропустить въ Казань подкрѣпленій изъ этихъ союзныхъ ей земель, Іоаннъ послалъ боярина Михаила Глинскаго съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казаками на р. Каму, повелѣвъ ему присоединить къ себѣ устюжанъ и вятчанъ и занять всѣ перевозы какъ по р. Камѣ, такъ и по Вяткѣ. Занятіе перевозовъ по р. Волгѣ было возложено на свіяжскихъ воеводъ.

Между тѣмъ изъ Свіяжска получались неутѣшительныя извѣстія. Горная черемиса, подущаемая казанцами, отложилась отъ Москвы и перешла на ихъ сторону. Бунтовщики имѣли уже нѣсколько стычекъ съ русскими войсками, окончившихся неудачею для послѣднихъ. Русскіе отряды, занимавшіе перевозы на Камѣ и Вяткѣ, проглядѣли царевича Едигера, который съ 500 ногаевъ прибылъ въ Казань и сѣлъ на ея престолъ. Въ Свіяжскѣ открылась страшная цынга, отъ которой сильно рѣдѣли находившіяся тамъ войска Въ довершеніе всего, среди свіяжскихъ воиновъ, благодаря

обилію казанскихъ плѣнницъ, распространился повальный развратъ; нѣкоторые, по словамъ лѣтописца, даже брили бороды, чтобы нравиться женщинамъ.

Все это до нельзя усложняло обстановку предстоящаго похода, однако Іоаннъ не падалъ духомъ. Прежде всего, для усиленія войскъ свіяжскаго гарнизона, было приказано князьямъ Горбатому и Шуйскому поторопиться туда изъ Нижняго-Новгорода. Затѣмъ были приняты мѣры противъ цынги и разврата, а именно: въ Успенскомъ соборѣ отслужили молебенъ, освятили воду надъ мощами святыхъ и послали её съ протопопомъ Тимофеемъ для окропленія города; съ нимъ-же было отправлено и митрополичье посланіе, въ которомъ грозилось церковнымъ отлученіемъ и царской опалой, если жители не покаятся и не исправятся.

Затѣмъ Іоаннъ разрядилъ начальствованіе надъ полками: воеводою *большого* полка назначилъ кн. Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, а товарищемъ ему кн. Михаила Ивановича Воротынскаго; *передовой* полкъ поручилъ князьямъ Ивану Туринтаю-Пронскому и Димитрію Хилкову; полкъ *правой руки*—кн. Петру Щенятеву и кн. Андрею Курбскому, *лѣвую руку*—кн. Димитрію Микулинскому и кн. Димитрію Плещееву и *сторожевой* полкъ—князьямъ Василію Серебряному и Семену Шереметеву. У себя въ полку онъ назначилъ воеводами князей Владиміра Воротынскаго и Ивана Шереметева. Кромѣ того онъ вытребовалъ царя Шигъ-Алея изъ Касимова съ отрядомъ его татаръ.

Прибывшій Шигъ-Алей совѣтовалъ Іоанну отложить походъ до зимы, ссылаясь на труднодоступность казанскихъ окрестностей въ теченіе лѣта; но Государь отвѣчалъ, что медлить нечего, тѣмъ болѣе, что часть войскъ, большой нарядъ и запасы уже отправлены къ Свіяжску; что при помощи Бога можно будетъ сдѣлать непроходимыя мѣста—проходимыми, пути острые—гладкими.

Отправивъ затѣмъ воеводъ къ мѣстамъ сбора полковъ, Іоаннъ выжидалъ готовности войска съ тѣмъ, чтобы тотчасъ-же двинуться къ Свіяжску черезъ Муромъ и Соканское городище.

Приступая къ войнѣ, Московское государство постаралось обезопасить себя на это время со стороны сосѣднихъ державъ. Швеція, Ливонія и Польша были съ Москвою въ хорошихъ отношеніяхъ и не имѣли серьезныхъ основаній мѣшать ей въ дѣлахъ съ Казанью.

Не таково было настроеніе татарскихъ государствъ. Вѣсть объ опасности, грозившей Казанскому царству, быстро облетѣла всѣ мусульманскія земли и пробудила въ нихъ братскія, единовѣрныя симпатіи. Турецкій султанъ Солиманъ, не имѣя возможности самъ выступить противъ Москвы, по отдаленности послѣдней, старался вооружить противъ нея крымцевъ, ногаевъ и астраханцевъ. Но Астрахань была въ то время безсильна, а разрозненные ногаи не были способны къ дружному и быстрому образу дѣйствій. Только крымскій ханъ Девлетъ-Гирей взялся помочь Казани и получилъ отъ Солимана, для успѣха набѣга въ русскія земли, пушки и янычаръ.

Московское правительство предвидѣло опасность со стороны татарскихъ ордъ южной Россіи и принимало свои мѣры. Быть можетъ самое замедленіе похода подъ Казань съ апрѣля по іюль мѣсяцъ было слѣдствіемъ этихъ опасеній

Оставивъ на время изложеніе хода событій, посмотримъ: какими средствами располагало Московское государство для веденія предстоящей борьбы съ Казанью.

ГЛАВА II.

Состояніе вооруженныхъ силъ Московскаго государства передъ казанскимъ походомъ 1552 года.

а) *Порядокъ образованія вооруженныхъ силъ.*

Въ разсматриваемую эпоху составъ русскихъ вооруженныхъ силъ былъ крайне разнообразенъ какъ по порядку ихъ образованія, такъ и по боевымъ качествамъ.

Представляя собою пеструю толпу людей, различныхъ состояній и возрастовъ, оторванныхъ на время войны отъ ихъ мирныхъ занятій, ничего общаго съ военнымъ дѣломъ не имѣющихъ, частью пѣшихъ, но больше конныхъ, вооруженныхъ самымъ разнообразнымъ оружіемъ, начиная отъ огнестрѣльнаго и кончая простою дубиной,—ратныя силы Московскаго государства являлись чисто временными народными ополченіями, со всѣми присущими послѣднимъ достоинствами и недостатками. Только небольшой корпусъ стрѣльцовъ, учрежденный Іоанномъ IV въ 1550 году, представлялъ собою единственное постоянное и благоустроенное войско въ этой пестройной массѣ временныхъ ополченій.

Система устройства вооруженныхъ силъ, унаслѣдованная Іоанномъ Грознымъ, была проведена впервые на Руси дѣдомъ его Іоанномъ III.

Умноживъ значительно дворъ московскій присоединеніемъ къ нему дворовъ или дружинъ уничтоженныхъ удѣловъ, Іоаннъ III роздалъ въ 1500 году младшимъ чинамъ своего двора—*дѣтямъ боярскимъ* земли или помѣстья, обязавъ ихъ, въ случаѣ войны, являться на службу по первому его требованію, въ назначенное мѣсто, въ извѣстный срокъ, съ опредѣленнымъ числомъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья, въ предписанномъ вооруженіи и съ соб-

ственнымъ продольствіемъ на время войны или похода. Этою мѣрой онъ значительно увеличилъ число служилыхъ людей на Руси и далъ средства имѣть всегда наготовѣ ничего не-стоющую для правительства конную милицію, при которой были еще люди для коша (обоза) и боя.

Кромѣ того, опредѣляя на службу литовскихъ и нѣмецкихъ плѣнниковъ и принимая въ неё всѣхъ чужестранцевъ, по собственной ихъ волѣ, онъ положилъ первыя начала иностраннымъ наемнымъ дружинамъ въ русскомъ войскѣ.

Далѣе, Іоаннъ III обратилъ серьезное вниманіе на развитіе артиллерійскаго дѣла на Руси, которое до него находилось въ зачаточномъ состояніи и не было вовсе организовано. Увеличивъ значительно артиллерію *(нарядъ)*, онъ первый ввёлъ её, какъ непремѣнную принадлежность, въ составъ нашихъ полевыхъ ратей; до того времени *нарядъ* назначался почти исключительно для обороны и осады городовъ и оставался постоянно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ.

Затѣмъ, принятіемъ на службу иностранныхъ инженеровъ («размысловъ»), Іоаннъ III немало способствовалъ развитію военно-инженернаго искусства на Руси, и, наконецъ, подраздѣленіемъ войскъ на полки (большіе корпуса) и разряды (расписаніе полковъ по мѣстностямъ), онъ далъ военному устройству Московскаго государства правильный и опредѣленный видъ.

Преемники Іоанна III продолжали дѣло въ данномъ имъ направленіи, особенно Іоаннъ IV, значительно развившій военное устройство Руси и почти удвоившій ея вооруженныя силы. Онъ раздалъ въ 1550 году *боярамъ, дѣтямъ боярскимъ* и *лучшимъ слугамъ*, 1000 человѣкъ, помѣстья на пространствѣ 60- 70 верстъ кругомъ Москвы съ тѣми-же обязательствами, которыя были установлены Іоанномъ III. Этою мѣрой онъ сосредоточилъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы

главныя и лучшія вооруженныя силы государства. Впослѣдствіи онъ уравнялъ помѣщиковъ землями, соразмѣрно ихъ достоинствамъ и заслугамъ, точнѣе установилъ службу съ вотчинъ и помѣстьевъ боярскихъ и опредѣлилъ законами всѣ права и обязанности служилыхъ людей.

Такимъ образомъ, Іоаннъ Грозный окончательно утвердилъ военно-помѣстную систему службы, положенную въ основаніе устройства вооруженныхъ силъ на Руси Іоанномъ III. Вслѣдствіе этого, главною основною частью русскаго войска разсматриваемой эпохи явилось многочисленное сословіе *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ*, владѣвшихъ землями на правѣ вотчинномъ и помѣстномъ и обязанныхъ за это военною службой.

Затѣмъ въ составъ нашихъ войскъ входили еще: *даточные люди, посоха, городовые казаки, стрѣльцы и прислуга при нарядѣ.*

Даточные люди набирались на время войны съ тяглыхъ и не тяглыхъ дворовъ посадскихъ и крестьянскихъ разныхъ вѣдомствъ, а иногда ихъ брали и отъ земли.

Размѣръ призыва даточныхъ людей опредѣлялся нуждою минуты: брали съ 3-хъ, 5, 10, 20 и 50-ти дворовъ по человѣку, пѣшему или конному; продолжительность службы ихъ ограничивалась необходимостью.

Посошные люди—пѣшіе и конные, набирались съ г.г. Новгорода и Пскова *по сохамъ*, согласно обычаю этихъ городовъ, почему и назывались *посошными* или *посохой*.

Городовые казаки образовались изъ вольныхъ людей, заселявшихся въ пограничныхъ городахъ. Они были пѣшіе и конные и входили въ составъ городовыхъ ополченій, подчиняясь городовымъ воеводамъ; употреблялись казаки преимущественно для развѣдывательной и охранительной службы. При Іоаннѣ Грозномъ казакамъ стали давать помѣстья въ пограничныхъ областяхъ, обязывая ихъ за это службою, одинаковою съ *дѣтьми боярскими*.

Что касается стрѣльцовъ и прислуги при нарядѣ, то о нихъ будетъ сказано ниже, при разсмотрѣніи пѣхоты и артиллеріи въ отдѣльности.

Всѣ люди исчисленныхъ категорій, собранные на время войны для образованія ратныхъ силъ Московскаго государства, формировали въ нихъ три рода оружія: конницу, пѣхоту и *нарядъ* (артиллерію).

б) *Конница.*

Конница была главнымъ, многочисленнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ на Руси въ описываемую эпоху. Лошади въ ней были большею частью татарской, ногайской породы, средняго роста, пѣгія, очень дикія и пугливыя; овса почти не ѣли и могли скакать безъ остановки 7—8 часовъ. Встрѣчались также лошади и другихъ породъ: грузинской, турецкой, польской и русской, но всѣ онѣ уступали татарскимъ въ быстротѣ и сносливости. Сѣдла употреблялись татарскія, высокія, съ короткими стременами, отчего всадники могли удобно поворачиваться на нихъ во всѣ стороны, но сидѣли очень нетвердо и легко сбивались съ лошадей.

Личный составъ конницы образовывали: 1) *дворяне*, 2) *дѣти боярскія*, 3) *казаки* и 4) *даточные люди*.

Дворяне составляли самый важный разрядъ въ русской конницѣ. По служебнымъ правамъ они, со времень Іоанна Грознаго, дѣлились на *московскихъ дворянъ*, *жильцовъ* и *городовыхъ дворянъ*.

Московскіе дворяне стояли выше другихъ; они пользовались бо́льшимъ окладомъ помѣстій, получали главное начальство въ войскахъ, занимали высшія должности по внутреннему управленію и исполняли различныя порученія по внѣшнимъ сношеніямъ государства. Московскіе дворяне вмѣстѣ съ *жильцами* составляли особый *государевъ полкъ*, который обязанъ

былъ сопровождать государя, если онъ участвовалъ въ походѣ; въ противномъ случаѣ, одна половина оставалась въ Москвѣ, а другая шла въ походъ, составляя особый отрядъ при *большомъ полку*. *Государевъ полкъ* представлялъ собою отборную рать и отличался богатствомъ оружія, одежды и добротою коней. Численность этого полка при взятіи Казани была болѣе 20 тысячъ человѣкъ.

Жильцами назывались лучшіе выборные люди изъ не московскихъ дворянъ. Они присылались въ Москву по наряду на полугодичный срокъ для отправленія различныхъ воинскихъ должностей; несли службу одинаковую съ московскими дворянами, за что и пользовались одинаковыми съ ними помѣстными и денежными окладами.

Городовые дворяне назывались по имени того города, къ которому были приписаны; ихъ служебныя права были болѣе ограниченными, сравнительно съ дворянами московскаго чина, и помѣстные оклады—меньшими; выборные изъ нихъ назначались въ жильцы.

Послѣ дворянъ слѣдующій разрядъ русской конницы составляли *дѣти боярскія*, раздѣлявшіяся съ 1550 года по величинѣ помѣстнаго оклада: московскія—на три, а всѣхъ остальныхъ городовъ—на двѣ статьи. Въ мирное время они исполняли должности разсыльщиковъ, приставовъ и губныхъ старостъ; на нихъ же была возложена сторожевая служба вдоль нашихъ границъ и оборона пограничныхъ городовъ вмѣстѣ съ городовыми дворянами.

Дворяне и *дѣти боярскія,* являясь на войну, обязаны были, какъ сказано выше, приводить съ собою извѣстное число людей для боя и обоза. Люди эти носили названіе холоповъ (боярскихъ людей) и были или изъ числа приписанныхъ къ помѣстью крестьянъ, или купленные у кого либо, или продавшіеся сами въ холопство.

Третій разрядъ русской конницы составляли *городовые*

казаки, являвшіеся въ составъ полевыхъ ратей конными изъ пограничныхъ городовъ, въ которыхъ они состояли на службѣ и въ мирное время.

Затѣмъ четвертый разрядъ конницы образовывали *конные даточные люди*, получавшіе вооруженіе, снаряженіе, лошадей и продовольствіе отъ тѣхъ волостей и городовъ, отъ которыхъ они набирались.

Кромѣ перечисленнаго контингента, во время похода подъ Казань 1552 года, въ составѣ русской конницы находились еще: казанскіе выходцы — князья и мурзы, Городецкіе татары, Темниковская мордва и инородцы Нагорной стороны (чуваши, мордва и черемисы).

Вооруженіе конницы состояло изъ предохранительнаго, холоднаго и метательнаго оружія.

Предохранительное вооруженіе всадниковъ было различно, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ каждаго; воеводы обыкновенно имѣли на себѣ полный доспѣхъ: *двойной панцырь* или *зерцало съ панцыремъ*, *наручи*, *рукавицы*, *наколѣнники* и *ерихонки*; низшіе военачальники, дворяне и дѣти боярскія носили *панцырь*, *кольчугу* и *бахтерецъ*, *шеломы*, *колпаки*, *шишаки* и *мисюрки*, рѣдко *колонтарь*, *юшманъ*, *куякъ* и шапки: *турскую* и *мѣдную*;—простые воины употребляли, главнымъ образомъ, *тегиляи*—толстые стёганые кафтаны, защищавшіе также хорошо, какъ и металлическіе доспѣхи, но стоившіе гораздо дешевле. Кромѣ того, всадники имѣли *щиты*, которые были большею частью круглые и рѣдко многоугольные, при томъ встрѣчались плоскіе и выпуклые.

Холодное оружіе конницы состояло: *изъ сабель*, *палашей*, *кинжаловъ*, *кончеръ*, *кистеней*, *сулицъ*, *копій* и проч.

Метательное оружіе заключалось въ *саадакахъ* (лукахъ со стрѣлами) и *самострѣлахъ*.

Вообще вооруженіе конницы было крайне разнообразно, далеко не одинаково, тяжело, сложно и иногда даже въ ущербъ

боевой дѣятельности самаго всадника. Случалось, что тяжелыя доспѣхи и оружіе во время похода были не при войскахъ, а слѣдовали сзади на повозкахъ или перевозились на судахъ по рѣкамъ.

Точно также и въ одеждѣ всадниковъ не было однообразія. Призванный на службу воинъ являлся для ратнаго дѣла въ томъ костюмѣ, который онъ носилъ дома, поэтому одежда русскихъ войскъ того времени была строго народною и, отвѣчая вкусу и средствамъ каждаго воина, не могла быть однообразною; только *царская дружина* имѣла болѣе или менѣе одинаковое одѣяніе. Общеупотребительными предметами одежды были: кафтанъ, ферезь, азяма, сермяга, однорядка и охобень.

Какъ велика была общая численность конницы въ полевой рати Іоанна Грознаго во время похода подъ Казань 1552 года—точныхъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, не имѣется; во всякомъ случаѣ она значительно превосходила общее количество пѣхоты, входившей въ составъ той-же рати.

в) *Пѣхота.*

Пѣшее войско на Руси, до учрежденія стрѣльцовъ, состояло, главнымъ образомъ, изъ бѣднѣйшихъ русскихъ ратниковъ, являвшихся на войну безъ лошадей, и отчасти изъ иноземныхъ наемныхъ воиновъ, число которыхъ впрочемъ было крайне ограничено. Поэтому Русскую пѣхоту того времени составлялъ преимущественно низшій классъ народа—чернь, вооруженная чѣмъ попало и набранная почти на походѣ; только пищальники, выставлявшіеся въ небольшомъ числѣ г.г. Новгородомъ и Псковомъ, являлись въ ней болѣе или менѣе устроенными воинами. При такомъ составѣ, пѣшее войско на Руси, конечно, представляло собою скорѣе сбродъ разнаго народа, неустроенную толпу, нежели сколько нибудь

правильно организованную военную силу, могущую служить для государства надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Іоаннъ Грозный первый обратилъ вниманіе на устройство пѣшаго войска въ Россіи и учрежденіемъ въ 1550 году *стрѣльцовъ* восполнилъ этотъ важный пробѣлъ въ организаціи русскихъ вооруженныхъ силъ, образовавъ въ составѣ ихъ постоянную пѣхоту.

Стрѣльцы были учреждены какъ для охраны государя и его двора, такъ и для усмиренія внутреннихъ мятежей и отраженія внезапныхъ вторженій противника, впредь до сбора помѣстныхъ войскъ. Они набирались изъ вольныхъ (гулящихъ) людей, хорошаго поведенія, не состоящихъ въ тяглѣ, посадскихъ и не крѣпостныхъ, и обязаны были службою пожизненно и потомственно. Въ мирное время стрѣльцы составляли гарнизоны Москвы и пограничныхъ городовъ; жили они въ особыхъ слободахъ, пользуясь различными льготами, и получали отъ казны: одежду, вооруженіе и жалованье: денежное и хлѣбное. Они подраздѣлялись *на московскихъ* и *городовыхъ*, причемъ первые имѣли болѣе преимуществъ, чѣмъ послѣдніе. Отборнѣйшіе изъ московскихъ стрѣльцовъ были конными и назывались *стремянными*; они назначались для сопровожденія царя и царицы во всѣхъ ихъ поѣздкахъ и несли караульную службу во дворцѣ.

Вооруженіе стрѣльцовъ состояло: изъ *сабли*, *пищали* или *самопала* и *бердыша*, который въ походѣ вѣшали за спину, а въ строю втыкали передъ собою въ землю; у нѣкоторыхъ были, кромѣ того, еще и копья. Стрѣльцы имѣли однообразную одежду, состоящую изъ цвѣтныхъ кафтановъ, цвѣтныхъ сапогъ и желѣзныхъ шапокъ.

Вооруженные лучше всѣхъ остальныхъ пѣшихъ ратниковъ и болѣе привычные къ употребленію оружія, стрѣльцы были лучшею пѣхотою въ составѣ нашихъ войскъ того времени;

особенно они хорошо дѣйствовали при осадѣ и оборонѣ городовъ.

Кромѣ стрѣльцовъ, для образованія пѣхоты служили еще: *пѣшіе городовые казаки и пѣшіе даточные люди.*

Пѣшіе городовые казаки составляли гарнизоны пограничныхъ городовъ, но также входили и въ составъ полевыхъ ратей, выступавшихъ въ походъ. По боевымъ качествамъ пѣшіе городовые казаки немногимъ уступали стрѣльцамъ и, вмѣстѣ съ послѣдними, образовывали въ составѣ нашей пѣхоты самый надежный элементъ.

Пѣшіе даточные люди служили на одинаковыхъ правахъ съ конными. Кромѣ службы въ пѣхотѣ, они употреблялись также при *нарядѣ* и обозѣ и на нихъ-же возлагалось производство всѣхъ полевыхъ военно-инженерныхъ работъ.

Вооруженіе пѣшихъ ратниковъ, кромѣ стрѣльцовъ, о которыхъ уже сказано, состояло: холодное—изъ *мечей*, *тесаковъ*, *совней*, *рогатинъ* и проч.; метательное—изъ *саадаковъ* и *самострѣловъ* и огнестрѣльное — изъ *пищалей* или *самопаловъ*.

Что-же касается предохранительнаго вооруженія, а равно и одежды пѣшихъ ратниковъ, то въ этомъ отношеніи различія между пѣхотой и конницей не существовало: пѣшіе ратники носили ту-же одежду и тѣ-же доспѣхи, что и конные.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи того времени. Появившись впервые на Руси въ 1389 году изъ западной Европы, оно, до временъ Іоанна Грознаго, распространялось среди русскаго народа крайне медленно. Происходило это какъ отъ несовершенства первыхъ образцовъ ружей, уступавшихъ по боевымъ качествамъ обыкновенному метательному оружію, такъ и вслѣдствіе трудности пріобрѣтенія ихъ въ то время, ибо изготовленіе ручного огнестрѣльнаго оружія на Руси началось лишь со временъ Іоанна III. Затѣмъ, съ конца XV столѣтія, ручное

огнестрѣльное оружіе начинаетъ постепенно совершенствоваться и занимать подобающее мѣсто въ вооруженіи нашихъ войскъ. Первые изъ русскихъ, которые ввели его у себя, были Новгородцы и Псковитяне; они-же и дали ему названіе *пищали*.

Позднѣе, ко времени казанскаго похода 1552 года, пищали уже составляли вооруженіе всѣхъ стрѣльцовъ, а также и большей части пѣшихъ доточныхъ людей.

Пищаль по наружности походила на кремневое ружье и состояла изъ желѣзнаго ствола, прикрѣпленнаго шурупами или обоймицами къ деревянному станку съ прикладомъ; заряжаніе производилось съ *устья*, а огонь сообщался черезъ *запалъ* въ *казнь* съ помощью *огнива съ фитилемъ*, приводившагося въ движеніе *спускомъ*. Пищали вѣшались за спиною на ремнѣ, почему и назывались *завѣсными*, а также—*самопалами и ручницами*. Изготовлялись онѣ частью на Руси, частью въ чужихъ краяхъ, откуда пріобрѣтались покупкою или доставались въ видѣ добычи на войнѣ. Конечно, при этихъ условіяхъ, въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи русскихъ войскъ того времени не могло быть никакого однообразія.

Всѣ принадлежности для стрѣльбы (порохъ, пули и фитиль) носились на особомъ ремнѣ--*берендейкѣ*, которая надѣвалась черезъ лѣвое плечо.

Что касается боевого значенія ручного огнестрѣльнаго оружія въ разсматриваемую эпоху, то на этотъ счетъ историческихъ указаній не имѣется и потому трудно опредѣлить, насколько важную роль оно играло въ вооруженіи тогдашнихъ войскъ. Во всякомъ случаѣ, сильное развитіе предохранительнаго и холоднаго вооруженія скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что огнестрѣльное оружіе, не смотря на значительную его распространенность въ русскомъ войскѣ, не имѣло первенствующаго значенія.

г) *Артиллерія.*

Русская артиллерія разсматриваемаго періода хотя и была довольно многочисленна, но не представляла собою въ составѣ нашихъ вооруженныхъ силъ отдѣльнаго рода войскъ, сколько нибудь похожаго по своей организаціи на артиллерію современныхъ армій. Ее составляли какъ собственно *нарядъ*, то есть совокупность всѣхъ артиллерійскихъ орудій и принадлежащихъ къ нимъ снарядовъ, такъ и особый цехъ людей, служившихъ при *нарядѣ* въ качествѣ пушкарей.

Артиллерійскія орудія появились въ Россіи изъ западной Европы одновременно съ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а именно въ 1389 году, въ княженіе Димитрія Донского. Съ этихъ поръ и въ теченіе всего XV столѣтія число орудій на Руси постепенно увеличивалось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участіе ихъ въ боевыхъ столкновеніяхъ проявлялось все чаще и чаще. Первые образцы орудій были *желѣзные, кованные,* отличались значительной тяжестью и служили исключительно для вооруженія укрѣпленныхъ городовъ; получались они преимущественно изъ западной Европы, однако есть основаніе предполагать, что уже и въ это время часть нашихъ желѣзныхъ орудій изготовлялась у себя дома.

Настоящее развитіе артиллерійскому дѣлу на Руси дано было Іоанномъ III. Организовавъ, съ помощью иностранныхъ мастеровъ, пушечно-литейное производство въ возможныхъ размѣрахъ, онъ въ значительной степени увеличилъ русскій *нарядъ* и ввелъ его въ составъ нашихъ полевыхъ ратей, какъ необходимую принадлежность. Въ княженіе Василія III артиллерійское дѣло у насъ продолжало развиваться и совершенствоваться, при чёмъ *нарядъ* не только являлся дѣйствующею частью различныхъ полевыхъ ратей, но уже въ личномъ составѣ своемъ, вслѣдствіе постепеннаго увеличенія числа орудій, усиливался *посошными людьми (посохой).*

Не останавливалось пушечно-литейное производство и въ малолѣтство Іоанна Грознаго; такъ въ 1547 году на московскомъ пушечномъ дворѣ были отлиты первыя 16 пуд. *волконейки* или *соколки*, то есть *фальконеты*, изобрѣтенные итальянцами въ 1536 году. Отсюда видно, что русская артиллерія той эпохи не отставала отъ артиллеріи европейскихъ армій и, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, нисколько не уступала имъ въ своемъ устройствѣ, дѣйствіи и числѣ орудій.

Такимъ образомъ, ко времени похода подъ Казань 1552 года, артиллерійское дѣло на Руси успѣло уже достаточно развиться и количество орудій въ составѣ нашего *наряда* значительно умножиться. И дѣйствительно, независимо отъ *наряда*, составлявшаго оборонительное вооруженіе многихъ городовъ, въ полевой рати Іоанна Грознаго во время осады Казани было 150 тяжелыхъ и среднихъ орудій, не считая многихъ малыхъ и *полковыхъ*, стоявшихъ у царскихъ шатровъ въ полномъ бездѣйствіи.

Что касается собственно техники артиллерійскаго дѣла на Руси, то вслѣдствіе шаткости и ограниченности тогдашнихъ теоретическихъ данныхъ, въ ней царила полная неурядица.

Орудія изготовлялись по личному опыту и соображеніямъ мастеровъ, безъ опредѣленныхъ правилъ въ выборѣ конструкціи и калибра, и имѣли различные: вѣсъ, длину и ненужныя внѣшнія украшенія, отъ которыхъ иногда и получали свое названіе. Однако, не смотря на крайнее разнообразіе орудій, бывшихъ въ составѣ русскаго *наряда* того времени, ихъ всетаки можно подраздѣлить на три главные типа:

а) *пищали*, назначавшіяся для прицѣльной стрѣльбы; онѣ дѣлались изъ желѣза, мѣди и чугуна, начиная отъ самыхъ маленькихъ, въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ, и кончая громадными орудіями, въ нѣсколько сотъ пудовъ. Въ зависимости

отъ калибра, вѣса и назначенія, пищали получали названія: *долгихъ, полуторныхъ, сороковыхъ, затинныхъ, волкомеекъ* и проч.; заряжались частью съ дула, а частью съ казны;

б) «*пушки*» *верховыя* или «можжиры» (мортиры) назначались для навѣсной стрѣльбы каменными ядрами и разрывными снарядами; изготовлялись возможно большого калибра, доходившаго до 21 дюйма;

в) *тюфяки*—предназначавшіеся для стрѣльбы дробомъ (картечью), хотя иногда изъ нихъ дѣйствовали и ядрами: простыми и дробовыми.

Всѣ перечисленные типы орудій принадлежали къ разряду гладкостѣнныхъ; къ нимъ-же относились и *гафуницы* (гаубицы), входившія въ составъ нашего *наряда* и предназначавшіяся для стрѣльбы каменными ядрами и каменнымъ дробомъ. Но кромѣ гладкостѣнныхъ, въ артиллеріи того времени встрѣчались и нарѣзныя орудія, заряжавшіяся съ казны, извѣстныя подъ названіемъ «*винтовальныхъ*». Къ этому послѣднему типу относились нѣкоторыя изъ *затинныхъ пищалей*, представлявшія собою собственно крѣпостныя ружья, стрѣлявшія свинцовыми пулями.

Разнообразіе въ калибрахъ орудій естественно приводило къ такому-же разнообразію и въ артиллерійскихъ снарядахъ, вынуждая чуть-ли не для каждаго орудія имѣть свои особые снаряды. Послѣдніе употреблялись трехъ видовъ: а) сплошные—каменныя, желѣзныя и чугунныя ядра, каменная картечь или *дробъ*, состоявшая изъ кусковъ желѣза, свинца и кузнечнаго шлака, и картечь изъ пуль въ металлической оболочкѣ; б) разрывные—«кувшины съ зеліемъ», состоявшіе изъ металлическаго сосуда, наполненнаго порохомъ и снабженнаго приспособленіемъ для воспламененія и в) зажигательные, представлявшіе собою каменныя ядра, облѣпленныя горючимъ составомъ.

Хотя опредѣленнаго подраздѣленія русской артиллеріи того времени на отдѣльные виды и не было установлено, тѣмъ не менѣе орудія нашего *наряда*, по роду ихъ службы, образовывали сами собой артиллерію: *осадную*, *полковую* и *крѣпостную*.

Осадную артиллерію или *стѣнобитный нарядъ* составляли орудія большого калибра, крайне тяжелыя и далеко непрочныя; случаи разрыва этихъ орудій были не рѣдки и стоили многихъ жертвъ. Въ войскахъ Іоанна Грознаго при осадѣ Казани въ 1552 году было 150 осадныхъ орудій, при чемъ самыя меньшія изъ нихъ были по $1^1/_2$ сажени.

Полковая артиллерія соотвѣтствовала нынѣшней *полевой* и состояла изъ болѣе легкихъ орудій. Присутствіе ея въ войскахъ, осаждавшихъ Казань, не подлежитъ сомнѣнію, ибо очевидецъ Курбскій говоритъ «окромѣ *того были польныя, многія около Царскихъ шатровъ*». (Устряловъ. Сказ. Кн. Курбск. стр. 25).

Крѣпостная артиллерія или *городовой нарядъ* составлялась изъ орудій, размѣщенныхъ по городамъ и крѣпостямъ; составъ ея былъ крайне разнообразный и въ то-же время самый многочисленный, начиная отъ мелкихъ орудій—*затинныхъ пищалей*, стрѣлявшихъ пулями, и кончая орудіями средней величины.

Артиллерійскую прислугу составляли: *пушкари*, *затинщики*, *плотники и кузнецы*, а въ городахъ еще и *воротники*, на обязанности которыхъ лежало—оберегать ворота городскихъ укрѣпленій, вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ пушками.

Пушкари, какъ особое сословіе, появились впервые при Іоаннѣ Грозномъ; до него этимъ именемъ назывались вообще всѣ люди, служившіе при орудіяхъ. Пушкари были обязаны пожизненной и потомственной службой при нашемъ *нарядѣ*, за что получали отъ правительства: земельные участки, хлѣбное жалованье и различныя преимущества въ ихъ про-

мысловыхъ занятіяхъ; они селились въ городахъ особыми слободами «для оберегавія» и, какъ члены городскихъ обществъ, имѣли право быть избираемы въ извѣстныя должности и проч. Пушкари раздѣлялись на *московскихъ* и *городовыхъ*, причемъ первые получали большее содержаніе и пользовались большимъ почетомъ, нежели вторые.

Знакомые болѣе или менѣе достаточно съ артиллерійскимъ дѣломъ и умѣлые въ обращеніи съ тогдашними орудіями, пушкари Іоанна Грознаго оказали немалую услугу при осадѣ Казани въ 1552 году отличнымъ дѣйствіемъ нашего *наряда*.

Затинщики назначались для дѣйствія изъ *затинныхъ* пищалей, а *плотники* и *кузнецы*—для производства различныхъ деревянныхъ и кузнечныхъ работъ въ матеріальной части нашего *наряда*. Служебныя права и обязанности всѣхъ этихъ людей были одинаковы съ правами и обязанностями пушкарей.

Что касается порохового дѣла на Руси, то въ описываемую эпоху оно было развито уже въ достаточной степени; изготовленіе пороха (неизвѣстно какимъ способомъ) производилось не только въ Москвѣ, но и во многихъ другихъ городахъ.

Внутреннее устройство войскъ.

д) *Управленіе войскомъ въ мирное время.*

Изъ предыдущаго уже извѣстно, что ратныя силы Московскаго государства въ разсматриваемый періодъ, за исключеніемъ небольшого корпуса стрѣльцовъ, состояли изъ всесословныхъ народныхъ ополченій, набиравшихся на время войны. Съ окончаніемъ послѣдней, ополченія эти распускались и ратные люди, образовывавшіе ихъ, обращались къ своимъ обыденнымъ мирнымъ занятіямъ, переставали вовсе быть воинами и одинаково съ прочими жителями вѣдались областными начальниками. Однако, на случай новаго сбора войскъ, всѣмъ ратнымъ людямъ въ мирное время велся особый учетъ.

Основаніемъ для веденія этого учета служило подраздѣленіе войскъ на *разряды*, установленное Іоанномъ III. *Разрядами* назывались нѣкотораго рода военные округа, въ которыхъ воеводы, ратники и вообще войска были распредѣлены по полкамъ и мѣстамъ ихъ постояннаго жительства или помѣстій, на основаніи особыхъ *разрядныхъ книгъ* (Русск. воен. истор. кн. Н. С. Голицына част. II стр. 19). Книги эти велись въ *«Разрядномъ приказѣ»* или *Разрядѣ*, который представлялъ собою высшее военное учрежденіе, вѣдавшее воинское дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. *Разрядъ* объявлялъ различныя царскія повелѣнія, касающіяся: назначеній на должности, наградъ за службу, распредѣленія помѣстныхъ окладовъ, жалованья, назначенія ратныхъ людей на службу и т. п. Для составленія и веденія *разрядныхъ книгъ*, городовые воеводы доставляли въ *разрядъ* подробные списки, въ которыхъ обозначалось: сколько къ каждому городу было приписано *дворянъ* и *боярскихъ дѣтей*, и сколько за ними было помѣстьевъ. По этимъ спискамъ *разрядъ* опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были являться на сборное мѣсто къ извѣстному сроку.

Постоянная пѣхота того времени—*стрѣльцы* и личный составъ при *нарядѣ*—пушкари, затинщики и проч. вѣдались во время мира своими военными учрежденіями и зависѣли какъ отъ намѣстниковъ и воеводъ въ городахъ, такъ и отъ своихъ головъ.

e) *Сборъ войскъ.*

Сборъ ратныхъ силъ Московскаго государства въ общемъ производился слѣдующимъ образомъ.

О предстоящей войнѣ объявлялся царскій указъ сначала царедворцамъ, московскимъ дворянамъ, жильцамъ и прочимъ

служилымъ людямъ въ Москвѣ, а потомъ всѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ по городамъ. Черезъ нѣсколько времени (иногда черезъ мѣсяцъ и болѣе) слѣдовали новые указы, которыми опредѣлялись: мѣста сбора войскъ и запасовъ, число ратниковъ, долженствующихъ явиться на службу и сроки для ихъ явки. Вслѣдствіе этихъ указовъ, всѣ служилые люди собирались въ свои *десятни*, то есть въ ополченія того города, къ которому они были приписаны. Затѣмъ, къ назначенному сроку все войско собиралось на указанныхъ сборныхъ пунктахъ и здѣсь всѣмъ лицамъ, обязаннымъ помѣстною службою, производился смотръ и повѣрка по спискамъ, доставленнымъ особыми сборщиками, которые разсылались по городамъ для сбора служилыхъ людей. Неявившихся на сборное мѣсто «*нѣтей*» розыскивали и высылали насильно, подвергая предварительно тюремному заключенію и тѣлесному наказанію.

ж) *Раздѣленіе войскъ:*

По окончательномъ сборѣ ратныхъ людей, все войско образовывало пять полковъ: *большой* или главное войско, *правой и лѣвой руки*, *передовой* или авангардный и *сторожевой*—арьергардный или резервный. Кромѣ того, съ выступленіемъ въ походъ, формировался еще особый отрядъ легкой конницы, называвшійся *ертоуломъ* или *ертоульнымъ полкомъ*. Онъ назначался для развѣдыванія о путяхъ и непріятелѣ и обезпеченія главнаго войска отъ нечаянныхъ нападеній. Затѣмъ, въ составъ нашихъ полевыхъ войскъ входила еще *царская дружина*, вся или частью, въ зависимости отъ того, участвовалъ-ли государь въ походѣ или оставался въ Москвѣ.

Каждый полкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ городскихъ десятинъ, раздѣленныхъ на сотни и десятки.

Войскамъ передъ походомъ придавались артиллерійскія орудія, совокупность которыхъ называлась *нарядомъ*, а небольшое ихъ число—батарея носила названіе *тура*.

Постоянная пѣхота того времени—*стрѣльцы* распредѣлялись по различнымъ полкамъ, образуя въ нихъ отдѣльныя стрѣлецкія сотни.

з) *Управленіе войскомъ въ военное время.*

Съ объявленіемъ войны для начальствованія полками назначались полковые воеводы, причемъ воевода *большого полка*, *большой воевода* былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующимъ. Къ каждому воеводѣ придавалось по одному или по два товарища, тоже воеводъ; дѣлалось это для того, чтобы хотя отчасти устранить недостатки мѣстничества, вслѣдствіе котораго старшими воеводами приходилось назначать не способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ, а болѣе знатныхъ родомъ.

Къ числу полковыхъ воеводъ относились также: *ертоульный*, воевода у *наряда* и *гулявый* или *гуляинъ*, начальствовавшій *гуляй-городомъ*. Всѣ полковые воеводы назначались по извѣстному родословному старшинству и считались мѣстами. Этотъ обычай крайне неблагопріятно отзывался какъ на внутреннемъ порядкѣ и благоустройствѣ войскъ, такъ иногда и на самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, нерѣдко приводя русскія войска къ напраснымъ пораженіямъ. Недостатки мѣстничества сознавались правительствомъ, и хотя послѣднимъ и принимались мѣры къ ограниченію случаевъ мѣстническихъ столкновеній между воеводами, но это ни къ чему не приводило; воеводы продолжали мѣстничаться при первомъ представившемся случаѣ и только присутствіе въ войскѣ царя устраняло на время споры изъ-за мѣстъ.

Послѣ воеводъ, въ порядкѣ постепенности, слѣдовали *головы* или частные военачальники, а именно: *голова у обоза* или *обозный*, *голова у наряда*, вѣроятно состоящаго при полкахъ, *стрѣлецкій*, начальствовавшій приказомъ или 500 стрѣльцами, *десятенный*, завѣдывавшій *десятнею* дѣтей бояр-

скихъ и *казачій*, вѣдавшій казаками одного города. Затѣмъ слѣдовали низшіе начальники: *сотники*, *пятидесятники* и *десятники*. Кромѣ полковыхъ воеводъ были еще и *городовые*; они имѣли власть гражданскую и военную и подраздѣлялись: 1) на *полковыхъ и осадныхъ*, начальствовавшихъ какъ гарнизонами, такъ и полевыми войсками области или округа; 2) на *осадныхъ*, вѣдавшихъ одну какую либо крѣпость съ ея гарнизономъ и 3) на *городовыхъ*, управлявшихъ второстепенными городами и находившимися въ нихъ войсками

Всѣ начальники для управленія своими частями въ бою имѣли небольшіе мѣдные барабаны, привязанные къ сѣдламъ, въ которые они били передъ отдачей того или другого приказанія. За воеводами возились большіе мѣдные барабаны—*набаты* на деревянныхъ щитахъ, положенныхъ на четырехъ рядомъ поставленныхъ лошадяхъ; въ каждый такой набатъ били 8 человѣкъ и вотъ посредствомъ этого-то боя воеводы и управляли движеніями и дѣйствіями своихъ полковъ.

Каждый полкъ имѣлъ свое особое знамя, которое почиталось священнымъ, но обязанность носить его не считалась почетною. На знаменахъ изображался обыкновенно или ликъ Спасителя, или Іисуса Навина, останавливающаго солнце, или наконецъ св. Георгія побѣдоносца; были также знамена съ изображеніемъ двуглаваго орла, гербовъ княжествъ, солнца, луны, звѣздъ и т. п.—Важнѣйшимъ изъ всѣхъ знаменъ было царское знамя, *великій стягъ* или *великая хоругвь*.

и) *Довольствіе войскъ.*

Все войско служило на собственномъ иждевеніи, кромѣ стрѣльцовъ и прислуги при нарядѣ, получавшихъ продовольствіе отъ казны. Во время похода простые и бѣдные ратники продовольствовались обыкновенно толокномъ и сухарями, а военачальники и зажиточные воины—мясомъ и рыбой, въ

сушеномъ, копченомъ и соленомъ видѣ. Свои продовольственные запасы или *кормы* войска пополняли на походѣ: въ предѣлахъ своей страны—покупкою, или путемъ поставки населеніемъ, по распоряженію правительства, а въ непріятельскихъ земляхъ—путемъ фуражировокъ въ попутныхъ селеніяхъ и городахъ; къ этому послѣднему способу прибѣгали также и въ тѣхъ случаяхъ, когда войскамъ случалось долго оставаться на одномъ мѣстѣ, напримѣръ, при осадахъ городовъ; тогда для сбора необходимыхъ запасовъ высылались особые отряды, называвшіеся *кормовщиками*.

i) *Дисциплина и духъ войскъ.*

Дисциплина въ русскихъ войскахъ разсматриваемой эпохи стояла на весьма низкой степени развитія. Да оно и понятно: какая дисциплина могла существовать въ разношерстной толпѣ людей, представлявшей собою наше тогдашнее войско, собранное и устроенное передъ самой войной?! Ни суровыя карательныя мѣры противъ нарушителей порядка и подчиненности, ни щедрыя награды и отличія примѣрныхъ и радивыхъ, ничто не могло привить дисциплины къ нашимъ временнымъ ополченіямъ. Даже среди высшихъ начальниковъ—воеводъ не было укоренено сознанія о необходимости и важности дисциплины; пагубное и преступное мѣстничество брало верхъ надъ всѣмъ и первое нарушало собою должный порядокъ и подчиненность въ войскѣ. О младшихъ начальникахъ и простыхъ воинахъ — и говорить нечего; примѣръ старшихъ давалъ имъ полный просторъ къ безнаказанному нарушенію дисциплины и порядка во всякое время.

Что касается моральныхъ качествъ русскихъ войскъ, то они и тогда выдѣляли нашихъ ратниковъ своими достоинствами среди всѣхъ другихъ національностей.

Русскія войска отличались неутомимостью въ трудахъ,

отвагой и храбростью въ нападеніяхъ и необыкновеннымъ упорствомъ и стойкостью въ оборонѣ: терпѣливо переносили всѣ лишенія и невзгоды боевой и походной жизни, твердо выдерживали всѣ превратности военной судьбы и въ неудачахъ выказывали необычайныя: самообладаніе, самоотверженность, мужество и твердость.

к) *Походные и боевые порядки и образъ дѣйствій войскъ въ бою.*

Походныя движенія къ противнику, особенно въ ожиданіи встрѣчи съ нимъ, производились крайне медленно и съ излишнею осторожностью. Происходило это какъ вслѣдствіе громадности обозовъ, слѣдовавшихъ за войсками, такъ и потому, что русскія войска охотнѣе вообще прибѣгали къ выжиданію и оборонѣ, чѣмъ нападали сами. Величина обыкновеннаго перехода не превосходила 15-ти верстъ. Большія арміи совершали походныя движенія большею частью сухимъ путемъ, перевозя свои тяжести, *нарядъ*, боевые и жизненные запасы, при возможности, водою по рѣкамъ или-же прямо на подводахъ.

Организація марша была слѣдующая: впереди шелъ *ертоулъ,* отъ котораго высылались во всѣ стороны дальніе разъѣзды для развѣдыванія о путяхъ и непріятелѣ; за нимъ обыкновенно слѣдовалъ особый отрядъ *посошныхъ людей*, назначавшійся для исправленія пути, починки мостовъ, гатей и т. п.; затѣмъ двигался *передовой* полкъ (авангардъ), потомъ *большой*, или главное войско, и при немъ *нарядъ* (артиллерія), далѣе тяжести и обозы и, наконецъ, *сторожевой* полкъ (арьергардъ).

Полки *правой и лѣвой руки* слѣдовали каждый съ соотвѣтствующей стороны, иногда на большомъ разстояніи отъ *большого* полка; если-же опасность грозила только съ одной

какой либо стороны, какъ это было, напримѣръ, въ разсматриваемомъ походѣ подъ Казань, то полкъ соотвѣтствующей руки усиливался другими войсками и армія двигалась уже не въ трехъ, а въ двухъ колоннахъ.

На почлегъ войска располагались станами, избирая для сего мѣста, изобилующія водою, лѣсомъ и пастбищами. Станы обезпечивались отъ нечаяннаго нападенія противника часовыми, а иногда окружались еще со всѣхъ сторонъ окопами, рвами и повозками. Начальники имѣли ставки, а простые воины строили себѣ шалаши изъ хвороста и соломы. Передъ выступленіемъ съ почлега отдавалось приказаніе, въ какое именно время которому изъ полковъ выступать.

При встрѣчѣ съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ, войска большею частью располагались оборонительно, усиливаясь мѣстностью, окопами и въ особенности *гуляй-городомъ*. Послѣднимъ назывался родъ подвижного закрытія, составленнаго изъ досчатыхъ щитовъ, поставленныхъ на колеса или полозья. Щиты эти, по разстановкѣ на мѣстѣ, скрѣплялись между собою желѣзными или веревочными связями и образовывали или длинную ограду, или отдѣльные опорные пункты, въ видѣ нынѣшнихъ редутовъ. *Гуляй-городъ* возился всюда за войсками на особыхъ телѣгахъ въ разобранномъ видѣ и, въ случаѣ нужды въ немъ, устраивался очень скоро, безъ пособія плотниковъ и какого либо инструмента. Вѣдался онъ особымъ воеводой—*гулявымъ*, который и выбиралъ мѣсто на позиціи для установки *города*.

Относительно боевого порядка русскихъ войскъ того времени опредѣленныхъ указаній не имѣется; можно полагать, что пѣхота становилась въ центрѣ и дѣйствовала пассивно, усиливаясь мѣстностью или прикрываясь *гуляй-городомъ*; конница строилась по флангамъ и впереди и первою начинала бой; нарядъ размѣщался или вмѣстѣ съ пѣхотою, за оградою гуляя, или-же отдѣльно въ батареяхъ (турахъ). Почти посто-

янною принадлежностью подобнаго боевого порядка былъ особый отрядъ, располагаемый укрыто, «въ засадѣ», который и являлся какъ-бы главнымъ резервомъ, зачастую рѣшавшимъ исходъ боя.

Конница дѣйствовала *по способу иррегулярному*: она стремительно бросалась на противника, съ большимъ крикомъ, при звукахъ набатовъ, сурнъ и бубновъ,—дѣйствуя на скаку метательнымъ и холоднымъ оружіемъ и стараясь дружнымъ ударомъ сломить стойкость противника. Если ей это удавалось съ перваго раза, то побѣда была рѣшена и конницѣ оставалось преслѣдованіемъ довѣршить пораженіе разбитаго непріятеля. Но если послѣдній стойко выдерживалъ первое нападеніе, то русская конница приходила въ разстройство и въ безпорядкѣ бросалась назадъ за пѣхоту. Тогда всѣ удары принимала на себя пѣхота, которая, подъ защитой мѣстныхъ препятствій и особенно *гуляй-города*, дралась съ необычайной стойкостью и упорствомъ. Между тѣмъ, воеводы собирали и устраивали конницу и снова вводили её въ бой. Затѣмъ, неожиданное появленіе резерва—засады и атака имъ во флангъ или тылъ противника рѣшали участь боя.

Преслѣдованіе разбитаго непріятеля велось очень слабо.

Одержавъ побѣду, русскія войска бросались прежде всего обдирать и грабить все оставшееся на полѣ сраженія: убитыхъ, раненыхъ, непріятельскій обозъ и пр. и потомъ уже думали о преслѣдованіи.

Сторожевая служба не отличалась надлежащей бдительностью; точно также и развѣдываніе о противникѣ, особенно на дальнія разстоянія, велось не всегда исправно; и то и другое не разъ приводило къ случайнымъ пораженіямъ русскихъ войскъ.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ объ искусствѣ русскихъ войскъ въ крѣпостной войнѣ.

Оборона укрѣпленныхъ городовъ на Руси съ давнихъ

временъ находилась на высокой степени совершенства, что обусловливалось какъ моральными качествами русскихъ ратниковъ, скорѣе умиравшихъ до послѣдняго, нежели сдававшихся, такъ и раціональнымъ примѣненіемъ всѣхъ различныхъ средствъ военно-инженернаго искусства, извѣстныхъ русскимъ войскамъ въ данную эпоху. Эта оборона всегда была активная, наступательная; войска предпринимали смѣлыя и рѣшительныя вылазки для дѣйствій въ открытомъ полѣ противъ осаждающаго, съ цѣлью прогнать его совсѣмъ отъ крѣпости или разрушить осадныя работы. Самая оборона стѣнъ или вообще внѣшней ограды отличалась энергіей и упорствомъ и состояла въ дѣйствіи огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ; въ ней обыкновенно принимали участіе и городскіе жители.

Что касается искусства русскихъ войскъ въ дѣлѣ осады укрѣпленныхъ городовъ, то степень его развитія въ разсматриваемый періодъ времени выяснится вполнѣ изъ подробнаго описанія хода осады укрѣпленной Казани.

Ознакомившись въ общихъ чертахъ съ состояніемъ вооруженныхъ силъ Московскаго государства, обратимся къ дальнѣйшему изложенію событій Казанскаго похода 1552 года.

ГЛАВА III.

Походъ подъ Казань 1552 года.

Маршъ къ Коломнѣ и отраженіе Крымскаго хана.

Рано утромъ 16-го іюня, послѣ трогательнаго прощанія съ царицей и теплой молитвы въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ Грозный, получивъ благословеніе отъ митрополита, сѣлъ на коня и выступилъ съ своею дружиною въ походъ противъ Ка-

зани, по направленію на Коломну, Муромъ и Свіяжскъ. Сдѣлавъ въ этотъ день привалъ въ селѣ Коломенскомъ, царь двинулся на ночлегъ къ селу Острову. На пути онъ встрѣтилъ гонца изъ Путивля съ донесеніемъ, что значительное число крымскихъ татаръ, неизвѣстно подъ чьимъ предводительствомъ, перешло Сѣверскій Донецъ и недалеко уже отъ нашей Украйны.

Такимъ образомъ, опасенія о возможности одновременной войны съ Крымомъ и Казанью, высказанныя въ боярской думѣ, оправдывались. Приходилось отложить на время походъ подъ Казань и раздѣлаться прежде съ этимъ новымъ врагомъ, угрожавшимъ вторженіемъ въ предѣлы государства. Средства для борьбы были наготовѣ и оставалось только цѣлесообразно воспользоваться ими, какъ это и было сдѣлано.

Не теряя времени, Іоаннъ двигается поспѣшно въ Коломну, куда и прибываетъ 19-го числа. Здѣсь получается новое извѣстіе, что крымцы идутъ по направленію на Рязань къ Коломнѣ. Тогда государь отдаетъ приказаніе: *большому* полку стать подъ Колычевымъ, *передовому*—подъ Ростиславлемъ, а *лѣвой рукѣ*—у Голутвина монастыря; полку *правой руки* оставаться въ Каширѣ, а *царской дружинѣ*—въ Коломнѣ. Подобнымъ расположеніемъ нашихъ войскъ, Іоаннъ Грозный обезпечивалъ за собою обладаніе важнѣйшими переправами черезъ рѣку Оку на пути движенія крымскихъ полчищъ и прикрывалъ въ то-же время Коломну, Москву и всѣ прочіе города, лежащіе по лѣвую сторону этой рѣки (см. отч. карту).

Мало этого, имѣя войска сосредоточенными на участкѣ Коломна-Кашира (50 верстъ) и пользуясь переправами черезъ р. Оку, онъ могъ своевременно подоспѣть отсюда на выручку къ Рязани, Михайлову и Тулѣ, разъ только крымцы вздумали-бы осаждать одинъ изъ этихъ городовъ. На случай-же, если-бы противникъ появился непосредственно передъ Окою, Іоаннъ выбралъ позицію, на которой и предполагалъ дать рѣшительный бой.

Въ теченіе 20-го числа ничего не было слышно о крымцахъ, но 21-го получилось извѣстіе, что небольшой отрядъ татаръ, подъ начальствомъ царевича, показался около Тулы. Царь тотчасъ-же посылаетъ къ этому городу полки: *правой руки*, князей Щенятьева и Курбскаго—изъ Каширы, *передовой*, князей Турунтая-Пронскаго и Хилкова—изъ Ростиславля и часть *большого полка* изъ Колычева, подъ начальствомъ Князя Михаила Ивановича Воротынскаго, предполагая на другой день и самому выступить за ними.

Однако извѣстіе, полученное Іоанномъ утромъ 22-го числа, измѣнило его намѣреніе. Прискакавшій изъ Тулы гонецъ сообщилъ, что къ городу приходило не болѣе 7 тыс. крымцевъ, которые, пограбивъ окрестныя села и деревни, куда-то скрылись. Такимъ образомъ, установившееся было соприкосновеніе съ противникомъ вновь утратилось и вопросъ о направленіи пути наступленія главной массы крымскихъ полчищъ не былъ вовсе выясненъ. Вслѣдствіе этого Іоаннъ остается съ остальными войсками на прежней позиціи за Окою—у Коломны, но въ то-же время приказываетъ воеводамъ, направленнымъ въ Тулу, двигаться туда возможно скорѣе и путемъ дальнихъ развѣдокъ разузнать непремѣнно о силахъ и мѣстѣ нахожденія крымскихъ войскъ.

Не долго пришлось Іоанну ожидать полученія желанныхъ свѣдѣній. Къ обѣду 23-го числа прибылъ въ Коломну гонецъ отъ Тульскаго намѣстника князя Темкина съ донесеніемъ, что самъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, съ сильнымъ войскомъ, большимъ нарядомъ и турецкими янычарами подступилъ къ Тулѣ. Теперь уже для Іоанна не было больше сомнѣній, гдѣ находится противникъ, каковы его силы и куда нужно направить русскія войска для отраженія этого непрошеннаго гостя.

Не медля ни минуты, царь приказываетъ полку *лѣвой руки* и остальной части *большого полка*, подъ начальствомъ

князя Ивана Θеодоровича Мстиславскаго, двигаться къ Каширѣ и переправляться за Оку, для слѣдованія къ Тулѣ. Вслѣдъ за ними выступаетъ и самъ, вмѣстѣ съ своею *дружиною*. Вечеромъ того-же дня, когда высланные впередъ полки уже успѣли переправиться за Оку, а Іоаннъ съ дружиною подходилъ къ Каширѣ, прибылъ новый гонецъ отъ князя Темкина и сообщилъ, что ханъ крымскій въ теченіе цѣлаго дня, 22-го іюня, приступалъ къ городу, обстрѣливалъ его калеными ядрами и произвелъ въ немъ много пожаровъ, но овладѣть имъ, не смотря на незначительность гарнизона, все-таки не могъ; что на утро слѣдующаго дня Девлетъ-Гирей готовился начать новый приступъ, но граждане тульскіе, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, спѣшившихъ на выручку, сдѣлали отчаянную вылазку, побили многихъ татаръ и захватили ихъ огнестрѣльный нарядъ, послѣ чего ханъ крымскій, провѣдавъ также о приближеніи русскихъ войскъ, быстро удалился отъ Тулы.

Обрадованный успѣхомъ, Іоаннъ останавливаетъ войска на ночлегъ у Каширы. Здѣсь, рано утромъ 24-го числа, онъ получаетъ новыя извѣстія, что Щенятевъ и Курбскій съ 15 тыс. отрядомъ побили болѣе 30 тыс. крымцевъ, грабившихъ окрестности Тулы, и что затѣмъ русскія войска нагнали хана на рѣчкѣ Шиворонѣ, гдѣ разбили на голову, отнявъ многихъ плѣнныхъ, ханскій обозъ и значительное число верблюдовъ.

Послѣ такихъ вѣстей Іоанну не за чѣмъ было итти далѣе; онъ возвратился съ войсками въ Коломну, гдѣ 1-го іюля собрались и всѣ остальные полки, дѣйствовавшіе подъ Тулою. Послѣдніе сообщили, что Девлетъ-Гирей, преслѣдуемый нашими станичниками, отступаетъ съ чрезвычайной поспѣшностью, дѣлая по 60 и 70 верстъ въ день.

Таковъ былъ исходъ крымскаго вторженія. Вѣрный послушникъ Солимана, Девлетъ-Гирей, предпринимая походъ противъ Московскаго государства, былъ увѣренъ, что главная масса русскихъ войскъ находится уже далеко на пути къ Казани, а потому, угрожая Москвѣ, онъ думалъ заставить русскихъ вернуться назадъ и тѣмъ избавить царство Казанское отъ грозящей гибели. Но онъ ошибся въ расчетѣ! Московскіе полки не только не уходили еще, но напротивъ, сосредоточенные на сильной позиціи за Окою, выжидали приближенія крымцевъ, готовясь дать имъ рѣшительный бой. Узнавъ объ этомъ при движеніи къ Рязани, Девлетъ-Гирей останавливается и готовъ итти назадъ, но чтобы не возвращаться домой съ пустыми руками, рѣшается разграбить украинскій городъ Тулу, стоявшую на его пути. Неудача и этого предпріятія заставляетъ его быстро удалиться во свояси.

Радостныя вѣсти о пораженіи крымскаго хана разосланы были Іоанномъ царицѣ, митрополиту и свіяжскимъ воеводамъ. Счастливое начало предстоявшаго похода воодушевило его участниковъ и укрѣпило надежды на счастливый его исходъ.

Маршъ къ Свіяжску.

По сборѣ войскъ въ Коломну, государь созываетъ совѣтъ изъ бояръ и воеводъ для выработки плана движенія къ г. Казани. На этомъ совѣтѣ было рѣшено итти двумя путями: Іоанну съ *царской дружиной* и полками *лѣвой руки* и *сторожевымъ*—на Владиміръ и Муромъ, а князьямъ Мстиславскому и Воротынскому съ полками: *большимъ, передовымъ* и *правой руки* — на Рязань и Мещеру. За Алатыремъ обѣ колонны должны были соединиться и дальнѣйшій маршъ къ Свіяжску произвести сосредоточенными силами.

Подобная организація марша была основана на слѣдующихъ соображеніяхъ. До Алатыря русскимъ войскамъ прихо-

дилось двигаться параллельно фронту возможнаго нападенія Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ, котораго легко было ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Поэтому являлось необходимымъ прикрыть съ этой стороны движеніе нашихъ войскъ, направляемыхъ какъ сухимъ путемъ на Владиміръ и Муромъ, такъ и водою по р.р. Окѣ и Волгѣ. Для этой цѣли и была составлена особая колонна князей Мстиславскаго и Воротынскаго, которая, двигаясь южнѣе, черезъ Рязань и Мещеру, обезпечивала собою безопасность марша остальныхъ нашихъ войскъ. За Алатыремъ-же, гдѣ фронтъ наступленія русскихъ войскъ съ востока обращался на сѣверъ и опасность могла угрожать съ 3-хъ сторонъ: съ сѣвера, востока и юга,—лучшимъ обезпеченіемъ марша являлась сосредоточенность войскъ во все время ихъ движенія. Эти послѣднія соображенія, надо думать, и послужили основаніемъ тому, что мѣсто соединенія колоннъ было назначено за Алатыремъ и дальнѣйшій маршъ къ Свіяжску предположенъ всѣми войсками вмѣстѣ.

Пока Іоаннъ дѣлалъ необходимыя распоряженія къ предстоявшему походу, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ возникъ ропотъ. Новгородскія *дѣти боярскія* заявили царю, что, находясь на службѣ съ весны, они уже достаточно послужили и что для нихъ будетъ крайне тяжело перенести еще дальній и продолжительный походъ подъ Казань. Подобное заявленіе было крайне опасно въ данную минуту: оно легко могло вызвать волненіе и среди остальныхъ войскъ, а потому нужно было принять рѣшительныя, но въ то-же время и осторожныя мѣры для подавленія его въ самомъ началѣ.

Въ этихъ видахъ Іоаннъ приказываетъ переписать всѣхъ воиновъ, желающихъ итти подъ Казань, а также ненамѣренныхъ участвовать въ походѣ, объявивъ первымъ, что государь ихъ будетъ жаловать, награждать и кормить подъ Казанью, а вторымъ—что они могутъ остаться въ Коломнѣ. Мѣра эта при-

несла ожидаемые результаты. При переписи несогласныхъ не оказалось вовсе: всѣ изъявили охоту итти за государемъ.

3-го іюля полки выступили указанными путями. Іоаннъ, помолившись предъ иконою Богоматери, которая была съ Дмитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ, и принявъ благословеніе у владыки Θеодосія, направился съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ и войсками лѣвой колонны на Владиміръ, куда и прибылъ черезъ пять дней, т. е. 8-го іюля.

Здѣсь онъ получилъ отъ возвратившагося протопопа Тимофея радостную вѣсть, что цынга въ Свіяжскѣ прекратилась. Поклонившись мѣстнымъ святынямъ, 10-го іюля царь выступилъ дальше и 13-го прибылъ въ Муромъ, въ которомъ оставался до 20-го числа. За это время онъ произвелъ смотръ полкамъ и *наряду;* приказалъ росписать *дѣтей боярскихъ* на сотни и выбрать для каждой начальника—голову, изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ и искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ. Вызвалъ изъ Касимова царя Шигъ-Алея и послалъ его съ стрѣльцами, находившимися подъ начальствомъ князя Петра Булгакова, на судахъ Окою и Волгою въ Свіяжскъ. Приказалъ полкамъ переправляться на правый берегъ Оки и выслалъ, 15-го іюля, по пути слѣдованія войскъ *ертоулъ* князей Юрія Шемякина и Θеодора Треекурова, а за нимъ—*посошныхъ людей* для наводки мостовъ и исправленія дорогъ.

Въ Муромѣ царь получилъ другую радостную вѣсть, что свіяжскіе воеводы предпринимали походъ противъ мятежниковъ Горной стороны, смирили ихъ и вновь обратили въ подданство Москвѣ. Здѣсь-же было получено Іоанномъ посланіе отъ митрополита, въ которомъ заключалось благословеніе царю и всему воинству на предстоящую брань.

Почтивъ память святыхъ Муромскихъ угодниковъ, Іоаннъ выступилъ, 20-го іюля, съ полками своей колонны въ дальнѣйшій путь. Въ этотъ день войска сдѣлали 30-ти верстный пе-

реходъ и расположились станомъ на ночлегъ въ Саканскомъ лѣсу, на р. Велетемѣ. 21-го числа колонна передвинулась къ р. Шиленьшѣ, 22-го—къ Саканскому городищу, 23-го—ночевала на полѣ на Иржѣ, 24-го на р. Автечь, 25-го на р. Кевсѣ, 26-го—на озерѣ Иктс и 27-го на озерѣ (безъ названія), недоходя р. Піаны. Здѣсь присоединился къ русскимъ войскамъ Сеитъ съ Городецкими (Касимовскими) князьями, мурзами и татарами; всѣ они были назначены Іоанномъ въ составъ *ертоула*. Слѣдующій станъ царской колонны былъ на озерѣ Дубровкѣ, затѣмъ на р. Мѣдянкѣ и наконецъ на р. Мяни, на берегахъ которой войска оставались до 2-го августа. Передвинувшись затѣмъ 2-го числа къ р. Алатырю, Іоаннъ встрѣтилъ на берегахъ ея князя Темниковскаго Еникея, прибывшаго на присоединеніе къ русскимъ войскамъ съ отрядомъ татаръ и мордвы. Въ ожиданіи прихода русскихъ полковъ, Еникей распорядился устроить на рѣкѣ три моста, по которымъ войска Іоанна переправились на правый берегъ, гдѣ и расположились станомъ для ночлега. На другой день, 3-го августа, Іоаннъ сдѣлалъ переходъ къ р. Большой Сарѣ. Здѣсь имъ было получено донесеніе отъ князя Мстиславскаго, что полки правой колонны благополучно достигли верховьевъ той-же рѣки и ждутъ приказаній относительно того, гдѣ и когда имъ присоединиться къ государевымъ войскамъ. Іоаннъ назначаетъ мѣстомъ соединенія обѣихъ колоннъ открытыя поля праваго берега р. Суры, куда и предписываетъ Мстиславскому передвинуться съ полками въ теченіе слѣдующаго дня. Мстиславскій въ точности исполнилъ полученное имъ приказаніе: къ вечеру 4-го августа войска правой колонны были уже переведены на правый берегъ р. Суры и расположены станомъ близъ устья р. Барыша, въ виду полковъ царской колонны, достигшихъ въ этотъ день лѣваго берега р. Суры и расположившихся для ночлега подъ Баранчеевымъ городищемъ.

Такимъ образомъ, первая часть марша русскихъ войскъ

къ Свіяжску, носившая характеръ флангового движенія по отношенію Заволжскихъ и Ногайскихъ татаръ, была закончена. Обѣ отдѣльно слѣдовавшія колонны благополучно миновали опасное пространство и одновременно сошлись на берегахъ рѣки Суры, чтобы отсюда, вступая въ земли Нагорной черемисы, чувашъ и мордвы, элемента крайне ненадежнаго и легко подвергавшагося вліянію Казани,—продолжать движеніе сосредоточенными силами.

Маршъ русскихъ войскъ отъ Коломны до р. Суры былъ исполненъ въ 33 дня, съ 3-го іюля по 4-е августа включительно.

За это время лѣвая колонна сдѣлала 24 перехода, пройдя разстояніе, равное приблизительно 600—650 верстамъ; слѣдовательно средняя величина суточнаго перехода была около 25—27 верстъ.

Движеніе этой колонны можно подраздѣлить на двѣ части:

1) Маршъ отъ Коломны до Мурома былъ исполненъ только частью войскъ, а именно: *дружинами*—царской и князя Владиміра Андреевича и полкомъ *лѣвой руки*; остальныя войска: *ертоулъ и сторожевой полкъ* — собирались у Мурома и въ Коломну не вызывались. Движеніе производилось въ предѣлахъ своего государства и потому, естественно, происходило при всѣхъ удобствахъ, какія только могли существовать въ то время. Почти 300-тъ верстное разстояніе было пройдено въ 11 дней, изъ которыхъ собственно на долю переходовъ приходилось 10, что въ среднемъ даетъ величину одного перехода равною 30 верстамъ.

2) Маршъ отъ Мурома до р. Суры, на протяженіи 330 верстъ, былъ исполненъ въ 14 переходовъ, при двухъ дневкахъ; средняя величина перехода была отъ 23 до 25 верстъ. Эта вторая часть марша произведена гораздо медленнѣе, чѣмъ предыдущая, что объясняется какъ большимъ количествомъ дви-

гавшихся войскъ, такъ и отсутствіемъ сравнительно удобныхъ дорогъ и переправъ.

Подробности движенія войскъ правой колонны, къ сожалѣнію, не извѣстны. Участникъ похода князь Курбскій разсказываетъ, что изъ Коломны они направились сначала черезъ Рязанскую область, а потомъ черезъ Мещерскую; затѣмъ, пройдя болѣе трехъ дней Мордовскими лѣсами, они вышли на дикое поле, которымъ и слѣдовали до р. Суры, въ разстояніи пяти конныхъ переходовъ отъ войскъ лѣвой колонны. Основываясь на этихъ данныхъ, можно приблизительно опредѣлить длину пути правой колонны въ 550—600 верстъ, а среднюю величину суточнаго перехода отъ 20 до 25 верстъ.

Всѣ вышеприведенныя цифры пройденныхъ разстояній и суточныхъ переходовъ даютъ право заключить, что маршъ русскихъ войскъ къ р. Сурѣ былъ исполненъ довольно быстро, особенно, если принять въ соображеніе, что войска для своего слѣдованія должны были сами прокладывать дороги и устраивать мосты черезъ всѣ попутныя рѣки.

Довольствіе войскъ во все время этого марша не встрѣтило никакихъ затрудненій: обиліе лосей и различной дичи въ лѣсахъ и рыбы въ рѣкахъ обезпечило вполнѣ скромныя потребности русскихъ ратниковъ.

На берегахъ Суры Іоанна встрѣтили посланцы отъ свіяжскихъ воеводъ съ извѣстіемъ, что волненіе среди возмутившихся жителей Нагорной стороны окончательно подавлено русскими подвижными отрядами, исходившими край по разнымъ направленіямъ. Здѣсь-же явилась къ государю депутація отъ Горныхъ людей съ изъявленіемъ покорности и просьбой о помилованіи. Іоаннъ милостиво принялъ и тѣхъ и другихъ, угостилъ ихъ обѣдомъ за своимъ столомъ и, отпуская, приказалъ дать знать свіяжскимъ воеводамъ, чтобы они выступили на встрѣчу главной русской рати и присоединились къ ней за два перехода отъ Свіяжска.

Какую цѣль имѣлъ Іоаннъ, отдавая это приказаніе, определить довольно трудно. Хотѣлъ-ли онъ надежнѣе обезопасить свой маршъ, мало довѣряя спокойствію и видимой покорности жителей; имѣлъ-ли въ виду подавляющей численностью русскихъ войскъ, двигавшихся съ разныхъ сторонъ, запугать мятежниковъ, сторонниковъ Казани, или просто сдѣлалъ это ради большей торжественности своего прибытія къ Свіяжску,—остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, войска свіяжскаго гарнизона должны были сдѣлать два перехода впередъ, на встрѣчу войскъ Іоанна, и затѣмъ, вмѣстѣ съ ними, снова пройти это разстояніе назадъ—къ Свіяжску.

Переправившись 5-го августа черезъ р. Суру по мостамъ, наведеннымъ *посошными людьми*, Іоаннъ соединился съ войсками правой колонны и продолжалъ маршъ въ слѣдующемъ походномъ порядкѣ: впереди, по прежнему, шелъ *ертоулъ*, за нимъ—*передовой* полкъ, далѣе—*царская дружина*, потомъ—*большой* полкъ и затѣмъ—*сторожевой*; полки *правой* и *лѣвой руки* двигались каждый съ своей стороны относительно *царской дружины*. Въ этотъ день войска сдѣлали переходъ къ р. Киватъ, на берегахъ которой и дневали въ теченіе 6-го августа. 7-го числа полки передвинулись къ р. Яклѣ, а 8-го расположились станомъ на р. Чивлѣ. Здѣсь встрѣтила Іоанна новая депутація отъ Горныхъ людей. Она свидѣтельствовала царю о полной покорности народа и просила прощенья за недавнюю измѣну, явившуюся вслѣдствіе угрозъ и давленія казанскихъ татаръ. Іоаннъ обласкалъ и этихъ депутатовъ; обѣщалъ милость и прощеніе народу, но потребовалъ въ то-же время, чтобы жители Нагорной стороны присоединились къ русскимъ войскамъ для участія въ дѣйствіяхъ противъ Казани.

9-го августа полки передвинулись къ р. Карлѣ, 10-го— къ р. Булѣ, а 11-го ночевали на р. Беѣ. Выступивъ утромъ съ ночлега, Іоаннъ встрѣтилъ свіяжскихъ воеводъ, шедшихъ къ нему въ составѣ трехъ полковъ: въ первомъ—князь Алек-

сандръ Горбатый и вельможа Даніилъ Юрьевъ-Захарьинъ съ войсками, прибывшими въ Свіяжскъ весною по р. Волгѣ; во второмъ—князья Микулинскій и Серебряный—Оболенскій *съ дѣтьми боярскими*, составлявшими свіяжскій гарнизонъ, и въ третьемъ—казаки, татарскіе (казанскіе) князья и мурзы и вновь набранное ополченіе изъ жителей Нагорной стороны: черемисъ, чувашъ и мордвы. Общая численность всѣхъ этихъ полковъ превышала 20 тыс. человѣкъ.

Царь милостиво привѣтствовалъ прибывшихъ воиновъ, благодарилъ ихъ за службу и угостилъ обѣдомъ на Бейскомъ лугу. Затѣмъ войска двинулись далѣе и ночевали въ этотъ день на Ишяковомъ полѣ, а на утро 13-го августа достигли гор. Свіяжска, гдѣ къ этому времени успѣли уже сосредоточиться всѣ части войскъ, *нарядъ* и запасы, слѣдовавшіе на судахъ Окою и Волгою.

Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ Свіяжскъ, помолился въ храмѣ Рождества Богородицы, осмотрѣлъ крѣпость и собранные въ ней запасы и отбылъ затѣмъ къ станамъ войскъ, расположеннымъ на берегахъ р. Свіяги, гдѣ были разбиты шатры царской ставки.

Такимъ образомъ и вторая часть марша была благополучно окончена. Двухсотъ верстное разстояніе отъ р. Суры до г. Свіяжска было пройдено въ 8 дней, при одной дневкѣ; средняя величина перехода равнялась 25-ти верстамъ. Маршъ очень быстрый, особенно, если принять во вниманіе количество двигавшихся войскъ.

Довольствіе русскихъ ратниковъ на этомъ пути было обставлено еще лучше: устрашенные чуваши, мордва и черемисы доставляли войскамъ всѣ необходимые запасы и недостатка въ послѣднихъ не ощущалось.

Продолжительный и длинный походъ отъ Коломны утомилъ войска; они сильно нуждались въ отдыхѣ; вслѣдствіе этого дальнѣйшее движеніе къ Казани было остановлено въ Свіяжскѣ

на нѣсколько дней. За время этой остановки, надо думать, и были заготовлены всѣ необходимыя средства для предстоявшей переправы войскъ черезъ р. Волгу.

Движеніе русскихъ войскъ къ Казани.

Предоставивъ войскамъ пользоваться необходимымъ для нихъ отдыхомъ, Іоаннъ созвалъ совѣтъ изъ князя Владиміра Андреевича, царя Шигъ-Алея, бояръ и воеводъ и разсуждалъ съ ними о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ.

На этомъ совѣтѣ было приговорено, не теряя напрасно времени, итти теперь-же къ Казани, но прежде, чѣмъ приступить къ открытію военныхъ дѣйствій, попытаться сначала путемъ мирныхъ переговоровъ склонить казанцевъ къ покорности Москвѣ. Въ этихъ видахъ царю Шигъ-Алею было поручено написать письмо Едигеру, въ которомъ посовѣтовать ему, какъ своему родственнику, смириться и пріѣхать съ повинной къ русскому царю, нисколько не опасаясь за свою судьбу. Въ то-же время самъ Іоаннъ послалъ грамоты къ главному муллѣ и ко всѣмъ казанцамъ, требуя отъ нихъ раскаянія и покорности и обѣщая за это простить и пожаловать всѣхъ безъ исключенія.

Не выжидая однако отвѣтовъ на всѣ эти посланія, Іоаннъ отдалъ приказаніе начать 16-го августа переправу противъ гор. Свіяжска на лѣвый берегъ Волги и располагаться на лугахъ р. Казанки: *ертоулу, передовому полку, правой рукѣ* и *большому*. Переправа этихъ полковъ длилась въ теченіе 2-хъ дней, а затѣмъ—съ 18-го числа начали последовательно переправляться: *царская дружина, сторожевой полкъ* и *лѣвая рука*. Шигъ-Алей съ отрядомъ былъ посланъ на судахъ занять Гостинный островъ, лежащій посреди Волги, влѣво отъ Услонской горы, а бояринъ Морозовъ и дьякъ Выродковъ получили приказаніе везти водою къ гор. Казани

тяжелый огнестрѣльный *снарядъ* и осадныя машины (рубленные тарасы и башни). Самъ Іоаннъ переѣхалъ на лѣвый берегъ 18-го числа и здѣсь выжидалъ окончанія перевозки остальныхъ войскъ, которая прекратилась только 19 августа.

Такимъ образомъ, для переправы всей русской рати съ одного берега на другой потребовалось, въ общей сложности, почти 4 дня. Такой срокъ, при первомъ взглядѣ, кажется слишкомъ продолжительнымъ, но если принять во вниманіе значительную численность переправлявшихся войскъ, доходившую до 150 тыс., и обиліе лошадей при русской рати, такъ какъ преобладающую часть ея составляла конница,— то потраченное на переправу время окажется вовсе небольшимъ, особенно при несовершенствѣ тогдашнихъ перевозочныхъ средствъ.

Пока войска были заняты переправой, шли проливные дожди. Дорога къ Казани, пролегавшая по луговой сторонѣ Волги, сильно испортилась; небольшія рѣченки, пересѣкавшія этотъ путь, обратились въ глубокія рѣки, низменныя мѣста— въ сплошныя болота. Въ довершеніе всѣхъ этихъ невзгодъ, казанцы разрушили всѣ попутные мосты и гати, вслѣдствіе чего войскамъ приходилось почти заново прокладывать дорогу.

При такихъ обстоятельствахъ, движеніе головныхъ частей походной колонны замедлилось до крайности: для перехода 20-ти верстнаго разстоянія отъ мѣста переправы до устья р. Казанки потребовалось, по свидѣтельству Курбскаго, цѣлыхъ три дня, съ 17 по 19-е августа. Средина и хвостъ колонны, слѣдовавшіе уже по болѣе или менѣе устроенной дорогѣ, двигались конечно быстрѣе: и дѣйствительно, Іоаннъ, выступившій 20 августа съ тыловыми войсками, сдѣлалъ этотъ переходъ въ теченіе одного дня.

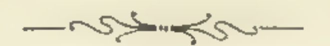
И такъ, 20-го августа, все русское войско, силою до 150000 человѣкъ, при 150 орудіяхъ, не считая полковыхъ, сосредоточилось безпрепятственно со стороны противника у устья р.

Казанки, частью на правомъ ея берегу, а частью на лѣвомъ, на такъ называемомъ — *Царевомъ лугу* и далѣе внизъ по Волгѣ. Здѣсь оно оставалось въ теченіе 21 и 22-го чиселъ августа мѣсяца, занимаясь выгрузкой *наряда* и различныхъ запасовъ, доставленныхъ сюда водою на судахъ, и постепенно сосредоточивалось всё на лѣвый берегъ, переходя черезъ Казанку по шести мостамъ, устроеннымъ близъ ея устья.

Въ день своего прибытія на Царевъ лугъ, Іоаннъ получилъ дерзкій отвѣтъ отъ Едигера, заключавшій хулы на христіанство, самого Іоанна, царя Шигъ-Алея и явный вызовъ на брань: «все готово: ждемъ васъ на пиръ!» писалъ Едигеръ.

Въ это-же время въ русскій станъ прибылъ одинъ изъ казанскихъ вельможъ, нѣкто Камай-мурза, тайкомъ бѣжавшій изъ города, чтобы передаться на сторону русскихъ. Онъ сообщилъ Іоанну, что казанцы, возбужденные Едигеромъ, главнымъ муллою и другими вожаками, пылаютъ ненавистью къ христіанамъ и готовы скорѣе погибнуть всѣ, нежели покориться; что для защиты Казани въ ней находится 30000 своихъ казанцевъ и около 3000 ногаевъ; кромѣ того всѣ жители и духовныя лица взялись также за оружіе; что въ городѣ имѣются большіе продовольственные и боевые запасы, а внѣ его, въ Арской засѣкѣ, расположенъ съ большимъ отрядомъ конницы князь Япанча, съ цѣлью вооружать все окрестное населеніе и путемъ, безпрестанныхъ нападеній на тылъ русскихъ осадныхъ войскъ, препятствовать веденію осады города. Свѣдѣнія эти были весьма цѣнны, ибо они въ значительной мѣрѣ выясняли обстановку предстоящей борьбы.

При такомъ положеніи дѣлъ Іоанну оставалось только прибѣгнуть къ послѣднему средству—начать осаду Казани.

ГЛАВА IV.

Топографическій очеркъ мѣстности, занимаемой татарской Казанью 1552 года. Казанская крѣпостная ограда, ея направленіе и ворота. Численность гарнизона, внѣшній отрядъ и планъ обороны Казани.

Татарская Казань 1552 года (см. планъ № 2) была расположена на невысокихъ, но крутыхъ и обрывистыхъ возвышенностяхъ, находящихся между р.р. Казанкой и Булакомъ, то есть приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго кремля и *первой* части города. Эти невысокія возвышенности составляютъ собою окончаніе той горной гряды, которая ограничиваетъ съ сѣверо-востока луговой берегъ Волги и раздѣляетъ бассейны р. Казанки и системы озеръ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Кабана. Благодаря глинистому и отчасти песчаному грунту, поверхность гряды легко поддавалась размывамъ воды въ періодъ проливныхъ дождей и таянія снѣговъ, вслѣдствіе чего изрѣзывалась на всемъ протяженіи глубокими оврагами. Внутри самой Казани находилось два такихъ оврага. Одинъ изъ нихъ, носившій названіе *Тезицкаго,* шелъ параллельно юго-восточному фронту нынѣшняго кремля, начинаясь довольно узкимъ проходомъ у р. Булака и оканчиваясь широкимъ отверстіемъ позади теперешняго дома городского управленія. Здѣсь онъ соединялся съ другимъ оврагомъ, шедшимъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Этотъ послѣдній начинался у нынѣшней Николаевской площади и шёлъ вдоль Черноозерскихъ скверовъ къ Пятницкой церкви, гдѣ, съуживаясь на подобіе щели, выходилъ на низменность р. Казанки. На днѣ этого оврага лежала цѣлая система озерковъ, со стоячею водою, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Поганыхъ*; наибольшія изъ нихъ находились: одно—на мѣстѣ нынѣшняго ресторана Ожегова, другое—на концѣ Черноозерскихъ скверовъ и третье—противъ

Пятницкой церкви. Вода во всѣхъ этихъ озеркахъ, въ періодъ осады Казани, была негодна для питья, что слѣдуетъ изъ данныхъ Царственной книги (стр. 285-я).

Описанные овраги раздѣляли мѣстность, занятую городомъ, на три отдѣльныя плоскія возвышенности, различныя по высотѣ и верхней площади. Одна изъ нихъ, лежащая въ самомъ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Казанки и Булака, гдѣ нынѣ находится кремль, занимаетъ площадь до 300 саж. длиною и до 150 саж. шириною, возвышаясь надъ уровнемъ окрестныхъ водъ на 10—12 саж.. На этой возвышенности, ограниченной со всѣхъ сторонъ весьма крутыми скатами, въ ряду другихъ построекъ, приблизительно на нынѣшней дворцовой площади, вправо (сѣвернѣе) отъ Сумбекиной башни, находились большія каменныя зданія ханскаго (царскаго) дворца, окруженныя 5-ю высокими мечетями. Обнесенный прочною оградой, а можетъ быть еще и рвомъ, дворецъ этотъ былъ достаточно обширенъ и являлся какъ-бы редюитомъ, цитаделью укрѣпленной Казани.

Другая плоская возвышенность, занимаемая нынѣ Воскресенской улицей, идетъ въ восточномъ направленіи до обрыва къ Рыбнорядской улицѣ и имѣетъ около одной версты въ длину и отъ 30 до 150 саж. въ ширину. Эта возвышенность ниже предыдущей и скаты ея болѣе пологи.

Къ сѣверу отъ нея, между Черноозерскими улицами (прежнимъ оврагомъ) и р. Казанкой находится третья плоская возвышенность, имѣющая общее паденіе на западъ, со стороны Арскаго поля—и отъ отдѣльной пологой вершины на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго женскаго монастыря. Въ эту возвышенность врѣзывались со стороны р. Казанки три длинныхъ и глубокихъ оврага: одинъ—по направленію Кошачьяго переулка, сохранившійся и донынѣ, но, конечно, уже въ измѣненномъ видѣ; другой, составлявшій, собственно, только вѣтвь предыдущаго, шёлъ параллельно улицѣ Поповой горы,

съ ея западной стороны; въ настоящее время онъ уже почти весь засыпанъ;—и третій, слѣды котораго остались и нынѣ, проходилъ между улицами Поповой горы и Касаткиной, начинаясь на мѣстѣ теперешняго дома Благороднаго собранія.

Участкомъ мѣстности между этимъ послѣднимъ оврагомъ и оврагомъ шедшимъ прямо на югъ и занятымъ нынѣ Рыбнорядской улицей, описанная плоская возвышенность соединялась съ другой, лежащей прямо на востокъ, по направленію къ военному госпиталю, съ крутыми обрывами къ Казанкѣ и озеру Нижнему Кабану. Эта возвышенность, длиною около одной и шириною до полутора версты, во времена татарской Казани представляла собою открытую равнину, извѣстную подъ названіемъ *Арскаго поля*. За нимъ, къ востоку за оврагомъ, простирался дремучій Арскій лѣсъ, внутри котораго, въ 15 верстахъ отъ Казани, былъ устроенъ укрѣпленный *острогъ*.

Очерченная группа плоскихъ возвышенностей—на сѣверѣ, крутыми и обрывистыми склонами, изрѣзанными во многихъ мѣстахъ глубокими и длинными оврагами, ниспадаетъ на низменность р. Казанки.

Сама *Казанка* протекала прежде нѣсколько сѣвернѣе, по другому руслу, слѣды котораго сохранились до настоящаго времени. Около начала Засыпкиной улицы и мельницъ она образовывала рядъ затоновъ и небольшихъ озеръ, соединявшихся въ прежнее время съ системой *Поганыхъ* озерковъ, находившихся на днѣ Черноозерскаго оврага.

Низменность Казанки, ежегодно затопляемая весенними разливами, была покрыта почти сплошными болотами и изрѣзана повсюду ручьями и рѣчками, изъ которыхъ наиболѣе значительными были рѣка *Верхняя Ичка* и безымянный притокъ, впадавшій въ Казанку съ правой стороны. На сѣверѣ эта низменность примыкаетъ къ крутымъ скатамъ невысокихъ возвышенностей, покрытыхъ въ то время густымъ лѣсомъ;

на югѣ — она сливается съ луговымъ берегомъ р. Волги и представляла собою тогда низменный лугъ, поросшій рѣдкимъ лѣсомъ и кустарникомъ.

Вдоль подошвы южныхъ и юго-западныхъ склоновъ плоскихъ возвышенностей, занятыхъ городомъ, протекала рѣчка *Булакъ*, бравшая свое начало изъ озера *Нижняго Кабана* и впадавшая въ р. Казанку двумя рукавами: однимъ—почти подъ самою горою (кремлевскою), а другимъ—нѣсколько западнѣе *(Гнилой Булакъ)*. Въ настоящее время рѣчки этой уже не существуетъ, а есть только небольшой грязный протокъ, текущій въ новомъ, искусственномъ руслѣ.

Булакъ татарскихъ временъ представлялъ довольно многоводную рѣчку, протекавшую по тинистому ложу и вслѣдствіе этого былъ труднопроходимъ на всемъ своемъ протяженіи. Онъ нёсъ избытокъ водъ озеръ *Верхняго* и *Нижняго Кабана*, соединявшихся, какъ и теперь, узкимъ протокомъ между собою.

За Булакомъ, до похода 1552 года, были укрѣпленныя предмѣстья и *остроги*, но о существованіи ихъ въ періодъ послѣдней осады свидѣтельствъ никакихъ не имѣется. Надо думать, что казанцы, провѣдавъ о рѣшимости Іоанна покончить съ ними во чтобы-то ни стало и готовясь поэтому къ отчаянной самозащитѣ, или уничтожили эти остроги и предмѣстья, изъ боязни не удержать ихъ за собою, или-же оставили ихъ вовсе незанятыми, въ видахъ сосредоточенія всѣхъ средствъ обороны внутри самой Казани, за ея прочной крѣпостной оградой.

Участокъ мѣстности между оз. Нижнимъ Кабаномъ, р. Булакомъ и Верхней Ичкой былъ покрытъ небольшими озёрами и протоками, которые, соединяясь между собою, давали начало небольшой рѣчкѣ, протекавшей въ болотистыхъ берегахъ и носившей названіе *Нижней Ички*. Между послѣдней и озеромъ Верхнимъ Кабаномъ находился густой лѣсъ, который

тянулся затѣмъ и вдоль противоположнаго берега того-же озера, соединяясь далѣе съ Арскимъ лѣсомъ.

Собственно крѣпость Казань занимала двѣ первыя изъ вышеописанныхъ плоскихъ возвышенностей съ ихъ скатами (кремлевскую и Воскресенскую улицы) и южную половину третьей, примѣрно до линіи, идущей отъ нынѣшней сѣверной угловой башни Казанскаго женскаго монастыря къ началу улицы Поповой горы. Она была обнесена кругомъ деревянной стѣною, составленной изъ дубовыхъ бревенчатыхъ срубовъ, наполненныхъ землею и камнями. Стѣны эти были образованы изъ двухъ продольныхъ стѣнъ—лицевой и внутренней, связанныхъ мѣстами поперечными, не глухими стѣнками, расположенными на различной высотѣ въ шахматномъ порядкѣ. Вершины стѣнъ были приспособлены къ оборонѣ впереди лежащей мѣстности метательнымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, причемъ, для прикрытія защитниковъ со стороны поля, вдоль наружнаго края стѣнъ была устроена, на грудную высоту ($4^1/_2$ фута), тонкая деревянная стѣнка, въ видѣ парапета. Высота крѣпостныхъ стѣнъ достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 4-хъ саж., а толщина колебалась между 2-мя и 4-мя саженями.

На всемъ протяженіи крѣпостной ограды—надъ воротами, по угламъ и посреди тѣхъ фасовъ, длина которыхъ превосходила двойную дальность полета стрѣлы (500 шаг.), были устроены деревянныя башни, предназначенныя для продольнаго обстрѣливанія какъ вершинъ стѣнъ, такъ и мѣстности лежащей передъ ними. Башни эти представляли собою 4-хъ-угольные срубы, возвышавшіеся надъ поверхностью стѣнъ на нѣсколько аршинъ, и состояли изъ нѣсколькихъ этажей: самый нижній служилъ, обыкновенно, для помѣщенія узкихъ крѣпостныхъ воротъ или для склада различныхъ боевыхъ и жизненныхъ запасовъ; всѣ-же остальные были приспособлены къ закрытой оборонѣ огнестрѣльнымъ и метатель-

нымъ оружіемъ и предназначались для усиленія защиты крѣпостныхъ стѣнъ. Самый верхній этажъ башень былъ покрытъ крутою четырехъ-скатною крышею и служилъ для помѣщенія часовыхъ, наблюдавшихъ за впереди лежащей мѣстностью и противникомъ.

Такихъ башенъ въ Казанской крѣпостной оградѣ было всего 17, изъ нихъ 10 заключали въ себѣ крѣпостныя ворота, носившія названія: *Муралеевыхъ*, *Элбугиныхъ*, *Збойливыхъ*, *Кайбатскихъ*, *Арскихъ*, *Царевыхъ (Царскихъ)*, *Ногайскихъ*, *Крымскихъ*, *Аталыковыхъ* и *Тюменскихъ*.

Положеніе всѣхъ этихъ башенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и направленіе крѣпостной ограды можно отмѣтить приблизительно въ слѣдующихъ мѣстахъ современной Казани (см. планъ № 1).

Тамъ, гдѣ нынѣ находятся кремлевскія Воскресенскія ворота или нѣсколько южнѣе ихъ, стояла башня (№ 1) *Муралеевыхъ* воротъ. Отъ нея крѣпостная стѣна шла по краю крутого ската кремлевской возвышенности на сѣверо-востокъ, постепенно спускаясь къ Казанкѣ и, около нынѣшней сѣверной угловой башни кремля, оканчивалась башней (№ 2), въ которой находились *Элбугины* ворота. Далѣе стѣна поворачивала на юго-востокъ, сообразно контуру возвышенности (башня № 3), а затѣмъ—прямо на югъ, къ Пятницкой церкви, противъ которой, по лѣвую сторону Тезицкаго оврага, близъ Нижняго Поганаго озера, находилась башня (№ 4) *Збойливыхъ* воротъ. Перейдя здѣсь черезъ оврагъ въ восточномъ направленіи (башня № 5), стѣна изгибалась затѣмъ на сѣверо-востокъ и шла къ сѣверной угловой башни Казанскаго женскаго монастыря, около которой стояла угловая башня (№ 6) *Кайбатскихъ* воротъ, обращенныхъ въ сторону Ѳеодоровскаго монастыря. Отсюда стѣна шла въ юго-восточномъ направленіи—къ зданію почтовой конторы, образуя сначала входящій уголъ — у вершины оврага Кошачьяго переулка, а затѣмъ

исходящій—возлѣ того мѣста, гдѣ находится баня Данилова; на обоихъ изломахъ стѣны стояли угловыя башни (№ 7 и 8) безъ воротъ. Отъ почтовой конторы, около которой, на концѣ Покровской улицы, находилась башня (№ 9) *Арскихъ* воротъ, стѣна поворачивала на югъ и, перейдя Николаевскую площадь, выходила на возвышенность Воскресенской улицы. На этомъ участкѣ ограды были расположены 3 башни: одна (№ 10) — на Николаевской площади, близъ Черноозерскаго сквера, во входящемъ углу крѣпостной стѣны; другая (№ 11)— во дворѣ клиники, съ воротами, носившими названіе *Царевыхъ (Царскихъ)* и третья (№ 12) — во дворѣ университета, на краю возвышеннаго плато, заключавшая въ себѣ также ворота, извѣстныя подъ названіемъ *Ногайскихъ*. Отъ этой башни стѣна круто поворачивала на западъ къ *Крымскимъ* воротамъ (№ 13), лежавшимъ приблизительно на Поперечно-Воскресенской улицѣ, около аптеки Грахе, а затѣмъ шла въ юго-западномъ направленіи къ башнѣ (№ 14) *Атальковыхъ* воротъ, находившейся на Проломной улицѣ, недалеко отъ Николо-Вешняковской церкви. Отсюда крѣпостная ограда направлялась снова на западъ и, дойдя до угловой башни (№ 15), стоявшей около Гостинодворской улицы и р. Булака, ломалась въ сѣверо-западномъ направленіи, параллельно теченію названной рѣки. За Тезицкимъ оврагомъ она подпималась на кремлевскую возвышенность, по краю которой и доходила до *Муралеевыхъ* воротъ. На этомъ участкѣ ограды стояли 2 башни: одна (№ 16), обезпечивавшая *Тюменскія* крѣпостныя ворота, находилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоятъ заложенныя ворота кремлевской стѣны, въ оградѣ Спасскаго монастыря, а другая (№ 17)—на выдающемся юго-западномъ углу возвышенности, между предыдущей и башней *Муралеевыхъ* воротъ.

Для увеличенія оборонительной силы крѣпостной ограды на сѣверныхъ, восточныхъ и южныхъ ея фронтахъ, въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ не было впереди естественныхъ препятствій, вдоль стѣны шёлъ искусственный наружный ровъ, въ 3 саж. шириною и до 7 саж. глубиною. Ровъ этотъ начинался отъ р. Булака и тянулся, съ перерывами, до Нижняго Поганаго озера, лежавшаго близъ Пятницкой церкви. Впереди крѣпостного рва, для прикрытія мостовъ черезъ него у *Арскихъ* и *Царевыхъ* воротъ, были устроены *тарасы*—деревянные срубы, насыпанные землею. Прикрытое тарасами пространство за наружнымъ рвомъ служило какъ-бы плацдармами для сосредоточенія войскъ обороняющагося передъ вылазкой.

Позади *Элбугиныхъ* воротъ, на вершинѣ кремлевской возвышенности, была расположена большая и сильно вооруженная башня, соединенная оградой съ крѣпостною стѣною и предназначенная для защиты этихъ воротъ, положеніе которыхъ внизу и при томъ въ выдающейся части крѣпостной ограды было недостаточно обезпечено.

Такова была мѣстность, занятая Казанью, и таковы были сила и расположеніе ея крѣпостной ограды. Построенная на крутыхъ возвышенностяхъ, командовавшихъ надъ всею окружающею мѣстностью, окаймленная съ трехъ сторонъ труднопроходимыми рѣчками: болотистой Казанкой и тинистымъ Булакомъ, огражденная высокими деревянными стѣнами и башнями и обнесенная широкимъ и глубокимъ рвомъ,—Казань была неприступной твердыней для атакующихъ войскъ и надежнымъ оплотомъ для обороняющихся. Наиболѣе доступные фронты крѣпости находились на восточной и юго-восточной ея сторонахъ, гдѣ не было естественныхъ преградъ. Отсюда русскіе вели свою главную атаку и здѣсь казанцы сосредоточили всѣ средства обороны.

Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 30000 отборныхъ пѣшихъ и конныхъ казанцевъ и 2700 ногаевъ; кромѣ того всѣ жители, способные носить оружіе, и даже духовенство ополчи-

лись на защиту своей независимости. Въ крѣпости имѣлись орудія, ручныя пищали и громадное количество боевыхъ и жизненныхъ запасовъ. Для содѣйствія оборонѣ извнѣ, изъ крѣпости былъ высланъ въ Арскій острогъ особый отрядъ лихого наѣздника Япанчи, числительностью также около 30000 человѣкъ (см. «Очерки древней Казани» Пл. Заринскаго, стр. 212). Опираясь на эти послѣднія войска, поднялась противъ русскихъ и вся окрестная луговая черемиса.

Планъ обороны Казани отличался энергіей и предусмотрительностью. Онъ заключался въ слѣдующемъ: въ то время, какъ крѣпостной гарнизонъ долженъ былъ противодѣйствовать вылазками осаднымъ работамъ передъ фронтомъ крѣпости, войска, расположенныя въ Арскомъ лѣсу, должны были атаковывать русскихъ съ тыла. Для того, чтобы обезпечить вполнѣ успѣхъ этихъ дѣйствій, нападенія внѣшняго отряда рѣшено было производить одновременно съ вылазками гарнизона и въ этихъ видахъ между ними былъ установленъ особый условный знакъ.

Такимъ образомъ, основная идея плана заключалась въ активной оборонѣ крѣпости и въ отнятіи всякой инициативы у атакующаго.

Все вышесказанное достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что казанцы располагали всѣми средствами для продолжительной и упорной борьбы съ русскими. Независимо отъ войскъ внѣшняго отряда, татары имѣли для защиты одной только крѣпостной стѣны, тянувшейся на протяженіи 4½ верстъ,— 32700 человѣкъ или на каждый шагъ ея—5 человѣкъ (*). Силы очень значительныя, особенно въ виду столь выгодныхъ для обороны свойствъ мѣстности и профили крѣпостной ограды.

(*) Числительность гарнизона современныхъ крѣпостей разсчитывается по протяженію линіи ихъ передовыхъ фортовъ, полагая на каждую версту этой линіи 1000 челов. или 2 человѣка на 3 шага ея длины.

ГЛАВА V.

Обложеніе Казани.

Планъ обложенія и выполненіе его. Отраженіе первой вылазки казанцевъ. Расположеніе блокирующихъ войскъ къ вечеру 23-го августа.

Готовясь приступить къ открытію рѣшительныхъ дѣйствій противъ Казани, Іоаннъ призываетъ къ себѣ князя Владиміра Андреевича, царя Шигъ-Алея, бояръ и воеводъ, сообщаетъ имъ доставленныя Камаемъ свѣдѣнія и совѣтуется о томъ, какимъ образомъ распредѣлить войска для предстоящаго обложенія, а затѣмъ и осады крѣпости.

На этомъ совѣтѣ было рѣшено: самому Іоанну и князю Владиміру Андреевичу съ *царской дружиной* стать на Царевомъ лугу, близъ *Отучевой* мечети (недалеко отъ Сѣнной площади, по направленію къ Бакалдинской пристани); Шигъ-Алею съ отрядомъ касимовскихъ татаръ и горныхъ черемисъ— за Булакомъ, подъ кладбищемъ; *передовому* и *большому* полкамъ, вмѣстѣ съ *дружиной* кн. Владиміра Андреевича, находившейся подъ начальствомъ князя Юрія Пенинскаго-Оболенскаго,— на Арскомъ полѣ; полку *правой руки*, усиленному значительнымъ числомъ казаковъ,—за р. Казанкой; *сторожевому*—на устьѣ р. Булака, а полку *лѣвой руки*—выше по теченію той-же рѣки.

Для укрѣпленія позицій обложенія и для производства осадныхъ работъ положено было приказать войскамъ заготовить по одному бревну на человѣка для устройства тына и по одному туру на каждые 10 человѣкъ для возведенія осадныхъ батарей. Затѣмъ, для устраненія неосмысленныхъ увлеченій войскъ въ предстоящихъ столкновеніяхъ съ противникомъ и во избѣжаніе непроизводительныхъ потерь, Іоаннъ отдалъ строгое распоряженіе, чтобы въ полкахъ безъ приказанія вое-

водъ, а въ цѣломъ войскѣ безъ царскаго повелѣнія, никто не смѣлъ кидаться въ бой, а тѣмъ болѣе къ городу.

Рано утромъ 23-го августа полки двинулись со становъ для обложенія Казани, согласно выработанному на совѣтѣ плану. Впереди слѣдовалъ *ертоулъ*, за нимъ *передовой* полкъ, затѣмъ *большой*, при которомъ находился отрядъ Шигъ-Алея, далѣе самъ Іоаннъ съ своей *дружиной*, потомъ *нарядъ* и полки: *сторожевой* и *лѣвой руки*; полкъ *правой руки* получилъ приказаніе переправляться на правый берегъ Казанки, ниже крѣпости. Къ каждому изъ полковъ были приданы пѣшія стрѣлецкія и казачьи сотни, которыя, по повелѣнію Іоанна, шли въ головѣ этихъ частей.

Дойдя до луга, находившагося между р. Казанкой и Верхней Ичкой, полки были пріостановлены. Здѣсь Іоаннъ распустилъ свое великое царское знамя, съ шитымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спаса и животворящимъ крестомъ наверху, бывшимъ при Димитріи Донскомъ въ Куликовской битвѣ. Около этого знамени былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Іоаннъ произнесъ прочувственную рѣчь войску. Въ этой рѣчи онъ указывалъ на нравственно-религіозное значеніе предстоящей борьбы и призывалъ всѣхъ къ самопожертвованію во имя удачнаго ея исхода; обѣщалъ жаловать и награждать всѣхъ тѣхъ, коихъ сохранитъ судьба живыми и призрѣть семьи тѣхъ, которымъ суждено будетъ пасть на полѣ брани. Слова государя необычайнымъ воодушевленіемъ отозвались въ войскахъ: всѣ единодушно готовы были пострадать: «за св. Церковь, за святую православную вѣру христіанскую, за единородную братію.»

Затѣмъ Іоаннъ сѣлъ на аргамака и, обратясь на образъ Спасителя, громко произнесъ: «Владыко! о твоемъ имени движемся!»—и двинулъ войска для обложенія Казани.

Правая рука начала переправляться на противоположный берегъ Казанки, а остальные полки двинулись вдоль р. Бу-

лака, мимо городскихъ стѣнъ. Городъ былъ тихъ и спокоенъ; ни одинъ звукъ, ни одно движеніе не обнаруживали въ немъ присутствія гарнизона и жителей; казалось, что онъ совершенно пустъ.

Ертоулъ, въ составѣ 7000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, подъ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова, безпрепятственно достигъ верховьевъ р. Булака, навелъ мосты и, переправившись, сталъ подниматься къ Арскому полю по склону крутой горы, лежавшей между озеромъ Кабаномъ и городомъ (гдѣ нынѣ находится 4-я часть), приблизительно въ 200 саж. отъ городскихъ воротъ (Ногайскихъ). Когда колонна вытянулась вдоль подъема и часть ея уже успѣла подняться на вершину горы, казанцы сдѣлали неожиданную вылазку. Около 5000 всадниковъ и 10000 пѣшихъ воиновъ стремительно кинулись на средину колонны, прорвали её и произвели сильное замѣшательство въ рядахъ стрѣльцовъ, вовсе неожидавшихъ встрѣтить атаку конницы. Но на выручку замѣшавшихся подоспѣли во время храбрые воеводы Троекуровъ и Шемякинъ съ дѣтьми боярскими и свѣжими стрѣльцами. Завязался упорный бой, результатомъ котораго было отступленіе казанцевъ съ большими потерями обратно въ городъ; потери русскихъ войскъ были незначительны и состояли только изъ раненыхъ.

Затѣмъ все дальнѣйшее обложеніе было исполнено безъ всякихъ препятствій со стороны гарнизона крѣпости, и къ вечеру 23-го августа полки расположились станами на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

Позиція обложенія была занята слѣдующимъ образомъ (см. планъ № 2):

1) Съ сѣвера и сѣверо-запада, по правой сторонѣ р. Казанки, начиная отъ большой излучины этой рѣки и почти до устья Булака, расположился полкъ *правой руки* князей Щенятева и Курбскаго, въ составѣ 12 тыс. конныхъ воиновъ и 6 тыс. пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ.

Позиція, занятая этимъ полкомъ, представляла болотистую низменность, хорошо обстрѣливаемую повсюду съ городскихъ стѣнъ; съ фронта она была обезпечена отъ вылазокъ теченіемъ рѣки Казанки, но тылъ ея, примыкавшій къ дремучимъ лѣсамъ, въ которыхъ бродили вѣрные союзники казанцевъ—луговые черемисы, былъ совершенно открытъ для нападеній послѣднихъ.

Длина фронта позиціи доходила до 600 саж. При общей численности полка правой руки въ 18000 человѣкъ, на каждый шагъ линіи обложенія приходилось—10 человѣкъ (*).

Такое занятіе позиціи, при первомъ взглядѣ, представляется излишне сильнымъ, но, при внимательномъ разсмотрѣніи, оно оказывается вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ обстановки.

Полкъ *правой руки* былъ отдѣленъ отъ остальныхъ войскъ р. Казанкой, переходимой только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ своихъ дѣйствіяхъ предоставленъ самъ себѣ; разсчитывать на своевременную помощь сосѣднихъ полковъ, а тѣмъ болѣе—общаго резерва, каковымъ являлась *царская дружина,*—онъ не могъ, вслѣдствіе затруднительности сообщенія съ первыми и значительной удаленности отъ второй. А между тѣмъ онъ долженъ былъ бороться на два фронта: вести атаку противъ впереди лежащихъ крѣпостныхъ стѣнъ и обороняться отъ безпрестанныхъ набѣговъ луговой черемисы.

2) Съ запада и юго-запада, вдоль лѣваго берега рѣки Булака, отъ его устья и нѣсколько не доходя до озера Кабана, расположились полки: *сторожевой*—князей Серебрянаго и Семена Шереметева и *лѣвой руки*—князей Микулинскаго и Плещеева. Численность этихъ полковъ, къ сожалѣнію,

---

(*) При тѣсномъ обложеніи современныхъ большихъ крѣпостей (Меца, Парижа и друг.), въ войну 1870—71 годовъ, численность облегающихъ войскъ не превосходила 2-хъ человѣкъ на каждый шагъ линіи обложенія.

неизвѣстна, но по сравненіи каждаго изъ нихъ съ полкомъ *правой руки*, можно предположить, что въ общей сложности они состояли изъ 20—25 тыс. пѣшихъ и конныхъ (*) воиновъ. Занятая ими позиція имѣла передъ фронтомъ тинистый, трудно-проходимый Булакъ, который, въ достаточной мѣрѣ, обезпечивалъ войска отъ вылазокъ крѣпостного гарнизона. Тылъ позиціи обращенъ былъ къ Волгѣ, находившейся, со времени переправы войскъ, въ рукахъ русскихъ; за Волгой-же шли владѣнія Московскаго государства и слѣдовательно объ опасности съ этой стороны не могло быть и рѣчи.

Столь выгодныя условія этой позиціи, при длинѣ фронта ея приблизительно въ 800 саж., представляли возможнымъ выдѣлить для ея занятія сравнительно небольшое число войскъ, хотя-бы, напримѣръ, одинъ только полкъ или и того меньше. Между тѣмъ она была занята двумя полками, численностью въ 20—25 тыс. человѣкъ, что давало на каждый шагъ линіи обложенія отъ 8 до 10 человѣкъ. Однако, такое усиленіе войскъ на этомъ участкѣ обложенія имѣло свои основанія. Полки, занимавшіе линію р. Булака, независимо отъ выполненія задачъ блокады и осады города, имѣли еще и другое назначеніе. Они прикрывали своимъ расположеніемъ тотъ участокъ р. Волги, около котораго были сосредоточены всѣ перевозочныя средства русскихъ войскъ, на случай неудачи,—гдѣ производилась доставка и выгрузка всевозможныхъ запасовъ, подвозимыхъ Волгою изъ Свіяжска и другихъ городовъ Московскаго государства для блокирующихъ войскъ. Волга составляла нашу единственную коммуникаціонную линію и потому, естественно, на обезпеченіе ея конечнаго этапа, находившагося не далѣе 6-ти верстъ отъ непріятельской крѣпости, обращено было самое серьезное вниманіе. Опыты прежнихъ

(*) Полагая наибольшую численность полка *лѣвой руки* въ 15000, а *сторожевого*—въ 10000 человѣкъ.

походовъ свидѣтельствовали о возможности активныхъ дѣйствій казанскаго гарнизона въ этомъ направленіи и потому, понятно, сосредоточеніе достаточнаго числа войскъ на этомъ фронтѣ было существенно необходимо и отвѣчало требованіямъ обстановки.

3) Съ востока и отчасти съ сѣверо-востока, между р. Булакомъ и Казанкой, расположились на Арскомъ полѣ полки: *большой*—князей Мстиславскаго и Воротынскаго, *передовой*—князей Турунтая-Пронскаго и Хилкова и *ертоулъ*, а также и *дружина* князя Владиміра Андреевича. Позиція этихъ полковъ представляла возвышенную равнину, изрѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутыми и глубокими оврагами, имѣвшими общее направленіе къ сѣверу и югу, параллельно крѣпостной оградѣ. Будучи открыта на всемъ своемъ протяженіи, она не имѣла ни обезпеченнаго фронта, ни безопаснаго тыла. Мѣстность впереди ея представляла всѣ удобства для производства рѣшительныхъ вылазокъ изъ крѣпости большими силами; позади—она примыкала къ Арскому лѣсу, въ глубинѣ котораго скрывался Япанча съ большимъ отрядомъ пѣшихъ и конныхъ татаръ.

Фронтъ позиціи тянулся, примѣрно, отъ нынѣшняго Ѳеодоровскаго монастыря почти до самаго Булака, на протяженіи около 2-хъ верстъ. Предполагая общую численность облегающихъ войскъ, расположенныхъ на этомъ участкѣ, равною приблизительно 50—60 тыс. человѣкъ, (*) получимъ на каждый шагъ линіи обложенія 17—20 человѣкъ. Силы очень значительныя, но онѣ признавались необходимыми, какъ вслѣдствіе крайне невыгодныхъ мѣстныхъ условій занимаемой позиціи, находившейся подъ ударами противника съ двухъ сторонъ, такъ и въ виду того обстоятельства, что отсюда, по большей доступности крѣ-

---

(*) Полагая *ертоулъ*—въ 7 тыс. чел., *передовой полкъ*—въ 10—12 тыс., *большой полкъ*—въ 30—35 тыс. и *дружину* кн. Владиміра Андреевича, прислугу при *нарядѣ* и проч.—около 5 тыс. человѣкъ.

постного фронта, удобнѣе всего было вести рѣшительную атаку для овладѣнія городомъ.

4) Связью между полками *большимъ* и *лѣвой руки* служилъ отрядъ Шигъ-Алея, стоявшій за Булакомъ у татарскаго кладбища; своимъ расположеніемъ онъ преградилъ для гарнизона крѣпости Ногайскую дорогу.

5) Болотистый участокъ мѣстности къ сѣверу отъ Казани, между Ѳеодоровскимъ монастыремъ и большой излучиной р. Казанки, остался временно незанятымъ.

6) Общій резервъ всѣхъ облегающихъ войскъ составили *царская дружина* (20 тыс. чел.) и принадлежащіе дружинникамъ *боярскіе люди*, подъ главнымъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича, расположившіеся на Царевомъ лугу, близъ Отучевой мечети, позади полка *лѣвой руки*. Тутъ-же были разбиты и шатры царской ставки съ тремя церквями.

Расположеніемъ резерва на этомъ мѣстѣ достигалось полное обезпеченіе того участка Волги, на который базировались блокирующія войска, и въ то-же время представлялась возможность поддержать, въ минуту необходимости, полки, стоявшіе на Арскомъ полѣ и по теченію р. Булака.

Общая длина линіи обложенія русскихъ войскъ, считая и временно незанятый участокъ къ сѣверу отъ Казани, доходила до 7 верстъ. При численности блокаднаго корпуса въ 140—150 тыс., на каждый шагъ линіи обложенія приходилось около 14 человѣкъ, а безъ резерва отъ 9 до 10 чел. Сравнивая численность облегающихъ войскъ съ гарнизономъ крѣпости, легко видѣть, что первая была въ 4 слишкомъ раза больше второго; но если принять во вниманіе, кромѣ гарнизона, еще и отрядъ Япанчи, а также и городскихъ жителей, почти поголовно вооружившихся на защиту своихъ очаговъ, то численное превосходство русскихъ надъ татарами значительно сокращается и врядъ-ли могло превышать болѣе, нежели въ 3 раза.

Такимъ образомъ, планъ обложенія Казани вполнѣ удал-

ся; русскія войска окружили городъ и прервали всякое сообщеніе между нимъ и окружающею мѣстностью.

Вечеромъ того-же дня Іоаннъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ воеводъ и отдалъ имъ строгое приказаніе: бдительно наблюдать за дѣйствіями противника и упорно отстаивать, въ случаѣ нападенія, занимаемыя ими позиціи.

Непосредственно за обложеніемъ послѣдовала осада Казани.

ГЛАВА VI.

Осада Казани.

Объѣздъ Іоанномъ линіи обложенія и первыя распоряженія. Буря. Дѣйствія русскихъ въ теченіе первой недѣли осады: отраженіе вылазки изъ крѣпости 25-го августа; постановка туровъ полками: сторожевымъ, лѣвой руки и большимъ; бой 26-го числа; вооруженіе туровъ; вылазка Улана Карамыша изъ Крымскихъ воротъ; нападеніе отряда Япанчи со стороны Арскаго лѣса 28-го августа; установка туровъ полками: правой руки, ертоула и передового.

Утромъ 24-го числа Іоаннъ объѣхалъ всю линію обложенія русскихъ войскъ. Во время этого объѣзда, онъ осматривалъ расположеніе полковъ на позиціяхъ, знакомился съ характеромъ мѣстности передъ крѣпостной оградой и намѣчалъ мѣста для веденія осадныхъ работъ. Результатомъ этой первой рекогносцировки явилось распоряженіе о постановкѣ туровъ полками *сторожевымъ* и *лѣвой руки* вдоль теченія р. Булака, начиная отъ его устья.

Къ вечеру этого дня надъ Казанью разразилась страшная буря. Она сорвала всѣ шатры, въ томъ числѣ и царскіе, разбила и потопила на Волгѣ много судовъ, нагруженныхъ различными запасами. Столь неожиданное бѣдствіе крайне

неблагопріятно отразилось на суевѣрной массѣ: войска пали духомъ! Но не ослабла энергія Іоанна! Рѣшимость довести начатое до конца была настолько сильна въ немъ, что онъ готовъ былъ даже зимовать подъ Казанью, если-бы этого потребовали обстоятельства.

Немедленно были посланы царскія повелѣнія въ Свіяжскъ и Москву о доставкѣ новыхъ запасовъ, казны и теплой одежды для всѣхъ неимущихъ воиновъ.

На слѣдующій день, 25-го августа, *ертоулъ* получилъ приказаніе передвинуться съ Арскаго поля на правый берегъ р. Казанки и войти въ связь съ полкомъ *правой руки*. Лишь только онъ выступилъ по назначенію, какъ былъ атакованъ значительнымъ числомъ казанцевъ, сдѣлавшихъ неожиданную вылазку изъ города. Во-время изготовившись, войска *ертоула* встрѣтили татаръ тучами стрѣлъ и огнемъ пищалей; завязался нерѣшительный бой, который тянулся до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ на помощь воевода кн. Хилковъ во главѣ *боярскихъ дѣтей передового* полка. Прибытіе свѣжихъ подкрѣпленій рѣшило участь боя. Казанцы были опрокинуты обратно въ городъ съ большими потерями; потери русскихъ были не велики и состояли только изъ раненыхъ, но въ томъ числѣ воевода кн. Шемякинъ.

Послѣ этого *ертоулъ* переправился за Казанку и расположился между большой излучиной этой рѣки и нынѣшнимъ Ѳеодоровскимъ монастыремъ, войдя въ связь съ лѣвымъ флангомъ полка *правой руки*. Такимъ образомъ, съ занятіемъ этого участка, линія обложенія русскихъ войскъ окончательно сомкнулась.

Въ ночь съ 25-го на 26-е августа полки *сторожевой* и *лѣвой руки*, въ силу прежде полученнаго приказанія (24-го числа), приступили къ постановкѣ туровъ вдоль лѣваго берега р. Булака. Для прикрытія работъ отъ вылазокъ гарнизона, на противоположный берегъ были высланы стрѣльцы, которые

и засѣли въ устроенныхъ ими окопахъ. Въ то-же время казаки *сторожевого* полка заняли каменную Даирову баню, находившуюся по правой сторонѣ р. Булака, недалеко отъ *Тайницкихъ* (*Муралеевыхъ*) воротъ. Баня эта имѣла весьма важное значеніе для осаждающихъ войскъ, такъ какъ представляла собою готовый фортъ почти подъ самыми стѣнами крѣпости. Работы дѣятельно велись въ теченіе всей ночи и къ утру 26-го числа туры были окончательно установлены, безъ всякихъ противодѣйствій со стороны гарнизона.

Вслѣдъ затѣмъ Іоаннъ отдаетъ распоряженія о постановкѣ туровъ войсками *большого* полка. Для этой цѣли онъ раздѣляетъ весь полкъ на двѣ части: одной, подъ начальствомъ кн. Воротынскаго, приказываетъ быть въ пѣшемъ строю и исполнить всѣ работы по установкѣ туровъ; другой, состоящей исключительно изъ конныхъ воиновъ, подъ командой кн. Мстиславскаго, повелѣваетъ поддержать пѣшихъ въ случаѣ вылазки изъ крѣпости. На усиленіе отряда Воротынскаго государь назначаетъ нѣсколько пѣшихъ сотенъ *боярскихъ людей*, а въ помощь коннымъ Мстиславскаго посылаетъ сотни *боярскихъ дѣтей* изъ своей *дружины*.

Вечеромъ 26-го августа Воротынскій двинулся къ городу. Впереди слѣдовали стрѣльцы, казаки и боярскіе люди, долженствовавшіе прикрывать работы съ фронта; за ними рабочія команды, катившіе туры къ мѣстамъ ихъ установки, а затѣмъ, въ видѣ частнаго резерва, пѣшія *боярскія дѣти*, подъ непосредственнымъ начальствомъ самого Воротынскаго. Едва войска приблизились къ городу, какъ съ городскихъ стѣнъ былъ открытъ по нимъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, и въ то-же время значительное число пѣшихъ и конныхъ татаръ стремительно кинулось на встрѣчу русскимъ. Загорѣлся отчаянный рукопашный бой, длившійся нѣкоторое время съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Ожесточеніе казанцевъ доходило до изступленія, но мужество

и стойкость русскихъ всё-таки превозмогли. Отражая огнемъ и мечёмъ отчаянныя атаки, русскія войска постепенно подавались впередъ и, наконецъ, оттѣснили противника обратно въ городъ. Русскій нарядъ началъ громить городскія стѣны и ворота, а стрѣльцы, казаки и боярскіе люди, расположившись вдоль крѣпостного рва, открыли стрѣльбу изъ пищалей и луковъ по непріятелю, занимавшему вершины стѣнъ. Подъ прикрытіемъ этого огня, рабочіе установили туры въ 8-ми саж. отъ крѣпостного рва и насыпали ихъ землею. Когда работы были вполнѣ закончены, Воротынскій отвелъ назадъ боярскихъ людей и расположилъ ихъ въ возведенныхъ укрѣпленіяхъ; стрѣльцы-же и казаки остались впереди, передъ городскимъ рвомъ, гдѣ и окопались. Вылазки казанцевъ возобновлялись непрерывно въ теченіе всей ночи, но всякій разъ, послѣ жестокой рукопашной схватки, были опрокидываемы русскими обратно въ городъ. Только къ утру 27-го августа бой совершенно затихъ, стоивъ обѣимъ сторонамъ громадныхъ потерь.

Такимъ образомъ усилія казанцевъ противодѣйствовать осаднымъ работамъ не привели ни къ чему; войска *большого* полка всё-таки успѣли окончательно установить туры противъ всѣхъ удободоступныхъ мѣстъ восточнаго и юго-восточнаго фронтовъ крѣпостной ограды.

Вслѣдъ затѣмъ, Іоаннъ приказываетъ боярину Михаилу Морозову вооружить всѣ установленные туры осадными орудіями, причемъ, въ виду особенно важнаго значенія осадной артиллеріи противъ восточнаго и юго-восточнаго фронтовъ крѣпости, начальствованіе надъ *нарядомъ* въ турахъ *большого* полка возлагаетъ на особо имъ избранное лицо— окольничаго Петра Морозова. Вооруженіе туровъ большимъ *нарядомъ* состоялось въ теченіе 27-го числа, послѣ чего и былъ открытъ по стѣнамъ и внутреннему пространству крѣпости непрерывный огонь, который, совмѣстно съ мѣткой

пищальной стрѣльбой стрѣльцовъ, засѣвшихъ въ окопахъ подъ самыми городскими стѣнами, наносилъ казанцамъ чувствительныя потери.

Въ тотъ-же день небольшой отрядъ татаръ, подъ начальствомъ Улана (князя) Карамыша, сдѣлалъ вылазку изъ *Крымскихъ* воротъ, имѣя въ виду захватить въ плѣнъ ратниковъ *большого* полка, безпечно бродившихъ по полю недалеко отъ крѣпости. Но на выручку послѣднихъ во-время подоспѣлъ находившійся по близости воевода кн. Мстиславскій, который и опрокинулъ татаръ обратно въ городъ, захвативъ въ плѣнъ самого Карамыша. На допросѣ у государя, Карамышъ объявилъ, что хотя казанцы и понесли большія потери въ теченіе 26-го числа, но это нисколько не ослабило ихъ энергіи; что Едигеръ и всѣ городскіе жители вовсе не помышляютъ о мирныхъ переговорахъ, а готовятся обороняться до послѣдней капли крови.

Подобное настроеніе крѣпостного гарнизона было, конечно, весьма невыгодно для русскихъ войскъ; оно предвѣщало крайне трудную и продолжительную борьбу изъ-за овладѣнія крѣпостью и тѣмъ осложняло въ значительной степени обстановку ея дальнѣйшей осады.

28-го числа эта обстановка еще болѣе ухудшилась. На помощь осажденному гарнизону явился особый внѣшній отрядъ татаръ, который и началъ съ этого дня свои безпрестанныя нападенія на ни чѣмъ не обезпеченный тылъ русскаго осаднаго корпуса. Первое такое нападеніе было произведено изъ Арскаго лѣса на части *передового* полка, которыя вовсе не были готовы къ его встрѣчѣ. Уничтоживъ стражу, наблюдавшую за Арскимъ лѣсомъ, густыя толпы татаръ стремительно кинулись на станъ *передового полка* и начали рубить русскихъ ратниковъ, спокойно предававшихся въ это время своимъ обыденнымъ занятіямъ. Видя это, воевода кн. Хилковъ быстро собираетъ около себя ближайшія части полка и съ

ними бросается на выручку остальныхъ. Однако, не смотря на мужество и храбрость своихъ воиновъ, онъ всё-таки не можетъ, въ неравномъ бою, сломить многочисленнаго противника. Вскорѣ подоспѣваютъ на помощь одинъ за другимъ: воевода кн. Пронскій—съ людьми *передового-же* полка, кн. Мстиславскій—съ частью *большого* полка и кн. Пенинскій-Оболенскій съ подвѣдомственной ему *дружиной*. Въ то-же время Іоаннъ, получивъ донесеніе о положеніи дѣлъ, отряжаетъ впередъ часть своей *дружины* и готовится съ остальною двинуться самъ на выручку Хилкова.

Между тѣмъ постепенное прибытіе свѣжихъ подкрѣпленій измѣнило ходъ боя. Русскія войска опрокинули татаръ обратно въ лѣсъ захвативъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного мурзу (Шаболотова).

Дѣло это стоило обѣимъ сторонамъ значительныхъ потерь, но большія, надо думать, были на сторонѣ русскихъ.

Допрошенные плѣнные сообщили, что нападеніе было произведено отрядомъ Япанчи и Евнута изъ *острога*, находящагося въ Арскомъ лѣсу. Такимъ образомъ свѣдѣнія, доставленныя Камаемъ еще передъ началомъ осады, вполнѣ подтвердились. Русскія войска имѣли противника не только въ стѣнахъ осажденной крѣпости, но и внѣ ея, въ *острогѣ* Арскаго лѣса, сооруженномъ въ 15 верстахъ отъ Казани, гдѣ укрывался лихой наѣздникъ Япанча съ сильнымъ отрядомъ татаръ, имѣя задачей, путемъ безпрестанныхъ нападеній на тылъ русскихъ войскъ, препятствовать осадѣ крѣпости.

На слѣдующій день, 29-го августа, Іоаннъ приказалъ полку *правой руки* и *ертоулу* установить туры вдоль праваго берега р. Казанки. Во исполненіе этого приказанія, воеводы обоихъ полковъ, для прикрытія предстоящихъ работъ, выслали впередъ стрѣльцовъ и казаковъ, которые, достигнувъ Казанки, окапались и ввязались въ перестрѣлку съ крѣпостнымъ гарнизономъ, встрѣтившимъ наступленіе русскихъ войскъ пушеч-

нымъ и ружейнымъ огнёмъ. Тѣмъ временемъ, позади слѣдовавшія войска подкатили туры, установили ихъ и засыпали землею. По окончаніи работъ, полкъ *правой руки* занялъ вновь возведенные туры, а *ертоулъ*, вслѣдствіе полученнаго приказанія, перешелъ на Арское поле, для установки туровъ передъ сѣверо-восточнымъ фронтомъ крѣпости, на участкѣ, занимаемомъ *передовымъ полкомъ*.

Передвиженіе *ертоула* для работъ въ раіонѣ *передового* полка вызвано было нижеслѣдующими обстоятельствами. Утромъ 29-го числа отрядъ Япанчи вновь показался со стороны Арскаго лѣса, угрожая нападеніемъ на русскія войска. Полки *большой*, *передовой* и *дружина* Оболенскаго тотчасъ-же изготовились къ бою и выжидали непріятельской атаки. Но татары не рѣшались атаковать, а русскія войска получили отъ Іоанна строгій наказъ самимъ не ввязываться въ битву. Вслѣдствіе этого, обѣ стороны простояли въ бездѣйствіи цѣлый день, ограничившись только наблюденіемъ другъ-за другомъ.

Между тѣмъ на 29-е число была назначена установка туровъ на участкѣ *передового* полка, начиная отъ туровъ, поставленныхъ княземъ Воротынскимъ,—вплоть до р. Казанки. Опасность, грозившая тылу русскихъ войскъ съ появленіемъ отряда Япанчи, отвлекла, какъ мы видѣли выше, *передовой полкъ* въ сторону Арскаго лѣса, вслѣдствіе чего, для производства работъ, онъ могъ выдѣлить только сравнительно небольшую часть, которая не была въ силахъ въ одно и то-же время исполнять осадныя работы и прикрывать ихъ со стороны крѣпости. Это обстоятельство и заставило Іоанна привлечь къ работамъ *ертоулъ*, въ помощь которому были назначены воеводы кн. Палецкій и Алексѣй Адашевъ, а на усиленіе выдѣленной части *передового* полка—нѣсколько пѣшихъ сотенъ *боярскихъ людей*. Всѣ эти войска, подъ прикрытіемъ огня стрѣльцовъ и стрѣльбы казаковъ, установили туры вдоль назначенной линіи. Казанцы обстрѣливали работавшихъ ар-

тиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, но вылазокъ не дѣлали.

Такимъ образомъ, къ вечеру 29-го числа, спустя недѣлю отъ начала обложенія, Казань была окружена со всѣхъ сторонъ русскими укрѣпленіями и окончательно отрѣзана отъ остальной территоріи Казанскаго царства. Эти укрѣпленія состояли: на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ—изъ сплошного ряда туровъ (*), насыпанныхъ землею изъ вырытаго за ними рва, а на низменныхъ и топкихъ мѣстахъ—изъ бревенчатаго тына (палисада); послѣдній устанавливался въ одно время съ турами, подъ руководствомъ дьяка Выродкова.

По повелѣнію Іоанна, бояринъ Михаилъ Морозовъ вооружилъ вновь возведенныя батареи (туры) осадной артиллеріей, и съ этого времени 150 русскихъ орудій стали непрерывно обстрѣливать крѣпость со всѣхъ сторонъ. Подъ умѣлымъ руководствомъ своего опытнаго начальника, русскій *нарядъ* вскорѣ заставилъ замолчать большую часть крѣпостной артиллеріи и произвелъ сильное опустошеніе въ городѣ, но сбить *гаковичныя* и *ручничныя* орудія ему не удалось, а между тѣмъ послѣднія наносили осаднымъ войскамъ чувствительный вредъ.

Состояніе русскихъ войскъ къ концу первой недѣли осады. Организація особаго наблюдательнаго корпуса для дѣйствій противъ отряда Япанчи и пораженіе послѣдняго 30-го августа. Распоряженія по устройству подкопа подъ крѣпостную стѣну. Взорваніе тайника. Уничтоженіе отряда Япанчи и экспедиція къ Арскому городку. Пораженіе Луговыхъ черемисъ. Ненастье. Установка башни. Придвиганіе туровъ. Вылазки казанцевъ противъ большого полка, передового и ертоула. Взорваніе тарасовъ и бой 30-го сентября. Окончаніе работъ по устройству главныхъ подкоповъ.

Однако усиленныя осадныя работы, безпрестанныя вылазки изъ крѣпости, нападенія и угрозы Япанчи, недоста-

(*) Туръ—бездонная цилиндрическая корзина, выплетенная изъ хвороста, высотою въ 8, а діаметромъ въ 6 футъ.

токъ въ покоѣ и пищѣ, — все это до крайности истомило войска въ теченіе первой недѣли осады. *Кормовщики* (фуражиры) не могли отъѣхать отъ стана, не рискуя попасть въ руки наѣздниковъ Япанчи, подстерегавшихъ русскихъ по всѣмъ направленіямъ. Опираясь на прочный Арскій острогъ, снабженный продовольственными запасами, Япанча дѣлалъ смѣлые набѣги на станы русскихъ войскъ, неожиданно появляясь въ тылу: то *большого* полка, то *передового*, то *ертоула*, то полка *правой руки*. Обыкновенно нападенія эти производились одновременно съ вылазками изъ крѣпости. Взвивалось на самой высокой крѣпостной башнѣ большое знамя и вотъ, по этому условному знаку, Япанча налеталъ на русскихъ съ тыла, тогда какъ съ фронта ихъ атаковывали пѣшія и конныя войска гарнизона.

При такихъ обстоятельствахъ, для успѣха осады, являлось существенно необходимымъ оградить осадный корпусъ отъ налётовъ Япанчи. Въ этихъ видахъ Іоаннъ созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было раздѣлить всё войско на двѣ части: одна часть должна была производить осаду крѣпости (собственно осадный корпусъ), а другая—прикрывать её съ поля, со стороны Япанчи (наблюдательный, обсерваціонный корпусъ). Эта послѣдняя часть была составлена изъ 30000 конныхъ и 15000 пѣшихъ воиновъ подъ общимъ и главнымъ начальствомъ доблестнаго воеводы князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго.

Организація подобнаго наблюдательнаго отряда оказала самые благодѣтельные результаты: во первыхъ, прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ этой мѣры было уничтоженіе отряда Япанчи, а во вторыхъ, положеніе собственно осаднаго корпуса, съ этихъ поръ, значительно облегчилось и улучшилось, что не замедлило отразиться какъ на успѣшности хода самой осады, такъ и на настроеніи осаждавшихъ войскъ.

Наблюдательный корпусъ началъ свои дѣйствія на слѣ-

дующій-же день послѣ сформированія. Укрывъ главныя силы въ засадѣ за горой, князь Горбатый, на разсвѣтѣ 30-го августа, выслалъ небольшіе отряды въ Арскій лѣсъ, поручивъ имъ выманить оттуда Япанчу. Порученіе это было исполнено какъ нельзя болѣе удачно. Наткнувшись въ лѣсу на татаръ, русскіе легкіе отряды быстро повернули назадъ и притворнымъ бѣгствомъ навели противника на приготовленную засаду. Увлеченныя преслѣдованіемъ, головныя части отряда Япанчи долетѣли до нашихъ укрѣпленій и, гарцуя, стали метать тучи стрѣлъ, въ то время какъ остальныя силы его, выйдя изъ лѣса, медленно надвигались въ боевомъ порядкѣ на станъ *большого* полка. Князь Юрій Шемякинъ, получившій приказаніе помочь отряду Горбатаго, первый бросился съ частью *ертоула* на правый флангъ татаръ; вслѣдъ за нимъ, слѣва, ихъ атаковалъ изъ засады самъ князь Горбатый съ главными силами. Татары дрогнули, повернули назадъ и быстрымъ отступленіемъ хотѣли снова укрыться въ лѣсъ, но русская пѣхота, посланная заранѣе княземъ Горбатымъ отъ Казанки и Нижняго Кабана лѣсомъ на Арское поле, преградила имъ дорогу. Татары вынуждены были вступить въ неравный бой, который окончился для нихъ полнымъ пораженіемъ.

Князь Горбатый неотступно преслѣдовалъ разбитаго противника на разстояніи 15 верстъ, до р. Килари, на берегахъ которой собралъ свои разсѣявшіяся войска и возвратился обратно на Арское поле, избивъ по пути большое число отсталыхъ татаръ, укрывавшихся въ чащѣ лѣса и захвативъ 340 человѣкъ живыми.

Пораженіе отряда Япанчи въ значительной степени ухудшило положеніе осажденнаго гарнизона; съ этихъ поръ онъ долженъ былъ разсчитывать только на свои собственныя силы, не ожидая помощи извнѣ. Это подало поводъ Іоанну попытаться еще разъ, путемъ мирныхъ переговоровъ, склонить ка-

занцевъ къ добровольной сдачѣ. Съ этою цѣлью онъ отправляетъ одного изъ плѣнниковъ въ Казань съ грамотой, въ которой требуетъ, чтобы гарнизонъ и жители били ему челомъ, за что обѣщаетъ всѣмъ жизнь и свободу, иначе-же грозитъ умертвить всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ. Казанцы оставили грамоту безъ отвѣта. Тогда Іоаннъ приказалъ привязать всѣхъ плѣнныхъ къ кольямъ впереди нашихъ укрѣпленій, чтобы они, подъ угрозою смерти, умоляли казанцевъ о сдачѣ города. Но мольбы несчастныхъ не тронули осажденныхъ. Вмѣсто ожидаемаго участія къ судьбѣ плѣнниковъ, они пустили въ нихъ тучи стрѣлъ, говоря: «лучше вамъ умереть отъ нашихъ мусульманскихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ гяуровъ необрѣзанныхъ».

Таково было ожесточеніе гарнизона!.....

Съ окончаніемъ работъ по укрѣпленію позицій обложенія, Іоаннъ приказалъ находившемуся при войскѣ нѣмецкому инженеру (размыслу) приступить къ устройству подкопа подъ крѣпостную стѣну, для образованія въ ней просторной бреши въ минуту штурма крѣпости. Мѣсто для веденія этого подкопа, названнаго большимъ, было выбрано со стороны р. Булака, въ разстояніи около 250 шаговъ отъ него, у туровъ окольничаго Петра Морозова (приблизительно тамъ, гдѣ теперь стоитъ Богоявленская церковь), по направленію къ угловой башнѣ на участкѣ стѣны между *Тюменскихъ* и *Аталыковыхъ* воротъ (около нынѣшней Николо-Вешняковской церкви). 31-го августа размыслъ началъ свои работы, которыя и окончилъ къ 1-му октября.

Съ установкой туровъ вдоль берега р. Казанки и отъ нея до Арскаго поля, казанцы лишены были возможности пользоваться водою изъ этой рѣки. Въ виду этого у Іоанна возникъ вопросъ: откуда осажденные берутъ воду для питья. Узнавъ отъ Мурзы Камая и другихъ плѣнниковъ, что около *Муралеевыхъ* воротъ и берега Казанки имѣется ключъ (и нынѣ существующій), сообщающійся съ крѣпостью подземнымъ хо-

домъ—*тайникомъ*, Іоаннъ приказалъ воеводамъ *сторожевого* полка разрушить этотъ тайникъ и тѣмъ лишить гарнизонъ единственнаго источника водоснабженія. Исполняя полученное приказаніе, воеводы Серебряный и Шереметевъ пытались перекопать тайникъ сверху, но эта попытка, вслѣдствіе значительной толщины и твердости грунта надъ крышей подземелья, успѣха не имѣла. Однако, направленіе тайника было точно опредѣлено и воеводы донесли государю, что этотъ подземный ходъ легко можетъ быть разрушенъ путемъ подкопа отъ Даировой бани. Тогда Іоаннъ приказалъ подкопать тайникъ, пославъ для сего Алексѣя Адашева и размысла; послѣднему было поручено только проектировать работы, исполненіе-же ихъ возложить на своихъ учениковъ, а самому вернуться къ мѣсту веденія главнаго подкопа.

Благодаря энергіи Серебрянаго и Ал. Адашева, работы по устройству минной галлереи велись безостановочно день и ночь и къ 4-му сентября вполнѣ закончились. По повелѣнію Іоанна, въ подкопъ было заложено 11 бочекъ пороху (около 70 пуд.) и на слѣдующій день утромъ послѣдовалъ взрывъ, которымъ уничтожило тайникъ, разрушило прилегавшую часть городской стѣны и побило множество казанцевъ камнями и бревнами, поднятыми на воздухъ и падавшими съ значительной высоты. Воспользовавшись смятеніемъ, охватившимъ въ эти минуты защитниковъ крѣпости, войска *сторожевого* полка стремительно кинулись въ проломъ и проникли во внутрь города, но удержаться въ немъ, по малочисленности, не могли и принуждены были отступить обратно, захвативъ однако нѣкоторое число плѣнныхъ.

Такимъ образомъ, Казань была лишена воды. Среди осажденныхъ возникла рознь: одни заговорили о сдачѣ, другіе, наоборотъ, упорствовали па продолженіи обороны и рѣшили добыть воду, копая колодцы внутри города. Послѣ долгихъ поисковъ, докопались до одного смраднаго источника,

копмъ и пользовались до конца осады, хотя отъ гнилой воды его—заболѣвали, пухли и умирали.

Между тѣмъ осада дѣятельно продолжалась; русскій *нарядъ* безостановочно громилъ стѣны и обстрѣливалъ всё внутреннее пространство крѣпости; Арскія ворота были сбиты до основанія, потери въ городѣ росли съ каждымъ днемъ. Іоаннъ безпрестанно объѣзжалъ полки и линіи туровъ, жаловалъ воиновъ за ихъ службу и ободрялъ всѣхъ на новые труды и подвиги.

Но вскорѣ вниманіе осаждавшихъ снова было обращено въ сторону Арскаго лѣса. Остатки разбитаго отряда Япанчи вновь сгруппировались въ Арскомъ *острогѣ* и стали опять безпокоить тылъ русскихъ войскъ. Съ цѣлью окончательно отдѣлаться отъ этого неотвязчиваго противника, Іоаннъ приказалъ отряду, находившемуся подъ общимъ начальствомъ князя Горбатаго-Шуйскаго, уничтожить *острогъ* и опустошить страну вплоть до Арскаго городка, лежащаго въ 56 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Казани.

Отрядъ князя Горбатаго состоялъ изъ трехъ полковъ: *большого*—подъ непосредственнымъ начальствомъ самого Горбатаго и боярина Яковли, *передового*—подъ командой князя Микулинскаго и боярина Юрьева-Захарьина и *сторожевого* — князей Булгакова и Палецкаго; кромѣ того въ составъ его входили также: сотни боярскихъ дѣтей *царской дружины*, сотни стрѣлецкія и казачьи, отряды: Сента—съ Касимовскими татарами и Еникея—съ Темниковскою мордвою, а также Горные черемисы, назначенные служить проводниками.

6-го сентября князь Горбатый-Шуйскій выступилъ въ походъ и приблизился къ *острогу*, находившемуся въ чащѣ лѣса. Этотъ укрѣпленный пунктъ былъ расположенъ на высокой горѣ между двухъ непроходимыхъ болотъ и состоялъ изъ ряда срубовъ (городней), насыпанныхъ землею, впереди

которыхъ, во многихъ мѣстахъ, была устроена еще обыкновенная засѣка.

Передовой полкъ, подойдя первымъ къ острогу, спѣшилъ свою конницу и, имѣя во главѣ стрѣльцовъ и казаковъ, двинулся на приступъ противъ *острожныхъ* воротъ. Слѣдовавшій за нимъ *большой* полкъ принялъ вправо и, также спѣшившись, бросился на штурмъ стѣны въ другомъ мѣстѣ. Шедшій позади *сторожевой* полкъ составилъ собою резервъ для штурмующихъ войскъ.

Татары встрѣтили атакующихъ ливнемъ пуль и стрѣлъ, но остановить ихъ всё-таки не могли; русскіе ворвались въ *острогъ* и послѣ кровопролитнаго боя выбили оттуда противника, захвативъ въ плѣнъ до 200 человѣкъ. Татары бѣжали, оставивъ массу убитыхъ и раненыхъ и значительное количество разнаго рода запасовъ.

Переночевавъ на мѣстѣ битвы, князь Горбатый двинулся далѣе къ Арскому городку, грабя и разоряя всѣ попутныя жилища и селенія, убивая мужчинъ и захватывая въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. *Восьмого* числа онъ достигъ Арскаго городка, покинутаго разбѣжавшимися жителями, гдѣ оставался въ теченіе 2-хъ дней, выславъ для грабежа и опустошенія небольшія подвижныя колонны изъ боярскихъ дѣтей по всѣмъ направленіямъ. Затѣмъ, выступивъ обратно другою дорогой, князь Горбатый благополучно возвратился 16-го сентября къ Казани, куда къ этому-же времени собрались постепенно и всѣ бывшіе на поискахъ отряды.

За время этой 10-ти дневной экспедиціи, русскія войска находились въ странѣ, обильной садами, хлѣбомъ и скотомъ, гдѣ группировались богатыя имѣнія казанскихъ вельможъ. Разоривъ этотъ край верстъ на 150 въ ширину, а въ длину до самой р. Камы, русскіе захватили въ немъ огромное количество скота и продовольственныхъ запасовъ, чѣмъ обезпечили вполнѣ довольствіе нашихъ войскъ на всё время осады; осво-

бодили изъ плѣна многихъ христіанъ-соотечественниковъ и плѣнили значительное число татарскихъ женщинъ и дѣтей.

Такимъ образомъ, съ этого времени опасность со стороны Арскаго лѣса была окончательно устранена и русскіе полки, расположенные на восточномъ участкѣ обложенія, могли всецѣло сосредоточить свои силы и вниманіе на атакованномъ фронтѣ крѣпости.

Не таково было положеніе полка *правой руки*, стоявшаго на Галичской дорогѣ. Губительный огонь непріятельскихъ *гаковичныхъ* и *ручничныхъ* орудій, господствовавшихъ на . позиціей полка, наносилъ войскамъ его большія потери на фронтѣ, а внезапныя нападенія Луговой черемисы, отгонявшей то и дѣло лошадей и скотъ, не давали покоя и въ тылу, въ станахъ этого полка.

Однажды, въ 20-хъ числахъ сентября, черемисы сдѣлали неожиданный набѣгъ на полкъ *правой руки* и отбили значительное число русскихъ лошадей. Воеводы этого полка тотчасъ-же бросились за ними, гнались на протяженіи почти 25-ти верстъ и, настигнувъ, разбили на голову, взявъ многихъ въ плѣнъ и отобравъ захваченныхъ лошадей.

Однако, и послѣ этого погрома, нападенія Луговыхъ черемисъ всё-таки продолжались, что до крайности утомляло войска *правой руки*, заставляя ихъ и днемъ и ночью быть на-сторожѣ. Къ этимъ трудамъ и опасностямъ присоединились еще новыя бѣдствія: пошли проливные дожди; низменность Казанки наводнилась; люди мокли, не находя мѣста, гдѣ-бы обсушиться. Народное суевѣріе приписало это несчастье чародѣйству, волшебству татаръ, которые будто-бы ежедневно, при восходѣ солнца, появлялись на стѣнахъ крѣпости и съ воплемъ произносили какія-то слова, непристойно вертясь и махая на русскихъ своими одеждами, чѣмъ вызывали вѣтеръ, нагонявшій облака и съ ними—проливной дождь. Дабы парализовать эти

чары, Іоаннъ, по совѣту бояръ, приказалъ привезти изъ Москвы животворящій крестъ, святить имъ воду и окропить ею вокругъ становъ. Въ короткое время крестъ былъ привезенъ; совершили водосвятіе и дожди прекратились. Такъ объяснила суевѣрная толпа начало и конецъ этого ненастья, обыкновеннаго для Казани въ концѣ сентября.

Осадныя работы между тѣмъ усиленно продолжались. Съ цѣлью обезопасить, насколько возможно, дальнѣйшее придвиганіе туровъ на главномъ фронтѣ атаки, Іоаннъ приказалъ дьяку Выродкову поставить противъ *Царевыхъ* воротъ высокую башню, изъ которой можно-бы было обстрѣливать ближайшую внутренность крѣпости и тѣмъ не позволять ея гарнизону сосредоточивать значительныя силы у атакованныхъ фасовъ крѣпостной стѣны. Исполняя повелѣніе государя, Выродковъ построилъ скрытно, въ 2-хъ верстахъ за русскимъ станомъ, деревянную башню въ 6 саж. вышиною и ночью подкатилъ её на каткахъ къ назначенному мѣсту. Башня эта была вооружена 10-ю большими орудіями, 50-ю *гаковницами* и значительнымъ числомъ стрѣльцовъ. На разсвѣтѣ съ нея открыли сильный огонь вдоль стѣнъ и улицъ крѣпости, который и не прекращали до конца осады, нанося осажденнымъ громадныя потери. Казанцы искали спасенія во рвахъ подъ стѣнами и въ землянкахъ подъ *тарасами*, расположенными впереди крѣпостныхъ воротъ; однако не переставали жестоко биться съ русскими и день, и ночь дѣлая вылазки изъ своихъ закрытій.

Между тѣмъ Воротынскій, по приказанію Іоанна, постепенно придвигалъ туры къ самому рву у *Арской* башни и къ *тарасамъ* противъ *Арскихъ* и *Царевыхъ* воротъ. Не смотря на незначительность разстоянія до рва (8 саж.), на эти работы пришлось употребить однако нѣсколько дней, ибо казанцы жестоко оспаривали каждый шагъ приближенія къ крѣпости.

6*

Наконецъ, 25-го сентября, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ сотенъ стрѣльцовъ, казаковъ и пѣшихъ боярскихъ людей, туры были поставлены по самому краю рва, но придвинуть ихъ къ *тарасамъ* всё-таки не удалось, такъ какъ прикрывавшія сотни очень скоро ослабѣли отъ понесенныхъ ими потерь. Вслѣдствіе этого Воротынскій вынужденъ былъ прекратить работы и отвести дрогнувшее прикрытіе за только-что возведенные туры.

Поддержанные боярскими дѣтьми, стрѣльцы, казаки и пѣшіе боярскіе люди, отдѣленные отъ противника только 3-хъ саженнымъ рвомъ, энергично отстаивали занимаемые ими туры и дружно отвѣчали на губительный огонь изъ крѣпости. Бой сдѣлался здѣсь постояннымъ, лишь изрѣдка прерываясь для необходимаго отдыха обѣихъ сторонъ. Въ одинъ изъ этихъ перерывовъ, когда русскіе отправились обѣдать, оставивъ для охраненія своихъ осадныхъ работъ небольшое число ратниковъ, казанцы, въ количествѣ 10000 человѣкъ, произвели рѣшительную вылазку, овладѣли турами и обратили въ бѣгство занимавшія ихъ войска. Однако русскіе воеводы отовсюду поспѣшили на выручку потерянныхъ укрѣпленій. Завязался жестокій и кровопролитный бой, длившійся до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли доблестныя *муромскія боярскія дѣти*, сломившія окончательно сопротивленіе татаръ. Противникъ бросился обратно въ городъ подъ настойчивымъ преслѣдованіемъ русскихъ войскъ. Скучившись у крѣпостныхъ воротъ, казанцы, давя другъ-друга, торопились укрыться за ограду, но подъ сильнымъ натискомъ русскихъ не всѣ успѣли это сдѣлать; часть ихъ была опрокинута прямо въ ровъ, другіе-же пали мертвыми передъ самымъ входомъ въ крѣпость. Потери татаръ были громадны, но не меньшими онѣ были и на сторонѣ русскихъ, у которыхъ, въ числѣ прочихъ, выбыли изъ строя: воевода кн. Кашинъ и окольничій Петръ Морозовъ. Самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и остался живъ

только, благодаря крѣпости своего доспѣха. Но какъ-бы ни были велики потери, онѣ окупались тѣмъ, что туры снова попали въ руки русскихъ!....

Одновременно съ этой вылазкой, казанцы и ногаи сдѣлали нападеніе изъ *Збойливыхъ* воротъ на туры *передового* полка и *ертоула*; но здѣсь, въ виду отдаленности отъ города нашихъ укрѣпленій, войска успѣли изготовиться къ бою и, подпустивъ противника на близкую дистанцію, встрѣтили его сначала сильнымъ огнемъ, а затѣмъ — рѣшительной контръатакой. Татары были опрокинуты и преслѣдуемы до самаго городского рва, понеся при этомъ значительныя потери, тогда какъ русскія войска обошлись безъ всякаго урона для себя.

Для усиленія полка Воротынскаго, ослабѣвшаго въ непрестанныхъ бояхъ съ противникомъ, Іоаннъ послалъ своего окольничаго Алексѣя Плещеева съ нѣсколькими сотнями боярскихъ дѣтей и боярскихъ людей, а на мѣсто убывшаго Петра Морозова, для начальствованія надъ *нарядомъ* въ турахъ *большого* полка, назначилъ казначея Ѳому Петрова. Затѣмъ, Іоаннъ объѣхалъ всѣ полки; навѣщалъ раненыхъ, жаловалъ отличившихся и обадривалъ всѣхъ на дальнѣйшіе труды и подвиги. Видя царя, полнаго твердости и энергіи, слыша его милостивыя рѣчи, утомленныя войска вновь воспрянули духомъ и снова готовы были стойко вынести еще болѣе тяжелыя испытанія дальнѣйшей борьбы.

Между тѣмъ, турамъ *большого* полка по-прежнему угрожали ежеминутно казанцы, укрывавшіеся за *тарасами*, расположенными впереди крѣпостныхъ воротъ. Владѣя этими тарасами, осажденные могли свободно сообщаться по мостамъ черезъ крѣпостной ровъ, отнятый уже у нихъ въ другихъ мѣстахъ, и производить когда угодно рѣшительныя вылазки противъ русскихъ войскъ, занимавшихъ ближайшіе туры. Это до крайности затрудняло и замедляло дальнѣйшее веденіе осады.

Чтобы окончательно избавиться отъ вылазокъ казанцевъ на этомъ фронтѣ, Іоаннъ приказалъ подвести мины подъ *тарасы* передъ *Арскими* и *Царевыми* воротами и, по взрывѣ ихъ, установить туры противъ этихъ воротъ. 30-го сентября *тарасы* взлетѣли на воздухъ съ находившимися за ними людьми. Казанцы обезумѣли отъ страха. Пользуясь этимъ временнымъ замѣшательствомъ гарнизона, русскіе воеводы придвинули туры къ самымъ воротамъ: *Арскимъ*, *Царевымъ* и *Аталыковымъ*. Казанцы опомнились и съ яростью бросились на наши войска. Закипѣлъ отчаянный бой: окутанные дымомъ, обсыпаемые пулями и ядрами, при громѣ пушекъ и крикахъ сражавшихся, противники бились копьями и саблями, хватая другъ друга за руки. Въ это время на мѣсто битвы прибылъ самъ Іоаннъ. Увидя его, войска съ удвоеннымъ рвеніемъ ударили на казанцевъ, потѣснили ихъ къ мостамъ и воротамъ и, на плечахъ отступавшихъ, ворвались въ городъ, взобрались на стѣны и заняли *Арскую* башню. Удача этого неожиданнаго штурма навела Воротынскаго на мысль покончить теперь-же съ осажденной Казанью, и онъ послалъ просить Іоанна двинуть всѣ войска на общій приступъ. Но Іоаннъ, имѣя въ виду, что остальные полки вовсе не были готовы въ этотъ день для штурма и вслѣдствіе этого могли замедлить, что повлекло-бы къ разрозненнымъ дѣйствіямъ, обѣщавшимъ мало успѣха,—приказалъ Воротынскому вывести войска изъ города. Исполнить это приказаніе стоило немалыхъ трудовъ. Увлеченные боемъ, русскіе ратники нехотя покидали городъ, но все-же, настояніями воеводъ и частныхъ начальниковъ, постепенно были выведены оттуда. Однако *Арская* башня и ближайшія части городскихъ стѣнъ остались занятыми нашими стрѣльцами, которые, по приказанію Воротынскаго, быстро укрыли себя крѣпкими щитами и турами, насыпанными землею, и здѣсь удерживались до самаго штурма. Отступая изъ города, русскіе зажгли мосты и городскія стѣны у *Царевыхъ*, *Ногайскихъ* и *Аталы-*

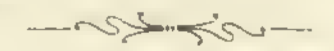
ковыхъ воротъ. Пожаръ длился всю ночь, причемъ обгорѣвшія части городскихъ стѣнъ обрушились, образовавъ готовыя бреши для штурмующихъ колоннъ.

Казанцы дѣятельно работали надъ исправленіемъ крѣпостной ограды, ставя противъ проломовъ деревянные срубы и насыпая ихъ землею.

Такимъ образомъ, къ 1-му октября русскіе уже владѣли на атакованномъ фронтѣ частью крѣпостной ограды и имѣли въ ней нѣсколько готовыхъ проломовъ для проникновенія во внутрь крѣпости. Къ этому-же времени были закончены и главные подкопы: одинъ—со стороны Булака, подъ угловую башню между *Аталыковыхъ* и *Тюменскихъ* воротъ, начатый еще 31-го августа; другой—веденный отъ башни, установленной Выродковымъ, по направленію къ Верхнему Поганому озеру, подъ угловую башню крѣпостной ограды между *Арскихъ* и *Царевыхъ* воротъ. Осадныя работы пришли къ концу и оставалось только штурмовать крѣпость.

Но прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этому рѣшительному средству, далеко неизлюбленному для русскихъ войскъ, Іоаннъ еще разъ пытался черезъ мурзу Камая и Горныхъ черемисъ уговорить казанцевъ добровольно сдаться, требуя отъ нихъ выдачи измѣнниковъ и обѣщая остальнымъ прощеніе и милость. Но казанцы дали единодушный отвѣтъ: «Не бьемъ челомъ; Русь уже на стѣнѣ и въ башнѣ, но мы поставимъ другую стѣну. Или всѣ помремъ, или отсидимся!».

Послѣ этого ничего не оставалось болѣе, какъ брать приступомъ ожесточенную Казань.

ГЛАВА VII.

Взятіе Казани.

Подготовительныя распоряженія и диспозиція для штурма на 2-е октября. Штурмъ и взятіе Казани. Послѣдующія распоряженія и обратный походъ.

Еще вечеромъ 30-го сентября Іоаннъ отдалъ приказаніе войскамъ готовиться къ общему приступу, исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ. На слѣдующій день, 1-го октября, русскіе ратники подготавливали крѣпостной ровъ для свободнаго перехода черезъ него, устраивая мосты и заваливая лѣсомъ и землею. *Нарядъ* Воротынскаго громилъ, по приказанію Іоанна, безостановочно крѣпостную стѣну и сбилъ её въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до основанія.

Когда былъ полученъ безумный отказъ казанцевъ, Іоаннъ сдѣлалъ распоряженія для штурма на 2-е октября.

Они заключались въ слѣдующемъ:

1) Впереди всѣхъ, въ 1-й линіи, назначено было итти казакамъ съ ихъ атаманами, стрѣльцамъ съ ихъ головами и сотнямъ боярскихъ людей, подъ начальствомъ выборныхъ дѣтей боярскихъ.

2) За ними, во 2-й линіи, итти воеводамъ: кн. Воротынскому и окольничему Басманову—въ проломъ у Поганаго озера и въ ближайшія пробитыя бреши; казначею Ѳомѣ Петрову съ частью войскъ *большого-же* полка—въ проломъ около Булака за *Аталыковыми* воротами; князю Хилкову съ частью *передового* полка—на *Кайбатскія* ворота; Троекурову съ частью *ертоула*—на *Збойливыя*, Курбскому съ частью полка *правой руки*—на *Элбугины*, Семену Шереметеву съ частью *сторожевого* полка—на *Муралеевы* и Димитрію Плещееву съ частью полка *лѣвой руки*—на *Тюменскія*.

3) За ними, въ 3-й линіи, для поддержанія ихъ, должны были слѣдовать: за Воротынскимъ—*царская дружина*, а за прочими — остальныя части соотвѣтствующихъ полковъ, подъ начальствомъ первыхъ воеводъ: Пронскаго, Шемякина, Щенятева, Серебрянаго и Микулинскаго.

4) Для обезпеченія тыла штурмующихъ войскъ отъ нападеній луговой черемисы, татаръ и ногаевъ, бродившихъ по лѣсамъ, и чтобы преградить казанцамъ всѣ пути къ бѣгству по взятіи города, приказано было занять: кн. Мстиславскому съ частью *большого* полка и Шигъ-Алею съ городецкими татарами и горными черемисами—*Арскую* и *Чувашскую* дороги; князьямъ Пенинскому-Оболенскому и Мещерскому съ дворянами *царской дружины* — *Ногайскую*; князьямъ: Ромодановскому съ боярскими людьми и Угримову-Заболотцкому съ частью дружины Владиміра Андреевича — *Галицкую*, близь Бежболды. Кромѣ того, для той-же цѣли, у Стараго Городища приказано было стать *головѣ* Михаилу Головину съ дворянами *царской дружины*, а ниже его — по Казанкѣ, на правой ея сторонѣ, *головѣ* Михаилу Вороному съ такимъ-же отрядомъ.

Всѣ войска должны были быть готовыми на своихъ мѣстахъ къ 2 часамъ утра и, по взрывѣ подкоповъ, двинуться на приступъ.

Такимъ образомъ, согласно вышеприведенной диспозиціи, штурмъ крѣпости долженъ былъ производиться одновременно *семью* отдѣльными штурмовыми колоннами, направленными съ разныхъ сторонъ. Успѣхъ дѣйствій всѣхъ этихъ колоннъ не могъ быть одинаковъ уже по одному тому, что не всѣ фронты крѣпостной ограды были подготовлены русскими, въ періодъ осады, для производства штурма. Только на восточныхъ и юго-восточныхъ фасахъ крѣпостной стѣны имѣлись готовые проломы для проникновенія во внутрь крѣпости, а также были заложены двѣ мины для образованія въ стѣнахъ широкихъ

брешей передъ началомъ приступа; на всѣхъ-же остальныхъ фасахъ проломовъ никакихъ не было и штурмующимъ войскамъ приходилось эскаладировать стѣны, что, при высотѣ послѣднихъ въ 3 и 4 сажени, было дѣломъ крайне затруднительнымъ. Въ виду этого, врядъ-ли можно предполагать, чтобы колоннамъ, направленнымъ на эти фасы, придавалось важное, рѣшающее значеніе при штурмѣ крѣпости; онѣ скорѣе имѣли демонстративную цѣль—отвлечь крѣпостной гарнизонъ отъ главнаго фронта атаки, гдѣ должны были штурмовать войска *большого* полка. Справедливость сказаннаго какъ нельзя болѣе подтверждается ходомъ самаго штурма, во время котораго вовсе не замѣтно участія штурмующихъ колоннъ, составленныхъ изъ войскъ: *ертоула*, *передового* полка, *сторожевого* и *лѣвой руки*; только колонна князя Курбскаго (часть полка *правой руки*) проникла въ крѣпость и при концѣ штурма содѣйствовала окончательному пораженію ея гарнизона. Весьма вѣроятно, что приступъ остальныхъ колоннъ вначалѣ вовсе не имѣлъ успѣха и только впослѣдствіи, когда большая часть города и ханскій дворецъ были уже заняты войсками *большого* полка и *царской дружины*, колонны эти проникли въ крѣпость и усилили собою утомленныхъ и ослабѣвшихъ бойцовъ Воротынскаго и Ѳомы Петрова. Послѣдніе, по диспозиціи, должны были направиться на штурмъ съ двухъ сторонъ: Воротынскій—черезъ проломы между *Арскихъ* и *Царевыхъ* воротъ, со стороны Арскаго поля, а Ѳома Петровъ—черезъ брешь у *Атальиковыхъ* воротъ, со стороны рѣки Булака. Подобнымъ направленіемъ этихъ главныхъ штурмующихъ колоннъ, отрѣзывалась сразу вся юго-восточная часть крѣпости, что въ значительной степени сокращало и облегчало бой внутри города и заставляло казанцевъ, при удачѣ штурма, отходить въ сѣверо-западный уголъ крѣпости, то есть туда именно, куда были направлены всѣ остальныя русскія штурмующія колонны. Такимъ образомъ, гарнизонъ вдавливался какъ-бы въ тиски и свобод-

наго выхода для него тогда не существовало. Этимъ и можно объяснить, что изъ 30000 защитниковъ только около 6000 человѣкъ, какъ увидимъ ниже, могли перебраться черезъ стѣны и искать спасенія внѣ крѣпости.

Для обезпеченія успѣха дѣйствій штурмующихъ колоннъ, за каждой изъ нихъ слѣдовалъ свой особый резервъ, составленный изъ остальныхъ частей соотвѣтствующихъ полковъ; за колоннами-же Воротынскаго и Ѳомы Петрова, на которыхъ возлагалась первенствующая роль при производствѣ штурма, должна была слѣдовать, въ видѣ резерва, *царская дружина*, состоящая изъ 20-ти тысячъ отборнѣйшихъ воиновъ.

Такое правильное распредѣленіе и направленіе войскъ для приступа вполнѣ обезпечивали его успѣхъ и сулили русскимъ неминуемую побѣду.

Наступила ночь на 2-е октября, послѣдняя для очень и очень многихъ борцовъ. Обѣ стороны не смыкали глазъ, зорко наблюдая другъ за другомъ, въ тревожномъ ожиданіи отчаяннаго боя.

Грядущее утро рѣшало судьбу Казани и опредѣляло исходъ всѣхъ потраченныхъ усилій и понесенныхъ жертвъ тяжелой шести-недѣльной осады.

Іоаннъ, одѣтый въ боевые доспѣхи, усердно молился въ своей походной церкви, слушая заутреню. Въ это время Воротынскій далъ знать ему, что оба подкопа уже заряжены 48-ю бочками пороха и что казанцы замѣтили подземныя работы, вслѣдствіе чего необходимо торопиться приступомъ. Тогда Іоаннъ послалъ по всѣмъ полкамъ приказаніе ускорить приготовленія къ штурму и отпустилъ свою *царскую дружину* на назначенное ей мѣсто, къ кладбищу на посадѣ, повелѣвъ ей выжидать тамъ его прибытія; самъ-же продолжалъ молиться, слушая литургію.

Восходило солнце.... Дьяконъ, читая Евангеліе, едва произнесъ: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь» —какъ гря-

нулъ страшный громъ отъ взорваннаго подкопа близь *Арскихъ* воротъ. Выйдя на паперть, Іоаннъ увидѣлъ высоко взлетѣвшіе на воздухъ бревна городской стѣны, обломки башни и строеній и обезображенные трупы несчастныхъ татаръ. Затѣмъ, онъ вновь вошелъ въ церковь дослушать литургію. Когда, вскорѣ послѣ этого, дьяконъ, читая эктинью, произнесъ: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата»,— послѣдовалъ второй взрывъ, еще болѣе ужасный, чѣмъ первый. Часть крѣпостной стѣны между *Аталыковыми* и *Тюменскими* воротами и множество казанцевъ были подняты высоко на воздухъ.

Русскія войска двинулись на приступъ. Со стѣнъ и башенъ полетѣли на нихъ тучи пуль и стрѣлъ, но, ободряемые примѣромъ начальниковъ, храбрѣйшіе русскіе ратники быстро достигли подошвы стѣны и по приставнымъ лѣстницамъ и проломамъ начали взбираться на ея вершину. Татары обливали взлѣзавшихъ кипящею смолою, скатывали на нихъ бревна, поражали копьями и мечами, но остановить не могли. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, казанцы были окончательно опрокинуты со стѣнъ; войска *большого* полка ворвались черезъ проломы въ городъ и вступили въ ожесточенную битву на его улицахъ.

Два раза ближніе бояре посылали къ Іоанну, прося его поскорѣе пріѣхать для ободренія штурмующихъ войскъ, но онъ выждалъ окончанія литургіи и только тогда прибылъ къ стѣнамъ крѣпости, на которыхъ уже развѣвались русскія знамена. Появленіе государя воодушевило отсталыхъ ратниковъ; они всѣ устремились внутрь города, гдѣ шла кровопролитнѣйшая сѣча. Однако казанцы, сплотившись въ узкихъ улицахъ, преградили дорогу наступавшимъ: бились копьями, рубились саблями и рѣзались ножами, не уступая русскимъ ни единаго шага. Воротынскій просилъ помощи. Іоаннъ отрядилъ для этой цѣли нѣсколько сотенъ своей *дружины* въ пѣшемъ строю. Съ прибытіемъ подкрѣпленій, войска

Воротынскаго потѣснили казанцевъ; взбираясь на крыши домовъ и поражая противника сверху, они заставили его постепенно очистить улицы и отступить по направленію къ ханскому дворцу. Но у *Тезицкаго* оврага они были вновь остановлены упорнымъ сопротивленіемъ татаръ, занявшихъ противоположный берегъ. Всѣ попытки русскихъ перейти оврагъ встрѣчали сильный отпоръ со стороны противника и были безуспѣшны. Бой затягивался къ невыгодѣ русскихъ.

Въ эти затруднительныя минуты ряды наступавшихъ вдругъ начали таять. Стоявшіе по близости Тезицкаго оврага гостинный дворъ и лавки, полныя различныхъ азіатскихъ товаровъ, дома и дворы казанскихъ богатыхъ вельможъ, оставшіеся позади, все это сообазняло русскихъ ратниковъ, привыкшихъ къ грабежу, и многіе изъ нихъ стали незамѣтно оставлять битву и кидаться на корысть. Малодушные и трусы, притворившіеся въ началѣ штурма мертвыми и ранеными, чтобы не участвовать въ бою, теперь воскресли и поправились и поторопились присоединиться къ грабителямъ. Даже пастухи, торговцы и кашевары, и тѣ прибѣжали расхищать оставленныя богатства. Пока передовыя войска сражались у Тезицкаго оврага, грабившіе успѣли по два раза отнести свою добычу въ станы и снова возвратиться въ городъ.

Между тѣмъ казанцы, замѣтивъ постепенное ослабленіе сражавшихся съ ними русскихъ войскъ, перешли въ рѣшительное наступленіе. Утомленные продолжительнымъ боемъ, русскіе ратники не въ силахъ были противостоять напору татаръ и начали отступать. Мародёры, увидѣвъ отступленіе передовыхъ войскъ, бросились бѣжать изъ города, крича: *сѣкутъ, сѣкутъ!* Создалось общее замѣшательство и штурмъ грозилъ окончиться полной неудачей. Іоаннъ, находившійся въ это время около своей *дружины,* былъ пораженъ видомъ и криками бѣжавшихъ. Для него казалось, что штурмъ не удался и что всѣ усилія русскихъ покончить съ Казанью

обратились въ ничто. Но въ это самое время Воротынскій прислалъ просить Іоанна—поддержать сражавшихся въ городѣ войсками *царской дружины*. Немедленно, по повелѣнію государя, половина *дружины* спѣшилась и двинулась въ крѣпость на подкрѣпленіе отступавшихъ войскъ Воротынскаго; съ нею отправились также бояре и боярскія дѣти, состоявшіе при особѣ царя. Самъ-же Іоаннъ, во главѣ остальной части своей *дружины*, имѣя впереди себя *великое царское знамя*, медленно двинулся къ *Царевымъ* воротамъ, гдѣ и остановился, выжидая результатовъ дѣйствій, только что вступившихъ въ битву, посланныхъ подкрѣпленій.

Этимъ торжественнымъ и медленнымъ движеніемъ въ ворота непріятельской крѣпости, Іоаннъ хотѣлъ подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ на испуганное воображеніе бѣгущихъ воиновъ и въ то-же время приближалъ остальную часть резерва къ рѣшительному пункту боя, слѣдя за которымъ, онъ могъ отсюда своевременно подкрѣпить передовыя войска и не дать возможности повториться болѣе только что случившемуся замѣшательству.

Между тѣмъ во-время подоспѣвшая помощь измѣнила ходъ боя. Появленіе совершенно свѣжихъ войскъ, въ блестящихъ доспѣхахъ, смутило казанцевъ; они не выдержали натиска русскихъ и вновь отступили къ Тезицкому оврагу. Но на этотъ разъ имъ уже не удалось остановить здѣсь нашихъ ратниковъ. Послѣ непродолжительнаго боя, казанцы были оттѣснены къ ханскому (царскому) дворцу, за оградой котораго они отчаянно оборонялись еще въ теченіе полутора часа. Здѣсь къ защитникамъ присоединились татарскіе духовные сеиты и муллы. Во главѣ съ Кулъ-шерифъ-муллою, они произвели отчаянную вылазку изъ мечетей, окружавшихъ дворецъ, и въ жестокой сѣчѣ пали всѣ до единаго.

Наконецъ, послѣ ряда усилій, русскія войска ворвались въ ограду дворца и выбили изъ нея татаръ, которыеброси-

лись въ нижнюю часть города, къ *Элбугинымъ* воротамъ. Но здѣсь войска Курбскаго преградили имъ дорогу. Занявъ узкую улицу, ведущую къ воротамъ, Курбскій съ 150-ю воинами удерживалъ напиравшихъ татаръ, тѣснимыхъ сзади нашими войсками. Уступая давленію значительной массы противника, онъ медленно отступалъ вдоль улицы къ *Элбугинымъ* воротамъ, у которыхъ и остановилъ татаръ, благодаря подоспѣвшимъ подкрѣпленіямъ. Тѣснимые отовсюду, казанцы, по трупамъ своихъ, лежавшихъ грудами у стѣнъ, взобрались на башню и стали кричать, что хотятъ вступить въ переговоры. Русскіе прекратили бой... Среди глубокой тишины, раздались слова—послѣднія въ исторіи независимой Казани: «Пока стоялъ юртъ и мѣсто главное, гдѣ престолъ царскій былъ, до тѣхъ поръ мы бились до смерти за царя и за юртъ; нынѣ отдаемъ вамъ царя здравымъ: ведите его къ своему царю! А оставшіеся изъ насъ идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу!» Затѣмъ, выдавъ Едигера съ тремя вельможами, казанцы, числомъ около 6 тыс. человѣкъ, открыли стрѣльбу по нашимъ войскамъ и начали бросаться со стѣнъ на берегъ р. Казанки, имѣя въ виду пробиться сквозь туры полка *правой руки*. Но встрѣченные пушечнымъ огнемъ изъ этихъ туровъ, они повернули внизъ по берегу рѣки и, миновавъ укрѣпленія, начали переправляться въ бродъ на противоположный ея берегъ.

Русскія войска, находившіяся на стѣнахъ и внутри крѣпости, лишены были возможности преслѣдовать уходившаго противника, но князь Курбскій, стоявшій съ своимъ отрядомъ у выходныхъ воротъ, имѣлъ всѣ средства для этого. Собравъ около 300 всадниковъ, онъ быстро переправился черезъ Казанку и, обскакавъ татаръ, уходившихъ по направленію галичской дороги, рѣшительно атаковалъ ихъ съ фронта. Три раза врубался онъ въ ряды отступавшихъ, поражая ихъ направо и налѣво, но въ четвертый—палъ самъ весь изране-

ный, вмѣстѣ съ своимъ конемъ. Только крѣпкая отцовская кольчуга спасла его отъ неминуемой смерти. Та-же участь постигла и подоспѣвшаго затѣмъ на помощь брата Курбскаго—князя Романа. Татары торопились укрыться въ лѣсъ, но настигнутые отрядами Микулинскаго, Шереметева и Глинскаго, высланными Іоанномъ для преслѣдованія, а также сотнями Угримова и Вороного, находившимися за р. Казанкой, они были почти всѣ истреблены и только немногіе успѣли спастись въ лѣсу, но и то израненые.

Теперь Казань была уже окончательно взята. Въ плѣнъ русскимъ досталось огромное число женъ и дѣтей, но ни одного защитника; по повелѣнію Іоанна всѣ вооруженные татары были избиваемы за ихъ прежнія измѣны и недавнее сопротивленіе. Трупы убитыхъ покрывали всѣ площади и улицы города, такъ что не имѣлось мѣста, гдѣ-бы можно было ступить не на мертваго; около царскаго дворца и по ближнимъ улицамъ кучи убитыхъ возвышались въ уровень съ городскими стѣнами; крѣпостной ровъ и путь отступленія послѣднихъ защитниковъ Казани были усѣяны тѣлами.

Какъ велики были потери русскихъ за время осады и штурма—въ точности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ихъ нужно полагать очень значительными. Шести-недѣльная бивачная жизнь, неизбѣжно пораждавшая болѣзненность среди войскъ, чуть-ли ни ежедневные кровопролитные бои за все время осады и, наконецъ, страшное ожесточеніе татаръ при штурмѣ,—всё это свидѣтельствуетъ, что побѣда стоила русскимъ громадныхъ жертвъ.

Получивъ донесеніе, что Казань взята, Іоаннъ приказалъ отслужить подъ знаменемъ благодарственное молебствіе и тутъ-же, близъ *Царевыхъ* воротъ, водрузилъ собственными руками крестъ, повелѣвъ воздвигнуть на этомъ мѣстѣ обыденную церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спаса (*).

(*) Церковь эта впослѣдствіи была перенесена на ея теперешнее мѣсто.

Затѣмъ, принявъ поздравленіе отъ князя Владиміра Андреевича, царя Шигъ-Алея и прибывшихъ воеводъ, Іоаннъ отдалъ распоряженіе очистить отъ труповъ улицу отъ *Муралеевыхъ* воротъ къ ханскому дворцу, по которой и въѣхалъ въ покоренный городъ, радостно встрѣченный освобожденными русскими плѣнниками. Здѣсь онъ распорядился относительно женщинъ и дѣтей и всѣхъ сокровищъ, взятыхъ при штурмѣ: и то и другое было отдано имъ въ награду потрудившемуся войску; себѣ-же оставилъ плѣннаго Едигера, ханскія знамена и крѣпостныя пушки. Приказавъ затѣмъ тушить пожары и очищать городъ отъ труповъ, царь отбылъ въ свой станъ, гдѣ вновь отслушалъ благодарственное молебствіе въ церкви Св. Сергія, поблагодарилъ войска и угостилъ ихъ своимъ обѣдомъ.

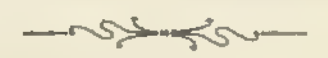
4-го октября Іоаннъ сдѣлалъ торжественный въѣздъ въ городъ, уже очищенный отъ труповъ. Здѣсь онъ собственноручно заложилъ церковь во имя Благовѣщенія Богородицы на ея настоящемъ мѣстѣ и, послѣ молебствія, приказалъ совершить крестный ходъ по стѣнамъ крѣпости. Черезъ два дня послѣ этого (6-го октября) онъ назначилъ намѣстникомъ Казани князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, оставивъ при немъ для гарнизона возстановленной крѣпости многихъ боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ.

Затѣмъ, принявъ челобитье и присягу о покорности отъ Луговой черемисы и Арскихъ людей, Іоаннъ отправился 11-го октября съ пѣшими войсками въ обратный походъ на судахъ по р. Волгѣ, пославъ князя Воротынскаго съ конницею берегомъ той-же рѣки на Василь-Сурскъ.

Таковъ былъ конецъ знаменитаго послѣдняго похода подъ Казань, ея осады и штурма русскими въ 1552 году. Могущественное и воинственное татарское царство пало къ под-

ножію Іоаннова престола; хищническій притонъ свирѣпыхъ разбойниковъ и грабителей обратился въ русскій городъ, на мѣстѣ мусульманскихъ мечетей воздвиглись христіанскіе храмы, грозные угнетатели превратились въ угнетенныхъ и вся восточная окраина Московскаго государства спокойно вздохнула послѣ тяжелыхъ испытаній, непрерывно длившихся въ теченіе цѣлаго столѣтія.

КОНЕЦЪ.

ДОБАВЛЕНІЕ

КЪ ОПИСАНІЮ КАЗАНСКОЙ КРѢПОСТНОЙ ОГРАДЫ.

Въ виду отсутствія точныхъ указаній относительно направленія крѣпостной стѣны и положенія воротъ въ татарской Казани 1552 года, считаю необходимымъ, выпуская въ печать мое сообщеніе, дополнить его краткимъ изложеніемъ тѣхъ оснований, которыя привели меня именно къ вышеописанному очертанію крѣпостной ограды, а не къ какому либо другому.

Главнѣйшимъ матеріаломъ для возстановленія топографіи Казани и предѣловъ татарской крѣпости во время осады ея русскими въ 1552 году послужили для меня изслѣдованія протоіерея Пл. Заринскаго «Очерки древней Казани» изд. 1877 г., основанныя на «Писцовой книгѣ г. Казани съ уѣздомъ 1566—68 годовъ». Руководствуясь этимъ источникомъ и описаніемъ осады и взятія Казани, составленнымъ княземъ Н. Голицынымъ («Русская военная исторія», часть II, § 83), планомъ, изданнымъ въ 1833 году профессоромъ Устряловымъ при Сказаніяхъ князя Курбскаго и планами Казани 1768 года (собственность Казанскаго университетскаго музея) и современнымъ,—мною составленъ особый «Планъ осады Казани въ 1552 году», во всёмъ согласованный съ описаніемъ мѣстности, сдѣланнымъ для татарской Казани въ главѣ IV сообщенія.

На этомъ-же планѣ показаны направленіе казанской крѣпостной ограды и мѣста расположенія ея воротъ и башенъ.

И то и другое нѣсколько измѣнено сравнительно съ показаннымъ на планѣ, приложенномъ къ книгѣ Пл. Заринскаго. Измѣненія эти введены, какъ исходя изъ описаній осады и штурма Казани, изложенныхъ въ Царственной книгѣ изд. 1769 года и въ Сказаніяхъ князя Курбскаго (глава II-я), такъ и вслѣдствіе чисто топографическихъ данныхъ самой мѣстности, на которой была расположена крѣпость и происходила ея осада. Далёкъ отъ того, чтобы утверждать безусловную вѣрность и полноту всѣхъ вводимыхъ мною поправокъ въ планъ Пл. Заринскаго, но думаю, что съ ними — направленіе крѣпостной стѣны и положеніе воротъ и башенъ будетъ ближе подходить къ ихъ истинному расположенію въ татарской Казани временъ 1552 года.

Въ подтвержденіе только что сказаннаго, привожу тѣ соображенія, которыя руководили мною при опредѣленіи прежнихъ мѣстъ расположенія крѣпостныхъ воротъ, какъ основныхъ пунктовъ для опредѣленія затѣмъ и всей казанской крѣпостной ограды.

1) *Муралеевы* (*Тайницкія*) ворота должны были находиться въ виду позиціи *сторожевого* полка, такъ какъ противъ нихъ во всё время осады и штурма дѣйствовали исключительно только войска этого полка. Послѣдній-же, какъ извѣстно, занималъ устье рѣки Булака. Слѣдовательно, *Муралеевы* ворота выходили въ сторону этого устья, то есть были обращены къ юго-западу. Около нихъ и рѣки Казанки находился ключъ, сообщавшійся съ крѣпостью подземнымъ ходомъ — *тайникомъ*, который былъ взорванъ войсками *сторожевого* полка 5-го сентября. Отсюда ясно, что ворота эти находились поблизости р. Казанки и, выходя въ то-же время на устье Булака, занимали исходящій уголъ крѣпостной ограды, шедшей здѣсь параллельно упомянутымъ рѣкамъ.

Основываясь на всёмъ вышесказанномъ, можно предполагать, что *Муралеевы* ворота стояли на мѣстѣ нынѣшнихъ

кремлевскихъ *Воскресенскихъ* воротъ или вблизи ихъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этому служитъ существующій и по настоящее время ключъ, бьющій у подножія башни *Воскресенскихъ* воротъ.

2) *Элбугины* ворота находились у подножія сѣвернаго конца кремлевской горы, противъ нынѣшнихъ мельницъ, приблизительно у того мѣста, гдѣ въ настоящее время стоитъ сѣверная угловая башня кремля. Справедливость этого предположенія подтверждается нижеслѣдующими соображеніями.

Во первыхъ, для штурма этихъ воротъ назначенъ былъ полкъ *правой руки*, стоявшій на правомъ берегу р. Казанки, тыломъ къ *Галичской* дорогѣ и слѣдовательно фронтомъ къ сѣверной оградѣ крѣпости. Противъ лѣваго фланга позиціи этого полка Казанка образовывала рядъ затоновъ и озёръ, доходившихъ почти до *Нижняго Поганаго* озера, а потому весь этотъ участокъ мѣстности былъ или вовсе непроходимъ, или-же, если и доступенъ для перехода, то во всякомъ случаѣ съ крайне большими затрудненіями. Между тѣмъ изъ описанія Курбскимъ хода штурма мы не видимъ, чтобы войска его полка встрѣтили какое либо затрудненіе при движеніи къ стѣнамъ крѣпости. Слѣдовательно, приступъ былъ направленъ мимо этого озёрнаго участка, или въ обходъ его слѣва, или прямо отъ середины фронта полка, что, конечно, болѣе вѣроятно. Но обходъ слѣва приводилъ войска Курбскаго къ горѣ, занимаемой нынѣ Казанскимъ женскимъ монастыремъ, тогда какъ изъ хода дѣйствій этихъ войскъ видно, что они штурмовали ту гору, на которой находился ханскій дворецъ, то есть кремлевскую. Отсюда ясно, что *Элбугины* ворота лежали вправо (къ западу) отъ озёръ, противъ середины или праваго фланга полка *правой руки*.

Во вторыхъ, изъ описанія штурма Курбскимъ видно, что *Элбугины* ворота находились внизу подъ горою («и поидоша отъ Царева двора на дольнюю сторону мѣста къ ни-

жайшимъ вратамъ» стр. 40-я), а за ними на горѣ стояла большая и сильно вооруженная башня, соединенная оградой съ крѣпостною стѣною и назначенная для защиты расположенныхъ у подошвы горы крѣпостныхъ воротъ. Когда казанцы были вытѣснены нашими войсками, наступавшими со стороны Арскаго поля, изъ ханскаго дворца, то они начали отступать на эту башню, имѣя въ виду пробиться черезъ *Элбугины* ворота. Курбскій, успѣвшій передъ тѣмъ занять башню, теперь вынужденъ былъ, вслѣдствіе малочисленности своего отряда (150 чел.), оставить её и отступить внизъ къ крѣпостнымъ воротамъ. Поддержанный здѣсь прибывшими подкрѣпленіями, онъ остановилъ татаръ и не пропустилъ ихъ въ ворота. Тогда казанцы бросились черезъ стѣны къ р. Казанкѣ и пробовали пробиться черезъ туры полка *правой руки*, прямо противъ его стана (дер. Гривки), но встрѣченные сильнымъ огнемъ изъ пушекъ, повернули внизъ по теченію рѣки и, пройдя разстояніе «акп три перестрѣла лучныхъ» (Сказ. кн. Курбск. стр. 42), переправились противъ *праваго* фланга его позиціи, внѣ укрѣпленій.

Уже одно стремленіе осажденныхъ пробиться черезъ *Элбугины* ворота показываетъ, что послѣднія не вели къ озёрному участку, гдѣ отступленіе спасавшихся защитниковъ Казани неизбѣжно замедлилось-бы и удлинилось. Если-же принять въ соображеніе, что татары, остановленные передъ воротами, перелѣзали естественно черезъ ближайшіе участки стѣны, то становится очевиднымъ, что *Элбугины* ворота выходили на Казанку и притомъ отстояли отъ конца правофланговыхъ укрѣпленій полка *правой руки* не ближе 600 шаговъ (три лучныхъ перестрѣла).

Сопоставляя всё вышесказанное съ данными мѣстности въ этой части Казани, можно смѣло утверждать, что *Элбугины* ворота находились у подошвы самой сѣверной оконечности кремлевской горы, такъ какъ всё разстояніе отъ изгиба Ка-

занки, что у мельницъ, до устья прежняго рукава Булака не превосходитъ 700 шаговъ (см. планъ № 2).

3) *Збойливыя* ворота въ татарской Казани находились нѣсколько сѣвернѣе нынѣшнихъ кремлевскихъ *Пятницкихъ* воротъ, а именно—во входящемъ углу крѣпостныхъ стѣнъ, огибавшихъ затопы рѣки Казанки. Предположеніе это основано на слѣдующихъ данныхъ.

Въ русской Казани 1565—66 годовъ *Збойливыя* ворота носили названіе *Дмитріевскихъ*. Послѣднія, по изслѣдованіямъ Пл. Заринскаго, находясь на сѣверо-восточной сторонѣ кремля, соотвѣтствовали среднему пункту стѣны на юго-западной его сторонѣ и, по соображеніямъ изслѣдователя, выходили не въ поле, а во внутренность города, или вѣрнѣе посада, къ Пятницкой церкви, южнѣе нынѣшнихъ *Пятницкихъ* воротъ. Однако, если эти соображенія вполнѣ справедливы относительно русской Казани, то они вовсе не примѣнимы въ отношеніи къ татарской. Изъ описанія штурма (глава VII сообщенія) видно, что въ татарской Казани нынѣшній кремль не составлялъ особаго укрѣпленія и стѣнъ, отдѣлявшихъ городъ отъ посада, какъ это было въ русской Казани 1560 годовъ, *въ ней не существовало*. Поэтому, если предположить, что *Збойливыя* ворота были въ періодъ осады южнѣе нынѣшнихъ *Пятницкихъ* воротъ, то является необходимымъ сдѣлать тотчасъ-же и другое предположеніе, что крѣпостная стѣна огибала оврагъ между кремлемъ и Пятницкой церковью, вдаваясь во внутрь города почти до начала нынѣшней Покровской улицы, въ видѣ буквы П. Но такое глубокое вдавливаніе стѣны было безцѣльно и врядъ-ли могло существовать въ татарской оградѣ, что отчасти можно заключить и изъ данныхъ Царственной книги. Послѣдняя свидѣтельствуетъ, что 29 августа *ертоулъ* и часть *передового* полка поставили туры противъ *Збойливыхъ* и *Кайбацкихъ* воротъ. Отсюда ясно, что обои эти ворота были въ виду русскихъ укрѣпленій; иначе

какимъ-бы образомъ туры *ертоула*, примыкавшіе къ Казанкѣ, могли быть поставлены противъ *Збойливыхъ* воротъ, если-бы послѣднія находились южнѣе нынѣшнихъ *Пятницкихъ?* Затѣмъ, въ концѣ августа, одновременно съ вылазкой казанцевъ на туры *большого* полка, была произведена изъ *Збойливыхъ* воротъ вылазка противъ туровъ *передового* полка и *ертоула*, которые были установлены не близко къ стѣнамъ. Появленіе противника было замѣчено издали, что дало возможность полкамъ изготовиться къ бою и затѣмъ опрокинуть татаръ. Если-бы *Збойливыя* ворота находились южнѣе нынѣшнихъ *Пятницкихъ*, то при данныхъ условіяхъ, какая цѣль была татарамъ, предпринимая вылазку, дѣлать её не изъ ближайшихъ *Кайбатскихъ*, а изъ самыхъ удаленныхъ воротъ (*Збойливыхъ*), и въ послѣднемъ случаѣ, какимъ-бы образомъ русскія войска могли издали обнаружить эту вылазку, когда движеніе ея шло-бы по оврагу? Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что *Збойливыя* ворота находились хотя и въ оградѣ, идущей по кремлевской горѣ, но были расположены сѣвернѣе нынѣшнихъ *Пятницкихъ*, примѣрно противъ начала Засыпкиной улицы; крѣпостная-же стѣна татарской Казани, отъ *Збойливыхъ* воротъ, переходила черезъ оврагъ въ томъ его мѣстѣ, гдѣ онъ съуживался, т. е. передъ самымъ *Нижнимъ Поганымъ* озеромъ.

4) *Кайбатскія ворота*, на основаніи реферата Заринскаго, соотвѣтствовали *Тульскимъ* въ русской крѣпостной оградѣ 1565—66 годовъ и находились близъ церкви *Николы Тульскаго*, нынѣшней теплой церкви Казанскаго женскаго монастыря. Они были обращены въ сторону Стараго городища, то есть къ мѣстности, очерченной нынѣ улицами: Касаткиной и Малой Красной—къ Θеодоровскому монастырю.

По соображеніямъ Заринскаго ворота эти стояли на мѣстѣ нынѣшняго тюремнаго замка; но съ этимъ согласиться нельзя: во первыхъ потому, что такое положеніе воротъ не

отвѣчало-бы требованіямъ тогдашняго военно-инженернаго искусства, ибо участокъ стѣны до *Збойливыхъ* воротъ, при отсутствіи на немъ промежуточныхъ башенъ, выходилъ-бы болѣе двухъ лучныхъ перестрѣловъ, составлявшихъ предѣльное разстояніе башенъ другъ отъ друга,—а во вторыхъ еще и вслѣдствіе того, что разстояніе отъ тюрьмы до края обрыва не превосходитъ 40 саж.; между тѣмъ, по свидѣтельству Царственной книги, русскіе туры, которые стояли, конечно, не у подошвы, а на вершинѣ горы, были не въ близкомъ разстояніи отъ *Кайбатскихъ* воротъ (стр. 293-я). Въ виду сказаннаго, будетъ правдоподобнѣе предположить, что ворота эти находились гораздо южнѣе, при томъ однако условіи, что крѣпостная стѣна захватывала мѣсто нынѣшней теплой церкви Казанскаго женскаго монастыря, то есть стояли, примѣрно, около сѣверной угловой башни послѣдняго.

5) *Арскія* ворота лежали на концѣ Покровской улицы, которая до конца прошлаго вѣка называлась *Арскою* (см. «Очерки древней Казани» Зарнискаго, стр. 193). Въ русской Казани 1560 годовъ надъ воротами была башня, но о существованіи послѣдней въ періодъ осады—свѣдѣній не имѣется. Царственная книга, описывая осаду, указываетъ, что уже къ 6-му сентября *Арскія* ворота были сбиты до основанія усиленнымъ дѣйствіемъ нашего *наряда* (стр. 287-я). Кромѣ того есть другое показаніе, что русскія войска, отразивъ вылазку казанцевъ 30-го сентября, ворвались въ городъ и заняли *Арскія* ворота, башню и ближайшія къ нимъ части крѣпостной стѣны (стр. 295-я).

Нѣтъ основаній предполагать, что устройство *Арскихъ* воротъ отличалось отъ всѣхъ остальныхъ воротъ казанской ограды и что надъ ними не было башни. Исходя изъ вышеприведенныхъ данныхъ Царственной книги, нужно думать, что надъ воротами имѣлась башня, но къ 6-му сентября она была разрушена русскимъ *нарядомъ*; что-же касается башни, заня-

той русскими войсками 30-го сентября, то она находилась гдѣ нибудь по-близости *Арскихъ* воротъ и была независима отъ нихъ. Если разсмотрѣть внимательно характеръ мѣстности между *Кайбатскими* и *Арскими* воротами, то направленіе крѣпостной стѣны между ними всего вѣроятнѣе предположить слѣдующимъ: отъ *Кайбатскихъ* воротъ стѣна огибала сначала оврагъ Кошачьяго переулка, у вершины котораго имѣла башню для продольнаго обстрѣливанія этого оврага («у боя въ долу» см. «Очерки древней Казани» Заринскаго, стр. 188); затѣмъ она шла на востокъ къ *Арскимъ* воротамъ, но такъ какъ разстояніе до нихъ (750 шаговъ) превосходило двойную дальность полета стрѣлы, то на этомъ участкѣ стѣны имѣлась еще и другая башня, стоявшая, всего естественнѣе, на исходящемъ углу ограды—у вершины оврага, что шелъ западнѣе нынѣшней улицы Поповой Горы. По всей вѣроятности, объ этой второй башнѣ и упоминаетъ Царственная книга, описывая бой 30-го сентября. На планѣ фонъ-Кашица, обработанномъ Устряловымъ, въ этомъ именно мѣстѣ и показана *Арская* башня.

6) *Царевы (Царскія)* ворота по Царственной книгѣ упоминаются всегда рядомъ съ *Арскими*. Въ русской Казани 1560 годовъ рядомъ съ послѣдними стояли *Спасскія* ворота, которыя находились приблизительно между нынѣшней клиникой, университетомъ и Воскресенской улицей (см. «Очерки древней Казани» Заринскаго стр. 194—200).

Изъ описанія штурма (глава VII сообщенія) уже извѣстно, что Іоаннъ, подкрѣпивъ Воротынскаго частью своей *дружины*, двинулся съ остальною къ *Царевымъ* воротамъ, гдѣ и выжидалъ исхода приступа. Затѣмъ, когда Воротынскій далъ знать, что Казань взята, Іоаннъ приказалъ отслужить молебенъ подъ сѣнью своего знамени и, водрузивъ здѣсь собственными руками Животворящій крестъ, повелѣлъ устроить на этомъ мѣстѣ обыденную (строенную въ одинъ день) деревянную церковь во имя Нерукотвореннаго образа Спаса, что и было

исполнено. Сопоставивъ между собою вышеприведенныя данныя относительно *Спасскихъ* воротъ въ русской Казани и *Царевыхъ* *(Царскихъ)*—въ татарской, можно положительно сказать, что это были одни и тѣ-же ворота. По всѣй вѣроятности, съ обращеніемъ Казани въ чисто русскій городъ, они были названы жителями по имени стоявшей около нихъ церкви *Спаса*.

Ворота эти не могли находиться на краю или вблизи обрыва, такъ какъ передъ ними проходилъ крѣпостной ровъ, за которымъ были расположены *тарасы*, взорванные русскими 30-го сентября. Мѣстность около этихъ воротъ должна была имѣть равнинный характеръ, иначе трудно себѣ представить, какимъ образомъ могла быть поставлена передъ ними деревянная башня, устроенная Выродковымъ. Приведенныя обстоятельства заставляютъ предполагать, что *Царевы* ворота стояли во дворѣ нынѣшней клиники или даже—дома Соколова и были обращены въ сторону Арскаго поля. Дорога-же къ нимъ отъ р. Булака и отъ кладбища на пасадѣ, гдѣ стояла въ началѣ штурма *царская дружина*, шла вѣроятно по Рыбнорядскому оврагу.

Между *Арскими* и *Царевыми* воротами находилась угловая башня, подъ которую и былъ сдѣланъ подкопъ отъ башни, поставленной Выродковымъ. Принявъ во вниманіе характеръ мѣстности на этомъ участкѣ, нужно думать, что крѣпостная стѣна шла сначала вдоль сѣдловины, находившейся между сближавшимися здѣсь вершинами овраговъ, а затѣмъ поворачивала къ юго-востоку—къ *Царевымъ* воротамъ. Самый поворотъ стѣны, гдѣ стояла крѣпостная башня, находился у подошвы возвышенности нынѣшней Воскресенской улицы.

7) *Ногайскія* ворота, по изслѣдованію Заринскаго (см. «Очерки древней Казани» стр. 36 и 200), лежали къ юго-западу отъ *Царевыхъ*; отъ нихъ шла подъ гору *Ногайская* дорога, пролегавшая вдоль сѣверо-восточныхъ береговъ озёръ Верхняго и Нижняго Кабана. Мѣсто этихъ воротъ Заринскій

опредѣляетъ на половинѣ южнаго ската университетской горы, основываясь на слѣдующихъ указаніяхъ Писцовой книги: «Къ Казанскому посаду прибавлено за острогомъ противъ *Проломныхъ* воротъ въ Арской сторонѣ межъ Булакомъ и межъ горы, что съ Арскаго поля..... вверхъ по дорожку, что дорожка отъ Арскаго поля отъ Ногайскихъ воротъ съ горы прямо къ Булаку.... архіепискупль на 2 десятины да огородъ Преображенскаго монастыря на 3 десятины.» Однако приведенная выписка вовсе не указываетъ на то, что дорожка отъ *Ногайскихъ* воротъ начиналась съ половины горы; она могла начинаться и на вершинѣ горы, но ограничивать эти огороды— внизу или на половинѣ ската. Гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что *Ногайскія* ворота, имѣвшія надъ собою башню, стояли на краю плоской возвышенности, а не на ея скатѣ; иначе какое бы значеніе въ дѣлѣ обороны имѣла башня въ отношеніи того участка стѣны, который шелъ на верху плоской возвышенности къ *Царевымъ* воротамъ?! Мнѣ кажется, что мѣсто ихъ нужно искать во дворѣ университета, надъ обрывомъ къ Малой Проломной улицѣ.

8) *Крымскія* ворота, какъ видно изъ хода осады Казани, лежали противъ фронта позиціи *большого* полка, то есть на восточныхъ или юго-восточныхъ фасахъ крѣпостной ограды. Изъ нихъ была произведена 27-го августа незначительная вылазка противъ неготовыхъ къ бою ратниковъ *большого* полка, окончившаяся полною неудачею для осажденныхъ. Затѣмъ во всё время дальнѣйшей осады и при штурмѣ они никакой роли не играли; изъ данныхъ Царственной книги не видно, чтобы казанцы пользовались ими для своихъ вылазокъ, а русскіе вели противъ нихъ какія либо осадныя работы. Всё это говоритъ за то, что положеніе *Крымскихъ* воротъ въ крѣпостной оградѣ не было важно для осаждавшихъ и удобно для осажденныхъ.

Писцовая книга 1566—68 годовъ называетъ рядомъ съ

Ногайскими воротами въ русской Казани—ворота *на заразъ* «На острогѣ-же, на старомъ татарскомъ кладбищѣ, ворота малыя на *заразъ,* по обѣ стороны врага къ Булаку, даны стрѣльцамъ для воды» (см. «Очерки древней Казани» стр. 200). Зарипскій дѣлаетъ предположеніе, что эти ворота и соотвѣтствовали *Крымскимъ* въ татарской Казани, опредѣляя ихъ мѣсто на исходящемъ юго-восточномъ углу крѣпостной ограды. По отсутствію другихъ, болѣе точныхъ указаній, приходится принять эти ворота за *Крымскія.* Подобное предположеніе не будетъ противорѣчить дѣйствительности, такъ какъ расположеніе воротъ на оврагѣ не могло быть выгодно ни для обороняющагося, ни для атакующаго и вслѣдствіе этого какъ та, такъ и другая сторона не придавали имъ въ періодъ осады важнаго значенія. Но это-же самое обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что ворота эти стояли не на исходящемъ углу крѣпостной ограды; иначе русскіе ни въ какомъ случаѣ не могли оставить безъ вниманія эту выдающую часть непріятельской позиціи. Ничтожное значеніе *Крымскихъ* воротъ въ дѣйствіяхъ осады и обороны крѣпости скорѣе показываетъ, что они находились во *входящемъ* углу крѣпостной ограды, вдали отъ укрѣпленій осаждавшаго.

На планѣ Казани 1768 года, около нынѣшней Поперечно-Воскресенской улицы, показанъ небольшой оврагъ, идущій отъ вершины Воскресенской возвышенности прямо къ югу.

Не находились-ли здѣсь *Крымскія* ворота, образуя собою вершину входящаго угла крѣпостной ограды? Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что только при подобномъ очертаніи крѣпости прибавка новаго мѣста къ Казанскому посаду противъ *Проломныхъ* воротъ («Къ Казанскому посаду прибавлено за острогомъ противъ Проломныхъ воротъ и т. д.; см. выше стр. 110-ю), сдѣланная послѣ 1567 года, и могла ограничиваться линіей, идущей отъ *Ногайскихъ* воротъ къ р. Булаку, какъ это указываетъ Писцовая книга: «а острогъ новый поста-

вить отъ *Ногайскихъ* воротъ, съ Арскаго поля, съ горы, подлѣ дорожки и до Булака противъ татарской слободы....» (см. «Очерки древней Казани», стр. 36). Если-же считать *Крымскія* ворота на томъ мѣстѣ, гдѣ они показаны на планѣ Заринскаго, то становится непонятнымъ, почему новая острожная стѣна должна была начаться не у этихъ воротъ, занимавшихъ ближайшій выдающійся уголъ ограды, а у отдаленныхъ боковыхъ—*Ногайскихъ*? Кромѣ того, самъ Заринскій, въ рефератѣ своемъ «Топографія города Казани въ 1552 году, во время осады ея русскими войсками» (см. Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи стр. 74.) опредѣляетъ, что крайнія ворота на юго-восточномъ (ошибочно названномъ—юго-западнымъ) углу крѣпостной ограды были *Ногайскія*, а на планѣ между тѣмъ таковыми показываетъ *Крымскія*.

Все вышесказанное приводитъ меня къ убѣжденію, что мѣсто *Крымскихъ* воротъ нужно искать около нынѣшней Поперечно-Воскресенской улицы, поблизости аптеки Грахе, во входящемъ углу крѣпостной ограды. Они были обращены въ южную сторону, по направленію къ Крыму, потому, быть можетъ, и назывались *Крымскими*.

Что касается кладбища, упоминаемаго Писцовой Книгой около воротъ *на заразъ (Крымскихъ)*, то нѣтъ никакого основанія утверждать, что это было то именно кладбище, которое на планѣ фонъ Каница показано поблизости нынѣшняго Рыбнаго ряда. Въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ татарская Казань, за сто лѣтъ ея существованія, было, конечно, нѣсколько отдѣльныхъ кладбищъ и весьма вѣроятно, что одно изъ нихъ находилось около нынѣшняго дома Грахе, противъ *Крымскихъ* воротъ. Если-же предположить, что Писцовая книга, говоря о воротахъ *на заразъ*, подразумѣваетъ кладбище, находившееся возлѣ Рыбнаго ряда, то становится вовсе непонятнымъ, какимъ образомъ отрядъ Шигъ-Алея, занимавшій во время осады это кладбище, ни разу не подвергся нападенію казан-

цевъ изъ стоявшихъ здѣсь-же *Крымскихъ* воротъ, тогда какъ войска *большого* полка выдержали подобное нападеніе, произведенное Карамышемъ 27-го августа. Кромѣ того, было бы трудно объяснить, для какой цѣли *царская дружина*, составлявшая при штурмѣ резервъ Воротынскаго, была поставлена на одной линіи съ войсками *большого* полка, на кладбищѣ посада, вблизи воротъ непріятельской крѣпости, гдѣ она неизбѣжно подвергалась бы огню съ крѣпостныхъ стѣнъ. Ничего подобнаго не случится, если предположить, что кладбище на *посадѣ* и кладбище у воротъ на *заразѣ* были различны между собою.

9) *Атылыковы* ворота, на основаніи изслѣдованій Заринскаго, тождественны съ *Проломными* въ русской Казани и находились недалеко отъ большого пролома въ крѣпостной стѣнѣ, поблизости нынѣшней Николо-Вешняковской церкви (см. «Очерки древней Казани» стр. 36, 37 и 201-ю). Противъ нихъ дѣйствовали въ періодъ осады войска *большого* полка и слѣдовательно ворота эти лежали на юго-восточномъ фронтѣ крѣпостной ограды. Отъ нихъ стѣна шла сначала къ р. Булаку, а затѣмъ поворачивала къ кремлевской горѣ. На поворотѣ стѣны стояла та угловая башня, подъ которую былъ веденъ подкопъ отъ туровъ окольничаго Петра Морозова, расположенныхъ въ разстояніи одного лучнаго выстрѣла (250 шаговъ) отъ р. Булака. Имѣя въ виду, что на работы по устройству подкопа потрачено ровно одинъ мѣсяцъ и что противникъ замѣтилъ ихъ только тогда, когда онѣ были совсѣмъ окончены, нужно предположить, что начало подкопа находилось далеко отъ крѣпостной ограды и что подземная галлерея шла въ западномъ направленіи, почти параллельно Булаку. Быть можетъ большія работы, сопряженныя съ веденіемъ этого подкопа, и послужили основаніемъ тому, что онъ былъ названъ «большимъ», ибо при штурмѣ Казани онъ не игралъ первенствующей роли.

10) *Тюменскія* ворота, по опредѣленію Писцовой книги,

носили названіе въ русской Казани 1560 годовъ *Сергіевскихъ* и стояли на томъ мѣстѣ, на которомъ находятся теперь заложенныя ворота въ кремлевской стѣнѣ, примыкающей къ оградѣ Спасскаго монастыря (см. «Очерки древней Казани» Пл. Заринскаго, стр. 98-я).

Вотъ, въ общихъ и краткихъ чертахъ, тѣ основанія, которыя руководили мною при опредѣленіи мѣстъ расположенія крѣпостныхъ воротъ, а съ ними, и крѣпостной ограды татарской Казани 1552 года.

Вл. Трофимовъ.

2007099222